

[Polaris]

СТЕНЛИ
ВАТЕРЛОО

ИСТОРИЯ АБА

Повествование из времен
пещерных людей

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXXV

Salamandra P.V.V.

Стенли
ВАТЕРЛОО

ИСТОРИЯ АБА

Повествование из времен
пещерных людей

В дали времен

Том VI

Salamandra P.V.V.

Ватерлоо С.

История Аба: Повествование из времен пещерных людей. Пер. Н. С. Кур—ова. Илл. С. Веддера, Ф. Стирнса (Вдали времен. Том VI). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 212 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXXV).

Роман американского писателя Стенли Ватерлоо «История Аба», написанный в конце XIX века и переиздающийся впервые за 100 с лишним лет, был в свое время одной из самых известных в англоязычном мире книг о пещерных людях. Автор рассказывает в нем о жизни смелого охотника и искусного мастера Аба, изобретателя лука, ставшего патриархом своего племени.

ЖИЗНЬ ПЕЩЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА.

перевод
с американского.

Издательство А. С. Суворина. Торгового дома
Слава, Кузнецкий Мостъ, д. № 11.

ИСТОРИЯ АБА

Повествование из времен
пещерных людей

В этой книге рассказывается история Аба, человека эпохи каменных орудий, жившего так давно, что мы не можем с точностью определить этого времени, но человека, уже хорошо знавшего и любовь и борьбу за существование.

В своей работе автор пользовался оказанной ему помощью некоторых ученых обоих континентов, изучавших доисторическую эпоху. Отнесясь с особым вниманием и интересом к его труду, эти ученые и помогали автору, и ободряли его, и им-то желает он выразить свое чувство искренней благодарности.

В разработке избранного сюжета автору оставалось лишь следовать теориям, принятым учеными исследователями. После продолжительного изучения имеющихся в данное время материалов по истории каменного века, у него выросло убеждение, что таинственного пробела, отделявшего, по мнению ученых исследователей, палеолитический каменный век от неолитического, на самом деле никогда не существовало. Для объяснения различия между остатками быта человеческих существ, живших в оба периода, нет нужды прибегать к помощи какого-нибудь земного переворота или появления новой человеческой расы. Изобретения, опыт, приспособляемость и открытия, неизбежно связанные с мыслящим существом, — вот что служит достаточным объяснением сравнительно быстрого перехода от одной формы примитивной жизни к другой, более развитой, от эпохи орудий из оббитого камня к орудиям из полированного камня. Человек, с самого начала своего существования, был под влиянием сил эволюции, был всегда в движении, но в движении плавном и безостановочном, без поспешности и скачков. Земля, из которой он вышел, хранит свидетельства о пережитых им переменах в своих торфяных пластах, а также в пещерах, служивших жилищем первобытному человеку; он изменяется под влиянием вечных законов, которые сами остаются для всех времен без изменения.

Все действующие лица этой истории: Аб, Быстрая Ножка и другие, изображены согласно тому, какими они были в действительности. Голодные и иззябшие, они нападали на диких зверей, чтобы питаться их мясом и одеваться в их

меха; в пещерах земли эти люди, со своими семьями, находили довольно безопасное убежище. Потребности и страсти их были первобытны; они были во власти обычных человеческих страстей: любви, по крайней мере, некоторой формы ее, ревности, страха, мстительности, а также руководились памятью о полученных ими благодеяниях, о нанесенном им вреде. Они лелеяли своих детей, вели отчаянную борьбу с животными того времени и между собой, а когда кончалась их короткая беспокойная жизнь, то для них наступало молчание, но не забвение; старушка-земля заботливо сохранила их историю, и мы, их потомки, можем читать ее теперь.

Глава I

ДИТИЯ СРЕДИ ЛЕСОВ

В маленькую ложбину среди леса ветер намел кучу буковых листьев, и они образовали мягкую опрятную постельку. Лес был приблизительно в двадцати саженях от реки, течение которой направлялось к востоку; берег ее в этом месте представлял крутой обрыв, почти пропасть. Этот небольшой, в виде полуострова лесок отделялся светлыми прогалинами от дремучего леса, тянувшегося в глубь страны. Как раз под лесом, почти в нем самом и вблизи берега виднелось отверстие небольшой пещеры; оно было так завалено камнями, что остававшееся отверстие было едва достаточно для пропуска человеческого существа. Маленькое ложе из буковых листьев находилось в нескольких шагах от этой пещеры. На этой постели из листьев перекатывалось с боку на бок смуглое дитя и радостно вскидывало вверх свои короткие ножки. Очевидно, оно не могло еще ходить, а по величине и внешнему виду ему нельзя было дать более года; но, несмотря на такой ранний возраст, мальчуган, казалось, был доволен своим одиночеством и с наслаждением сильными ручками ломал ветки, падавшие на его постельку сверху. Не только его голова была покрыта длинными волосами, вдвое длиннее, чем они могли быть у ребенка такого возраста в наше время, но также на руках и ногах у него виднелся волосяной пушок; а весь, по внешнему виду, он был смугл и суров. Он смеялся и лепетал, вскидывая ногами среди буковых листьев, и смотрел вверх, в синее небо. Мы ни слова не сказали об одежде ребенка, но полное отсутствие ее служит достаточным извинением подобного недосмотра: он был совершенно нагой. Это было дитя пещерного человека, жившего в конце той эпохи, когда люди еще делали каменные орудия из оббитого кремня, когда климат был умеренный, когда начала исчезать одна группа животных и появляться другая, когда мамонт, носорог, гигантский пещерный тигр, пещерный медведь, огромный лось,

северный олень, зубр, буйвол и стада маленьких лошадей кормились и резвились в одних и тех же лесах, держась для безопасности на почтительном расстоянии одни от других.

Все здесь описываемое, когда Аб (так звали ребенка) лежал нагой на постели из буковых листьев, происходило очень давно; впрочем, безразлично, сколько тысяч лет тому назад. Можно было заранее предсказать, что его ждало деятельное и полное интереса существование. Подобно всем людям того времени, и ему предстояло провести большую часть жизни в движении: или преследуя дичь, или спасаясь от хищников. Скука не имела власти над людьми каменного века. И дети, и взрослые не имели недостатка в предметах, способных если не развлечь их, то заинтересовать. Здесь рассказывается правдивая история о жизни Аба, о товарищах его игр и обо всем, что с ним случилось в пору его возмужалости.

Продолжим начатое описание реки. Мы уже говорили, что она протекала на восток, но не всегда строго в этом направлении: она и отклонялась в сторону, и извивалась, и образовывала то заводи и рукава, то быстрины между обрывистыми берегами, то острова и косы, заросшие лесом, а затем вливалась в обширное озеро, простиравшееся на много верст во все стороны; оттуда ее воды истекали вновь, об разуя продолжение той же реки.

В одном месте река протекала между высоких берегов, в другом — исчезала в густом лесу или же широко раскидывалась по обширной равнине. Случалось, что эти разнообразные условия были бок о бок: или против леса, на одном берегу, на другом простиравшаяся равнина; или против высот лежало болото. Кстати, следует сказать, что верхнее течение этой реки существует и в наши дни в виде сравнительно небольшой реки под названием Темза, изливающей свои воды в так называемый Английский канал. По обеим берегам ее теперь раскинулся величайший в мире город. В то время, когда ребенок Аб спал в полдень в гнездышке из буковых листьев, река называлась не Темзой, а просто «Текучей водой», в отличие от вод моря. Она еще не впадала в Английский канал по той простой причине, что его и не су-

ществовало. Там, где ныне находится знаменитый пролив, отделяющий острова Великобритании от материка, и где самый бывалый путешественник, объехав весь свет, испытывает приступы морской болезни, качаемый короткими волнами пролива; где Дрейк и Говард отбросили Великую Армаду к Северному морю, и куда теперь корабли всех наций стремятся к коммерческому и общественному центру — в то время там был плодородный материк, покрытый обширными лесами, а современная нам река была лишь частью большого притока Рейна, германской реки, знаменитой и в наше время, но, конечно, в ту эпоху заслуживавшей еще более внимания по своей величине и быстроте. Тогда и Темза, и Эльба, и Везер, принимавшие в себя тысячи притоков, вливали свои воды в ту реку, остатком которой представляется настоящий Рейн, и этот грозный в то время поток направлялся через густые леса и глубокие лощины, пока не вступал на обширную равнину, на месте которой теперь находится Северное море, и наконец вливался в Северный океан.

Деревья, стоявшие по берегу великой реки, а также и те, которые можно было разглядеть вдалеке за болотами и лугами, не все походили на ныне существующие породы. Еще среди них можно было ясно различить хвойные деревья огромной высоты вроде тех, что растут теперь среди краснолесья Калифорнии, и другие, несколько иного рода, составляющие теперь леса Австралии. Присутствие этих пород объясняется исключительным господством папоротниковидной растительности в еще более отдаленном прошлом Земли, когда ее поверхность была еще тепла, а воздух был полон испарениями, и когда растительный мир представлял такую мощь, в сравнении с которой флора той же географической полосы в наше время является бледной тенью прежнего величия. Однако, в эпоху пещерного человека, столько десятков тысяч лет тому назад, к нашему удивлению, мы уже встречаем деревья, сходные с теми, которые обычны в полосе умеренного климата и в наши дни. Торфяники, каменоугольные шахты, пещеры и рассеянные повсюду осадочные пласты правдиво рассказывают о существовавших тогда

деревьях. Дуб, бук и разные виды орешника уже поднимали свои грациозные кроны в воздухе, а под широко раскинувшимися их ветвями земля была усыпана густым слоем орехов, служивших пищей множеству животных, а также и человеку. Между деревьями встречался также и тис, плотной и волокнистой древесине которого в далеком будущем суждено было прославиться в песнях и сказаниях: он доставлял материал для оружия стрелков. Росли тогда и полный симметрии клен, и выносливый вяз, упорно выживающий даже в нездоровых условиях наших больших городов и дающий своим присутствием привлекательность этим человеческим муравейникам. Были тогда и сосны, и тополя, и ивы, и дикие яблони и другие плодовые породы, так распространявшиеся с тех пор, что они в настоящее время играют значительную роль в хозяйстве человека. Природа в ту эпоху поражала своим обилием. Еще существовали остатки животного и растительного мира предыдущей эпохи. Еще жили удивительные, чудовищные существа, поднимавшиеся из океана вверх по течению реки; их появление было уже и для предков Аба предметом любопытства, не говоря уже об опасности.

Дитя, лежавшее среди буковых листьев, утомилось наконец играть и заснуло сном младенца, без всяких грез. Оно спало, безмолвное и счастливое, а когда наконец проснулось, то в его настроении настала перемена. Ему нечем было более забавляться, кроме все того же переламывания веток. И вот, чувствуя голод, оно начало кричать. Всегда так было и будет, что голодное дитя плачет, и немедленно же около него появляется женщина — его мать. Мать Аба легко и быстро взбежала от берега реки к тому месту, где лежало дитя. Во всех отношениях она была достойна внимания, и дальше будет сделана посильная попытка описать ее и ее костюм.

Здесь следует пояснить, что мать Аба вращалась в лучшем и отборнейшем кругу общества того времени. Она принадлежала к аристократии и, кроме того, эта красивая дама имела слабость уделять слишком много времени своему костюму. Она была, что называется, дамой во главе общест-

ва, хотя общество того времени было очень немногочисленно: отдельные семьи жили на расстоянии нескольких верст одна от другой, и различные препятствия, главным образом громадные хищники, нападавшие на человека, затрудняли отдавание визитов. Что касается посещений, то их делали одинаково часто с целью нападения и из побуждений общительности, а дурное обыкновение пускать в ход кремневые топоры — совсем иное дело, чем оставлять свои визитные карточки вежливому лакею. Но как бы то ни было, мать Аба принадлежала к сливкам отборного общества и одевалась соответственно своему положению. Костюм ее был изящен, но прост, и первое большое удобство его состояло в том, что он легко снимался и надевался. Он держался при помощи единственного узла, а в каменный век было уже известно искусство завязывать самые разнообразные узлы; вследствие большей гибкости пальцев от неизбежной ручной работы, люди того времени были искуснее нас в завязывании узлов, а описываемая нами дама завязывала их так, что ее в этом отношении не могла превзойти ни одна женщина во всей этой богатой дикими животными стране.

Ее костюм мог понравиться самому требовательному зрителю. Он был сделан из шкуры росомахи и свободно облегал вокруг талии, поддерживаемый завязанным шнуром; в действительности же он держался весь на левом плече, которое, равно как спину и грудь, обхватывал кусок меха в виде клина из той же шкуры. Таким образом, правая рука оставалась совершенно свободной при движении, что представляло большую важность для пещерного человека, так как и он, подобно нам, пользовался предпочтительно правой рукой.

Вся одежда молодой матери была сделана из шкуры росомахи, сшитой очень тщательно посредством сухих жил. Спускаясь описанным образом с левого плеча, она вполне облегала ее стан и оканчивалась несколько выше колен. Это был столь же восхитительный костюм, как и те, что в настоящее время придумываются честолюбивыми портнихами и жеманными рисовальщиками мод. Он был удобен и свобо-

ден, как раз впору и по своему цвету очень шел его собственнице. Мех росомахи представлял смесь белого и черного цветов, но оба эти цвета были очень смягчены: черный был скорее очень темным, а белый так темен, что лишь мягко, в виде контраста отделялся от черного. Вообще комбинация цветов представлялась очень приятной: было достаточно разнообразия и ничего резкого, кричащего. Знаток, несомненно, сказал бы, что мать Аба обладает большим вкусом. Но костюм — не столь важный предмет, и нам еще немало остается сказать об этой пещерной женщине.

Глава II

ЧЕЛОВЕК И ГИЕНА

Из простого чувства справедливости следует сказать, что движения пещерной женщины отличались такой свободой, которой часто недостает современной женщине. Ничуть не помрачая ореола этой последней, можно смело утверждать, что ей никогда не удалось бы преодолеть такое препятствие, как ручей или поваленное большое дерево, через которые надо перепрыгнуть, и она не выдержала бы сравнения в легкости и грации с этой матерью, которая, прыгая, бежала теперь через лес. В ее движениях не было ничего нерешительного, ни признака колебаний. Она бежала быстро и прыгала легко, была гибка, как пантера и мало заботилась о том, куда ступала на бегу ее смуглая нога.

Эта женщина была среднего женского роста, подобно большинству наших современниц; она обладала физической красотой, но ее стан не имел угловатого перехвата наших женщин, и по его очертаниям она очень походила на Венеру Милосскую, этот поразительный образец здоровой и красивой соразмерности. Ее темные и длинные волосы, не знавшие ни косичек, ни опасного частокола шпилек, целиком, не деленные на части, откидывались через голову назад и свешивались далеко между смуглыми плечами и

по спине. Блестящие и красивого цвета, они, без сомнения, составляли прекрасное головное украшение. Придирчивый критик, с точки зрения другой эпохи, пожалуй, нашел бы, что их необходимо привести в порядок, причесать; но это зависит от понимания красоты. Они лежали плотной пушистой массой и не лезли в глаза, что составляло важное удобство в то тревожное время, когда необходимы были острые глаза и свободное от помех зрение.

С одного взгляда можно было убедиться, что эта дама не прибегала к косметике для придания своему лицу искусственной прелести. И, действительно, трудно было бы украшать нашим способом такое лицо, на котором растительность представляла нечто большее, чем простой пушок, и где неправильности в чертах были так заметны, что вопрос о косметике являлся бы незначительной мелочью. Глаза были малы и глубоко посажены, нос был толст, короток и очень неопределенной, трудно поддающейся описанию формы. Верхняя губа была очень длинна, а нижняя сильно выдавалась вперед. Широкий и твердый подбородок был очень хорошо обрисован. Рот следовало назвать скорее большим, а крепкие и ровные зубы белели, как лучшая слоновая кость. К этому описанию остается лишь прибавить несколько заслуживающих внимания подробностей относительно ее фигуры. Смуглая, как ореховая скорлупа, от загара под лучами полутропического солнца, от головы до загнутых вниз пят она выглядела воплощением такого здоровья, каким вряд ли обладали героини, когда-либо выступавшие на страницах мировой истории. Такова была внешность этой женщины, так спешившей с целью узнать причину беспокойства своего дитя. Дамы этой эпохи сами ухаживали за своими детьми, что было общим правилом; наемные кормилицы были неизвестны, да не являлось и самой мысли о них. Такой порядок вещей был очень благоприятен для детей.

Женщина соскользнула в углубление, подхватила ребенка с постели из листьев, слегка подкинула его вверх несколько раз, и крик тотчас же прекратился; маленькие смуглые ручки обвились вокруг ее шеи, и ребенок залепетал подобно тому, как это делают дети и в наше время. Он сразу

успокоился; но что заставило проснуться этого необыкновенного ребенка и громко звать свою мать в такой исключительный момент? Это немедленно выяснилось. Подбрасывая и укачивая ребенка, мать услышала звук, заставивший ее, подобно дикому лесному зверю, вскочить, чтобы принять более удобное для обороны положение. Она повернула голову и... нужно было видеть ее в эту минуту!

Очень близко к ним свешивалась ветвь большого букового дерева; мать перебросила дитя на свою левую руку, на аршин с лишком подскочила вверх и схватилась за ветвь правой рукой. Она висела, качаясь, а затем в одно мгновение, держа ребенка за руку, опустила его и плотно обхватила своими ногами. Если бы нам было суждено родиться в то время, то мы могли бы видеть образец прекрасного лазания. При помощи обеих свободных рук эта сильная женщина быстро взобралась вверх по спускавшейся наклонно от толстого ствола ветви на высоту около трех саженей и здесь, поднявшись в удобное место, мгновенно уселась, обхватив обеими ногами толстую ветвь, одной рукой держась за торчащую вверх меньшую ветвь, а другой, свободной рукой крепко прижимая к груди свое смуглое дитя.

Эта красавица своей эпохи добралась до безопасного убежища на буковом дереве как раз вовремя. Еще в ту минуту, когда она только что повисла на ветви дерева, уже послышались рычание и обнюхивание бродившего вокруг животного самого отвратительного и опасного, какое только могло угрожать матери с сыном. Оно было грязновато-черного цвета, с такими же пятнами и полосками, но более светлого оттенка. Оно имело тупое, в виде свиного, рыло, а в громадных его челюстях сидели клыки. По виду животное напоминало крупного волка, за исключением своей приземистости и тупой морды. Это была чудовищная гиена той эпохи, животное, менее опасное для пещерного человека разве только в сравнении с пещерным тигром и медведем. Выродившиеся потомки ее, постоянно обнюхивающие воздух и неуклюже снующие взад и вперед по клетке в наших зверинцах, не менее противны на вид, но по величине, в сравнении с ней, только пигмеи.

P. Sterns

Без сомнения, животное почуяло добычу и при поисках так громко рычало, что, разбудив ребенка, заставило испустить крик, послуживший к его спасению. Животное немедленно увидало ускользнувшую добычу над собой и стало яростно, но безуспешно бросаться вверх.

Осажденная таким образом на дереве с ребенком на руках, была ли эта женщина охвачена смертельным страхом? Ничуть не бывало! Она только крепче обхватила свою опору и громко смеялась. Она даже опустила вниз одну ногу и помахивала ею, дразня животное. Однако, несомненно, отступление ей было отрезано, а, кроме того, она была и голодна; и вот, усилив свой голос, она испустила по лесу странный призыв, дрожащий, заунывный вопль, слышный на далекое расстояние. Ответный крик не заставил себя долго ждать, так как всякое промедление в эпоху пещерного человека было опасно. На последующие призывы вновь слышались ответные крики, раздававшиеся все ближе и ближе. Теперь ее зов изменился в нечто другое; это уже не был больше призыв, а странный, кудахтающий, пронзительный говор из самых коротких фраз: она сообщала о своем положении. Последовал быстрый ответ; послышался голос сверху, и вот, перебрасываясь с ветви на ветвь, среди древесных вершин появился отец Аба, лицо, чувствовавшее естественное побуждение принять участие в происходившем.

Чтобы лучше описать пещерного человека, быть может, достаточно повторить сказанное о женщине; он походил на нее, только был крепче телосложением, с более длинными конечностями, более сильными челюстями, более широкой грудью и с более суровым выражением лица. Одет он был почти так же, как она. С широкого плеча свешивался кусок шкуры какого-то дикого зверя, но поддерживавший ее у талии шнур был толще, и за этот пояс было засунуто такое оружие, какое редко с тех пор носил человек. То был каменный топор, более тяжелый, чем каменные топоры Средних веков. Он был вложен в расщеп рукоятки длиной более аршина, сделанной из очень твердого дерева, и укреплен с помощью затвердевшей массы связанных сухожилий. То было страшное оружие, и владеть им мог только пещерный

человек, руки которого не уступали в силе рукам гориллы.

Мужчина усился на ветвь рядом с женой и ребенком. Последовал разговор на странном гортанном наречии, но слов при этом было потрачено мало. В те дни еще не было такого обилия слов, как в наше время; действие было все. К тому же, мужчина был голоден и хотел возможно скорее отправиться домой. Он запасся пищей, которая их ждала в пещере, и теперь нужно было поскорее отделаться от незначительной, но надоедливой помехи. Он легко приподнялся вдоль ствола дерева, вытащил из-за пояса длинное смертоносное оружие, вновь опустился на сук и, минуя жену и дитя, проскользнул вдоль сука к тому месту, где животное почти могло его достать. Тяжелый топор обеспечивал ему перевес в борьбе. Со свистом взлетел он и ударился о крепкий череп гиены, когда она подпрыгнула кверху в своем кровожадном ослеплении; удар был нанесен с такой силой, что оглушенное животное упало навзничь, и человек с легкостью обезьяны спрыгнул на землю. Снова огромный каменный топор, дробя кости, врезался в череп извивавшегося животного, и этим закончилось все приключение. Мать с дитятей спрыгнула вниз, и все, весело беседуя, направились к своей пещере. Истекающий день не был богат событиями, а случайности, подобные минувшей, им были привычны.

Как на прогулке, шли они между широко расставленными буковыми стволами: крепкий, волосатый, с сильно развитыми челюстями мужчина, мощная, но стройнее сложенная женщина и крепко сидевшее на ее плече дитя, радостно лепетавшее в то время, когда они таким образом шли или, скорее, бежали почти рысью вдоль речного берега к своей пещере. Легко двигавшиеся и беспечные, они были вместе с тем настороже и обладали почти бессознательной готовностью встретить всякую случайность. Их гибкие уши вздрагивали и поворачивались то вперед, то назад, улавливая малейшие звуки. Ноздри их были открыты, чтобы встретить всякий доносиившийся запах, как предупреждавший об опасности, так и говоривший о близости растительной или животной пищи; что же касается до зрения, то оно в эту эпоху

было развито у человека сильнее, чем когда-либо. Их глаза ясно видели предметы как на далеком расстоянии, так и со всем вблизи и были всегда в движении, быстро поворачиваясь во все стороны, то высматривая высоко над головой, то оборачиваясь назад, чтобы предупредить возможность нападения врага, гнавшегося по следам. Таким образом быстро и всегда наготове шли отец и мать Аба между деревьями, неся с собой свое крепкое дитя.

Не тревожимые более ничем, достигли они пещеры, причем сворачивали на минуту, чтобы захватить с собой орехи и плоды, набранные женщиной среди дня в то время, когда ребенок спал. Плоды помещались в большом древесном листе, края которого были собраны вместе и стянуты крепко лентой из плотной травы, образуя удобный мешочек с двумя или тремя фунтами съедобного, представляющего добычу женщиной долю для ужина. Что касается мужчины, то его запас был гораздо значительнее.

Мужчина и женщина проползли через узкий вход и встали на ноги в полости, образованной скалами и занимавшей до трех саженей в квадрате в полу и до двух саженей высоты. Взглянув вверх, можно было видеть мерцавший свет, падавший через отверстие, служившее и дымовой трубой, выдолбленное с большим трудом от поверхности земли вниз, в пещеру. Под самым отверстием находился очаг, так как люди уже научились употреблению огня и дошли даже до такой утонченности, как отведение едкого дыма. В очаге тлелась зола из дров самой твердой породы, способных поддерживать долгий жар; у пещерного человека не было ни кремня со сталью, ни спичек и, если огонь случайно погасал, то добыть его вновь можно было лишь с большим трудом. Теперь такого затруднения не представлялось. Вздув золу, получили кучку тлеющих углей, а брошенные на них прутья и сухие ветки образовали веселое пламя. Хозяин, стоя среди освещенной таким образом пещеры, смеясь, показывал на обилие принесенного им мяса. Оно было наилучшего качества и в таком количестве, что донести его в пещеру значило подвергнуть серьезному испытанию силу этого могучего человека. По качеству такая пища удовлетворила бы

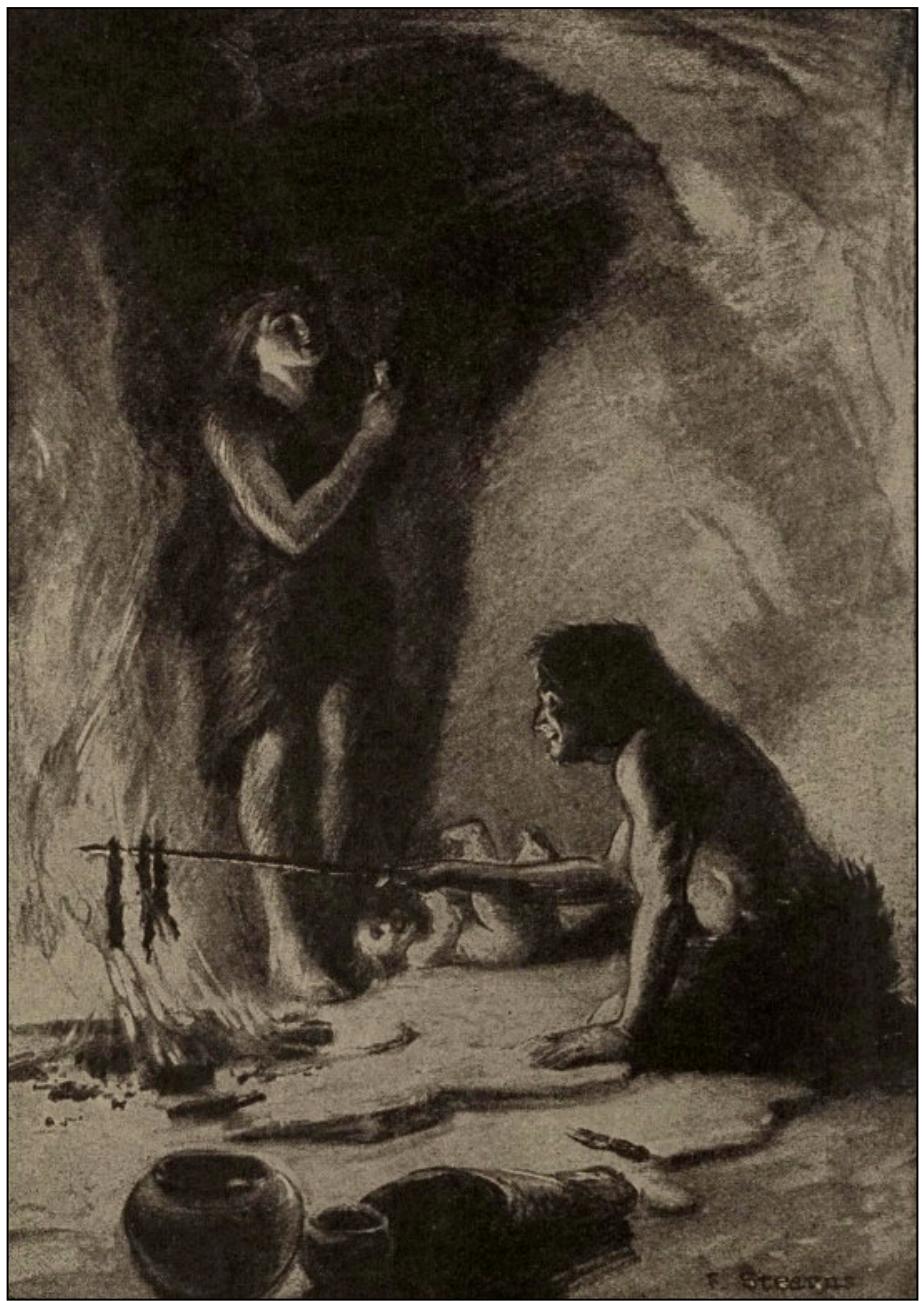
эпикурейца наших дней, а по количеству ее было достаточно по крайней мере на целую неделю всей семье: то была задняя часть лошадиной туши.

Глава III

УЖИН В СЕМЬЕ

Несмотря на случай с гиеной и ребенком, пещерная семья была довольна приходившим к концу днем. Конечно, не подоспей во время женщина к ложбинке, где был оставлен ребенок, произошла бы трагическая гибель этого маленького и многообещающего пещерного ребенка, и родители тосковали бы, как тоскуют о потере детенышней даже дикие звери. Но в умах пещерных людей слабо хранились воспоминания о прошедших, хотя бы и угрожавших гибелю опасностях, и наша чета не создавала себе лишнего беспокойства, рисуя страшные картины возможного несчастья. Мать встретила дома изобилие пищи, а отец чувствовал себя обладателем королевского богатства. Он столкнул кусок скалы в пропасть до пятнадцати сажен глубины на проходивший внизу табун маленьких диких лошадей и, по счастливой случайности, одна лошадь была убита. Теперь в пещере начал праздник; и муж, и жена были в полном довольстве и чувствовали прекрасный аппетит.

Набранные женщиной орехи кучкой были насыпаны в горячую золу, и на них были положены раскаленные угли; потрескивание лопавшейся скорлупы указывало, какие из орехов достаточно испеклись. Крепкая жердь, около сажени длиной, заостренная с одного конца, была приспособлена для жарения куска мяса, отрезанного от задней ноги дикой лошади, и к аппетитному запаху жареного, наполнившему всю пещеру, примешивался нежный запах печеных орехов. К сожалению, у нас нет точных данных о вкусе бифштекса из дикой лошади, а кулинары нашего времени не помогут нам судить об этом предмете; но позорительно ду-

F. BREWER

мать, что это блюдо обладало удивительным вкусом. Среди цивилизованных земледельческих народов создалось правило употреблять в пищу только животных, «отрыгающих жвачку и с раздвоенным копытом». Лошадь нашего времени принадлежит, как это всем известно, к отделу однокопытных животных, но во времена пещерного человека она была годна в пищу даже с точки зрения новейшего времени, потому что имела раздвоенное копыто и утратила его позднее описываемой эпохи.

Со времени медового месяца отца и матери Аба прошло не более двух лет. Они были очень рады, конечно, по своему, что их союз был счастлив, и что крепкий мальчик, лепеча языком, покрикивая и воркуя, перекатывался по земляному полу их пещеры. Они кормились тем, что было под рукой, живя изо дня в день, не заглядывая вперед; а этот день был из удачных. Вся семья была в сборе, и отец, и мать, и дитя, сытые и в тепле. Вход в пещеру был так загражден, что ни одно чудовище той эпохи не могло забраться внутрь. Они могли вдоволь есть, уверенные в совершенстве своего пищеварения, что было следствием их образа жизни, и спать в безопасности. Даже дитя весело бормотало по поводу чудесного вкуса мяса маленькой лошади. По окончании еды оба родителя растянулись на массе листьев, служивших им постелью, а вблизи, на расстоянии протянутой руки, лежало, свернувшись клубочком, в тепле их дитя. Аристократия того времени отходила ко сну.

В пещере господствовала тишина, но снаружи, во внешнем мире, не было так тихо. Четвероногие животные, особенно беззащитные, чувствовали себя свободнее, потому что в эту пору не появлялось, крадучись, коварное двуногое существо с палицей или копьем наготове. Травоядные животные выходили из леса на поляны и на заливные луга вдоль речного берега, и хищники вновь начинали свою охоту. То было время дикой жизни и лютой смерти, так как изобилие животного мира влекло за собой и много жертв; кругом разыгрывались ночные трагедии, и хищные животные были так же прожорливы, как и пасшиеся на мягких лугах зубр и лось. Разница существовала только в роде пищи и спо-

собе ее добывания. В отсутствие этого странного существа — человека, все животные, предоставленные самим себе и своей борьбе, чувствовали себя счастливее. Они не понимали и не любили человека, хотя обладавшие сильными когтями и острыми зубами хищники чувствовали огромное желание его пожрать. Он был беспокойным элементом среди населения лесов и лугов.

И в то время, как эта драма жизни и смерти разыгрывалась в окружающей природе, в пещере жители ее, мужчина, женщина и ребенок, спали крепким сном спокойной совести; они были сыты, в тепле и безопасности. Ни одно животное крупнее отошедшего волка или дикой кошки не могло бы проникнуть в пещеру через отверстие, оставшееся между приваленными камнями, да, кроме того, ни одно животное не осмелилось бы встретить огонь, преграждавший узкий проход. При самом входе всю ночь дымил, вспыхивал, курился, тлел и снова вспыхивал костер из корней и самого твердого дерева, охраняя в безопасности вход. Ни одно из когда-либо существовавших животных, кроме человека, не отваживалось коснуться огня: он был стражем человека.

Глава IV

АБ И ОК

Таковы были отец и мать Аба и сам мальчик. Окружающее его не было указано с желательной определенностью по недостатку хронологических данных; но в общих чертах были описаны: его происхождение, характер воспитания и благосостояние, которым он пользовался. Не было сомнений, что этому молодому человеку предстояло многообещающее будущее. Он был первенец важной семьи, принадлежавшей к великой расе, и его наследство не имело границ. Ни птица, ни зверь, ни человек не могли сказать, где начинаются или оканчиваются границы владений семьи

Аба. Эти владения простирались сплошь, без всяких делений, от Средиземного моря до Арктического океана. Конечно, многое зависело от того, существовала или нет в другом месте более сильная семья, но они этим не интересовались. И дитя выросло и превратилось в крепкого юношу, как и дети наших дней; он имел и своих друзей и свои приключения. Он не посещал публичной школы, ибо школьную систему его времени по справедливости можно было бы назвать недостаточно развитой; не посещал и частной школы, которая также слабо действовала, но зато он был в великой школе природы, начиная с момента, как открывал глаза поутру, до тех пор, как закрывал их на ночь. Здесь начинается история о его школьных днях, его друзьях и разнообразных занятиях.

Отец и мать Аба, как это, можно надеяться, стало ясно из рассказа, были сильные люди, очень разумные для своего времени и достойные внимания во многих отношениях. Оба могли хорошо постоять за себя не только против диких зверей, но и против любой пещерной четы, если бы в том наступила необходимость. Само собой разумеется, они имели имена. Отец Аба назывался «Одно Ухо» вследствие одного происшествия из времен его ранней молодости: ему пришлось неожиданно и слишком близко познакомиться с одной породой дикой кошки, наполнившей окрестности, причем он потерял одно ухо прежде, чем был спасен. Имя матери Аба было «Красное Пятно», и звали ее так потому, что на левом плече она имела хотя и некрасивое, но бросающееся в глаза родимое пятно. Что касается предков, то отец Аба мог ясно припомнить своего деда, каким он выглядел непосредственно перед тем, как был растерзан чудовищным медведем, а Красное Пятно имела смутные воспоминания о своей бабушке.

Появление имени Аба не было обязано какой-нибудь личной особенности или примете, не происходило от какого-либо события его детства. Это было подходящим образом приноровленное родителями Аба его собственное детское выражение, попытка губ сказать что-нибудь. Мать подражала его детскому лепету, отец смеялся этому, передраз-

нивал его, и почти бессознательно они обращались к своему ребенку, называя его Аб, пока это название не осталось ему на всю жизнь и не превратилось в его собственное имя. В ту пору еще не существовало обычая давать имя ребенку при его появлении на свет; имена создавались случайно, и этого было достаточно.

Так, в нескольких верстах от Аба жил ребенок, которому суждено было стать сотоварищем его в играх и предприятиях и, несмотря на одинаковый с Абом возраст, он еще совсем не имел имени, а то, которое он получил впоследствии, было просто Ок (дуб). И не потому, что он был крепок, как само дерево, не потому, что имел родимое пятно в виде желудя, а только по той причине, что рядом с пещерой, где он родился, стоял большой дуб с развесистыми ветвями, и на одной из них висела грубо сделанная колыбель, а в ней, в полной безопасности, часто лежало это дитя в тех случаях, когда родители, уходя из дома, не хотели брать его с собой.

По счастью, Аб родился в ту пору мировой истории, когда условия существования человека уже значительно улучшились. Он был твердо уверен, что всегда добудет одежду и жилище, а пища была в изобилии для каждого, кто имел достаточно силы и находчивости, чтобы овладеть ею. Климат не производил расслабляющего действия. Бывали холодные дни, и в определенное время года дул резкий и холодный ветер с пустынных ледников, хотя здесь же, вблизи, раскидывался полутропический ландшафт. Переход от ледяных холодов к умеренной, теплой температуре совершился так внезапно, что обширные ледники, когда-то двигавшиеся к югу, не успели еще растаять совсем даже в ту пору, когда роскошная растительность и богатая животная жизнь возникли в поясе современной Европы; и, таким образом, встречались места, где холодные белые ледяные поля виднелись среди лесов и питали стремительные потоки, которые сливались в реки, изливавшие свои воды в Океан.

Без затруднения можно представить себе, что Аб уже ребенком отличался от детей нашего времени и приближался скорее к четвероногим по быстроте телесного развития; дитя наших дней, владея движением глаз, еще только неук-

люже ползает, и если бы оно так же скоро стало на ноги, как Аб, то его мать сделалась бы самой гордой женщиной, а отец в своем клубе стал бы невыносимо надоедливым созданием. Но ни Одно Ухо, ни Красное Пятно не проявляли необычайного восторга по поводу быстрого роста своего первенца. Для своей эпохи он не представлял ничего замечательного, а родители того времени были менее склонны баловать своих детей. Буковые листья служили и колыбелью и постелью Аба, и прутиком, гибкий и больно стегающий, пускался в ход, когда он дурно себя вел. По мере подрастания, этот прут делался все более и более знаком Абу. Родители того времени требовали строгого повиновения, когда находили это нужным, и в то же время по своему были нежны к детям.

Жизнь этой примерной семьи протекала без особых злоключений. К девятилетнему возрасту Аб превратился, бесспорно, в прелестного мальчика. Он был силен, как молодой гиббон и, должно признать, что во многих отношениях мог напомнить современному ученому наблюдателю это животное. Его глаза были блестящими и острыми. Нос был широк, с задорно выступающими ноздрями, а что касается его рта, не лишенного все-таки выразительности, в наше время сказали бы, что он широк не по возрасту. Губы его по временам дрожали или же, напротив, твердо сжимались, и тогда во всей осанке маленького, но сильного пещерного мальчика выражалось то, что можно было назвать «мужественностью», даже и с точки зрения того времени. Он, даже будучи ребенком, никогда много не кричал, — пещерные дети плакали почти только от одной причины — от голода, — и незаметно, весело и беззаботно превратился в сильного, хотя и не очень рослого мальчика. Он был самый косматый мальчик, какого только можно было встретить по западному берегу Океана, в стране, составляющей ныне западную часть Ирландии, или в другой какой-либо местности Средней Европы. В нем уже зарождались и чувства и надежды, а также и самолюбие. Он стал понимать значение окружающего. Наконец он справился успешно с одной задачей: он сделал попытки к дружескому сближению, которые были

хорошо приняты; а друг, сверстник по годам, представляет громадное значение для мальчика. Эта дружба была не совсем заурядным явлением.

Аб, лазавший по деревьям с ловкостью молодой обезьяны, совершенно случайно положил основание этой дружбе, повлиявшей на всю его будущую жизнь. Однажды он вскарабкался на вершину дерева, стоявшего около его пещеры, отполз от ствола по ветви, нашел на ней удобное место и, покачиваясь в воздухе, покрикивал в свое удовольствие. Вдруг его острые глаза открыли нечто на другом дереве, стоявшем на берегу реки вверх по течению. Это была темная масса, быть может, случайно попавшая на вершину, но страннее всего было то, что она покрикивала, подобно ему. Аб долго и с любопытством рассматривал этот предмет, качавшийся на отдаленном дереве, и наконец решил, что это, должно быть, другой мальчик или девочка. Тогда у него явилась отважная мысль: он решил познакомиться с ним получше. Это решение ему самому рисовалось очень смутно, так как еще в первый раз у него являлась мысль завязать с кем-либо сношения. Конечно, не следует думать, что он жил в полнейшем уединении всю свою еще короткую, но уже не лишенную событий жизнь. По временам другие пещерные обитатели, мужчины и женщины, иногда в сопровождении своих детей, посещали пещеру Одного Уха и Красного Пятна, и Аб был знаком немного с другими человеческими существами и с обычаями отменно голодного общества того времени. Но в действительности он никого близко не знал, исключая своего отца, матери и детей, родившихся в семье после него, мальчика и девочки. В этот знаменательный день им овладела внезапная ребячья затея. Ему захотелось узнать, кто был юнец, качавшийся на дереве вдалеке. Он был решителен, и для него задумано — значило сделано.

В этой стране, особенно в лесистой части ее, было редкостью, чтобы девятилетний мальчик один удалялся на целую милю от своего дома. Опасность угрожала на каждом шагу, а такой маленький мальчик, конечно, еще не имел ни опыта, ни необходимой силы в руках для долгого воздушного путешествия между переплетавшимися ветвями тесно

стоявших деревьев. Подобное путешествие было для Аба из ряда вон рискованно. Но он был силен не по возрасту и быстро перебрался на значительное расстояние между вершинами деревьев в направлении к замеченному предмету. Один или два раза являлась необходимость делать непосильный прыжок или влезать слишком высоко по гладкому стволу, и тогда наш смельчак соскальзывал со ствола вниз и, внимательно осмотревшись вокруг, бросался бегом через полянку и снова вскарабкивался на дерево. Он уже перебрался на большую половину расстояния до предмета своего любопытства, как вдруг чутким ухом уловил шуршание листьев у себя над головой. Он юркнул за ствол дерева, на вершину которого взбирался, и затем, высунув голову, стал осторожно выисматривать вверх. Как только он спрятался, шуршание прекратилось. Это было странно! Мальчик был в замешательстве и несколько беспокоился. Он напряженno вглядывался, не делая ни малейшего движения. Наконец его осторожные поиски увенчались успехом. Саженях в десяти, сбоку большого дерева, под тем местом, где начинались ветви, виднелась темная масса, и эта масса слегка передвигалась. Очевидно, она следила за ним, подобно ему самому. Это оказался другой мальчик. Мальчиков-то Аб не очень боялся и тотчас же вышел из-за прикрытия; тот также выступил и показался на виду. И вот, посматривая друг на друга, они с удобством уселись на толстых ветвях, поддерживаю себя одной рукой и беспечно покачивая ногами. В их ясных глазах, с любопытством обращенных друг на друга, виднелись и осторожность, и подозрительность. Так сидели эти мальчики, каждый выжиная, чтобы заговорил другой, как это делают дети и в наше время при такого рода встречах. Ни один профессор филологии не понял бы их языка, совершенно удовлетворявшего, впрочем, несмотря на малый запас слов, всем потребностям пещерного человека, и мужчин, и женщин, и детей. Аб первым прервал молчание:

- Кто ты? — спросил он.
- Я Ок, — отвечал другой мальчик. — А ты?
- Я? Я Аб.

— Откуда ты пришел?
— Я пришел из пещеры, которая около букв. А ты откуда?

— Я из пещеры в том месте, где поворачивает река, и не боюсь тебя.

— Я также не боюсь тебя, — сказал Аб.

— Давай слезем с деревьев и побежим на скалу бросать камни в воду; может быть, убьем что-нибудь, — предложил Ок.

— Что ж, давай, — согласился Аб.

Один за другим они спустились вниз и быстро побежали к основанию большой, нависшей над рекой скалы с почти отвесными сторонами; пользуясь пустотами и выступами ее, они поднялись на вершину, представлявшую маленькую, в несколько шагов площадку, где были в полной безопасности от хищных животных. Так встретились эти два мальчика, которым было суждено вместе достичнуть зрелого возраста, быть добрыми товарищами, жить полной молодой жизнью, делить радость и горе, поощрять друг друга на дурное и хорошее и на все, что дает ценность жизни.

Глава V

ВЕЛИКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Как это часто бывает, когда два мальчика в возрасте около десяти лет случайно встречаются таким образом, то сперва они относятся подозрительно друг к другу, а потом постепенно преодолевают взаимное недоверие и решают перейти к тесному знакомству и продолжительной дружбе. Они бодро смотрят на жизнь и задаются планами переделать весь мир. Что касается Аба и Ока, когда их речи приняли мирный оборот, то у них обоих зародилась одна и та же мысль: они были полны надежды, что уже в скором времени достигнут поры зрелости и прославят свою жизнь поразительными подвигами, и вот каждый из них пришел к мысли,

что его собеседник, конечно, во всем уступая ему самому, однако же, представляет из себя значительнейшее лицо в мире и будет достойным товарищем и поверенным его — будущего героя. Сидя в удобном месте на скале, они разговаривали обо всем, что было способно занять их ум и воображение, и так воспламенились, обсуждая свои будущие действия, что Аб немедленно пригласил Ока к себе в гости. Это было серьезным затруднением для мальчика того времени: он должен был ослушаться приказания играть вблизи своей пещеры, не отходя далеко от нее. Но эта встреча, когда он виделся и говорил в первый раз с мальчиком своих лет, была великим событием в жизни Ока; он сделался сразу доверчивым и быстро согласился на приглашение. Они пустились по лесным тропинкам к пещере Аба, торопливо болтая на своем странном кудахтающем языке о будущих предприятиях, причем для выражения занимавших мыслей им едва хватало бедного запаса слов.

Отец и мать Аба скоро освоились с появлением Ока. Они даже пошли так далеко, что разрешили Абу сделать на следующий день ответный визит, причем было решено, по требованию матери Аба, что отец будет сопровождать его большую часть пути. «Ободранное Лицо», так звали отца Ока, играл значительную роль в общине, члены которой жили разбросанно на большом пространстве. Свое имя Ободранное Лицо получил после одной неожиданной встречи с пещерным медведем еще во времена своей молодости. Взмах когтей противника избороздил одну из его щек, оставив рубцы, перешедшие потом в синие полосы. И раньше отцы Аба и Ока были добрыми друзьями и по временам вместе охотились, и представляется весьма естественным, что их дружба перешла и к детям. На следующий день Одно Ухо в сопровождении сына направился через лес и посетил пещеру Ободранного Лица, и в то время, как мальчики в самом веселом настроении ревились наружу, отцы обдумывали планы своих готовившихся предприятий. Без сомнения, мальчики подходили друг к другу, и трудно было представить себе что-нибудь красивее этой парочки ребятишек в возрасте 8-9 лет, вступавших теперь в жизнь. И в наши дни мож-

но видеть прелестных мальчиков, отправляющихся в школы в Соединенных Штатах и в Ругби, Итон и Гарроу в Англии, но они далеко уступали во многом этим мальчикам, вступавшим также на путь учения.

Наши герои не имели никакого понятия о буквах или книжной науке, но зато их глаза были остры, как у орла, руки сильны, ноги легки, и бегали они почти с одинаковой быстротой как по земле, так и по деревьям. Они не терялись в опасности, имели самообладание, были быстры и осторожны в движениях и вполне готовы к экзамену для поступления в университет того времени, в ту школу природы, в чи-сло учеников которой мог попасть лишь тот, кто показывал быстрое понимание существующей опасности и знание путей избегнуть ее, а также всех уловок и хитростей при добывании пищи, приюта и при самозащите. Они представляли славную парочку, эти два маленьких джентльмена, считавшие весь мир в своем распоряжении и чувствовавшие спокойную уверенность, что сообща они сумеют поддерживать свои права. Скоро их честолюбивые планы приняли определенную форму: они решили убитьдискую лошадь!

Дикие лошади той эпохи считались у пещерного человека заурядной добычей, хотя их мясо было съедобно. Громадными табунами в сотни голов они паслись на лугах вдоль долины Темзы и доставляли обильную пищу как человеку, так и тем из четвероногих хищников, которым удавалось их изловить. Шкура лошади считалась невысокой ценности: сделанные из нее плащи, благодаря короткой шерсти, давали слишком мало тепла; выделанная кожа, высыхая после сырости, делалась жесткой и неудобной; но все же она употреблялась для некоторых целей, например: из нее вырезали прекрасные ремни, а мясо, как уже указывалось, было важнейшим предметом пищи людей. И вот, наши доблестные искатели приключений, Аб и Ок, прежде всего решили собственными силами, без всякой посторонней помощи загнать и убитьдискую лошадь, поразить удивлением своих родных и, давая им возможность наполнить желудки до отвала, вместе с тем покрыть себя неувядаемой славой.

Не день и не неделю потребовалось нашим юным охот-

никам на обдумывание плана. Дикая лошадь уже давно знала, что человек такой же опасный враг, как и охотившиеся за ней четвероногие хищники; в то же время, она была одарена тонким чутьем и быстрым бегом, жила табунами и избегала подозрительных мест. Задача, взятая на себя Абом и Оком, была гораздо труднее, чем то могло показаться с первого взгляда. Чтобы вернее достигнуть своей цели, им предстояло выработать целый план, но, уверенные в себе, мальчики не унывали. Они часто подмечали приемы старых охотников, да и себя считали способными на выдумки не хуже кого-либо другого. Их продолжительные совещания имели серьезный характер; они сделали даже мысленный раздел добычи, решив, как поступить со шкурой и мясом, еще задолго до окончательной выработки плана нападения; но ведь они были еще дети!

Что касается старших, то те не мешали планам своих детей; мальчики должны были учиться охоте, и тем хуже было бы для них, если бы они теперь вдвоем не сумели постоять за себя в лесу. Получив разрешение, дети принялись за дело под своей ответственностью, а, чтобы сделать яснее их последующие планы, необходимо несколько подробнее описать место их деятельности. Пещера Аба была расположена на северном берегу реки в том месте, где скалистый берег по обеим сторонам реки соприкасался с маленькой отмелю; пещера Ока была на расстоянии приблизительно мили к западу, на той же стороне реки и в местности, очень походившей на ту, где находилась пещера Аба. На южном берегу между этими пещерами далеко тянулась равнина, покрытая роскошной травой. Против нее, на северном берегу, лежала маленькая равнина величиной всего в несколько сот шагов, окруженная холмами, вершины которых заросли густым лесом. Тесно стоявшие буки и дубы в случае нужды представляли воздушную дорогу, и, пользуясь ею, мальчики были в сравнительной безопасности. Оба могли в одно мгновение взобраться на дерево, а животные, опасные среди вершин, были немногочисленны; из них стоит упомянуть лишь об одном, красно-бурового цвета, кошачьей породы и похожем на рысь нашего времени. Почти в середине малень-

кой равнины, лежавшей на северном берегу реки, поднималась купа деревьев, и при помощи ее мальчики рассчитывали выполнить свои планы. Дикие лошади ежедневно паслись на обеих равнинах. Но здесь же, в высокой траве этих равнин, прятались громадные хищники, и для пещерного человека было крайне опасно углубляться в луга и отдаляться от деревьев, служивших убежищем в случае опасности. От опушки леса до купы деревьев было не более двух минут бега для сильного мальчика, что и помогло нашим смельчакам окончательно создать план охоты на дикую лошадь.

Пещерный человек обыкновенно селился так, что его убежища нависали над берегом реки, и животные, лишенные способности лазать, зачастую делались его добычей, проходя внизу по берегу. В эту эпоху люди были немногочисленны и жили очень разбросанно в лесах, и наоборот, животная жизнь была необыкновенно богата; опасность развила, однако, некоторую проницательность у более слабых животных — главной добычи человека, и они научились избегать тропинок, оказавшихся роковыми для их собратий. Зато в долинах они были сравнительно беззаботнее и паслись многочисленными стадами в надежде, что быстрые ноги спасут их от преследования хищников; но они тщательно избегали проходить под обрывом, откуда тяжелый камень, внезапно сброшенный человеком, мог принести с собой неожиданную смерть. Несмотря на обилие дичи, для пещерного человека представляло нелегкую задачу достигнуть регулярности в снабжении себя пищей; приходилось прибегать к хитростям и уловкам, и наши юноши решились воспользоваться одной из них, которая нередко увенчивалась успехом.

Раковины той эпохи, и особенно в этом изгибе Темзы, играли значительную роль в хозяйстве пещерного человека. Они были большого размера, их слизняки были съедобны, и, благодаря своей многочисленности, представляли существенное пополнение в пище человека того времени; кроме того, они служили и механическим орудием; и первым делом, после выработки окончательного плана, мальчики принялись искать эти раковины. Это не составляло осо-

бенного затруднения, так как вокруг каждой пещеры они валялись целыми кучами. С острыми краями, с твердой толстой спинкой, они представляли прекрасную маленькую лопатку для резки дерна и копания земли и были самым обычным орудием у племени рыбаков. План мальчиков был следующий: они встретятся на краю леса, по возможности ближе к купе деревьев, одиноко стоявшей на равнине, выберут безопасную минуту и тогда бегом с откоса достигнут маленькой купы деревьев. Конечно, будут приняты всевозможные предосторожности против встречи с такими животными, которым они могли бы послужить прекрасным завтраком.

Взобравшись на дерево и уверенные в безопасности среди ветвей, они смогут зрело обдумать дальнейшие шаги своего отважного предприятия. Они были очень нелупы и хитры, эти юнцы: недаром они наблюдали за своими отцами. Чтобы закончить свое предприятие, им предстояло вырыть в этой богатой долине, как раз около маленькой купы одиночных деревьев, яму размерами около 10-ти футов длины, 6-ти ширины и 7-8 глубины. Это представляло гигантскую работу. Наши мальчики, жившие в эпоху каменного века, вынуждены были действовать совершенно без посторонней помощи. Что касается деталей плана, то, несмотря на первоначальную смутность, они быстро принимали определенную форму.

Достигнуть купы деревьев представляло для них первую важную задачу. Однажды в полдень они, качаясь, сидели на ставшихся почти по земле ветвях дерева, на верху холма, против намеченной купы. Это время было ими выбрано для первой попытки. Внимательным, напряженным взглядом они изучали каждый квадратный фут маленькой долины. В некотором расстоянии паслось небольшое стадо диких лошадей, а еще дальше, как раз у берега реки, показывались по временам рога какого-то животного, по-видимому, гигантского лося. Все пространство между мальчиками и маленькой купой деревьев было совершенно спокойно, без всякого признака жизни и, по-видимому, совершенно свободно от хищных животных.

— Ты боишься? — спросил Аб.

— Нет, если мы побежим вместе.

— Так вперед, — сказал Аб, — и побежим скорее!

Гибкие темные тела, держа в руках раковины, легко упали на землю. Бок о бок они спустились вниз по скату и в густой траве быстро достигли купы деревьев, где вскарабкались для безопасности на ветви. Дерево, на котором нашли себе убежище мальчики, принадлежало к породе конифер и, покрытое густой листвой, было самым крупным из всей группы; его ветви простирались футов на 30-ть во все стороны, а на стороне, выбранной мальчиками, от самой большой ветви отходили боковые, и так близко одна к другой, что образовывали почти площадку. Потребовалось лишь полчаса работы для мальчиков, при их врожденных талантах, чтобы переплести боковые ветви и построить прочное гнездышко, где они могли чувствовать себя в безопасности, так как оно было расположено на высоте, недоступной прыжку самого большого хищника. Свернувшись клубочком на дне этого гнездышка, они, после оживленного спора, выяснили план действий; было решено, что пока один копает, другой будет на часах.

Люди той эпохи, приученные необходимостью, не задумывались долго над своими поступками и были быстры в своих решениях; тем быстрее действовали мальчики под влиянием внезапного побуждения приготовить свое гнездышко; они решили немедленно приняться за работу. Оставалось лишь выбрать место будущей ямы. Их внимание было привлечено одним местечком в нескольких сотнях шагов к северо-западу от дерева, на котором трава была не так высока, как кругом. Кочующие лошади раньше уже паслись здесь, и можно было ждать, что они снова появятся на этом месте, которое и было окончательно выбрано для рытья ямы. Конечно, в случае опасности от него было несколько далеко бежать до дерева, но зато оно подавало более, чем какое-либо другое место, надежды на удачную охоту. Оставалось решить, кто будет первым копать и кто наблюдать за безопасностью.

Поднялся оживленный спор.

— Я хочу копать, а ты будешь сторожить, — сказал Ок.

— Нет, я буду копать, а ты будешь сторожем, — отвечал Аб, — я бегаю быстрее тебя.

Ок колебался и упрямился; он был и смел и решителен, но Аб обладал некоторой долей того, что можно назвать духом господства. Наконец была установлена очередь, и Аб с раковиной в руке быстро спустился на землю и бодро принялся за работу на избранном месте.

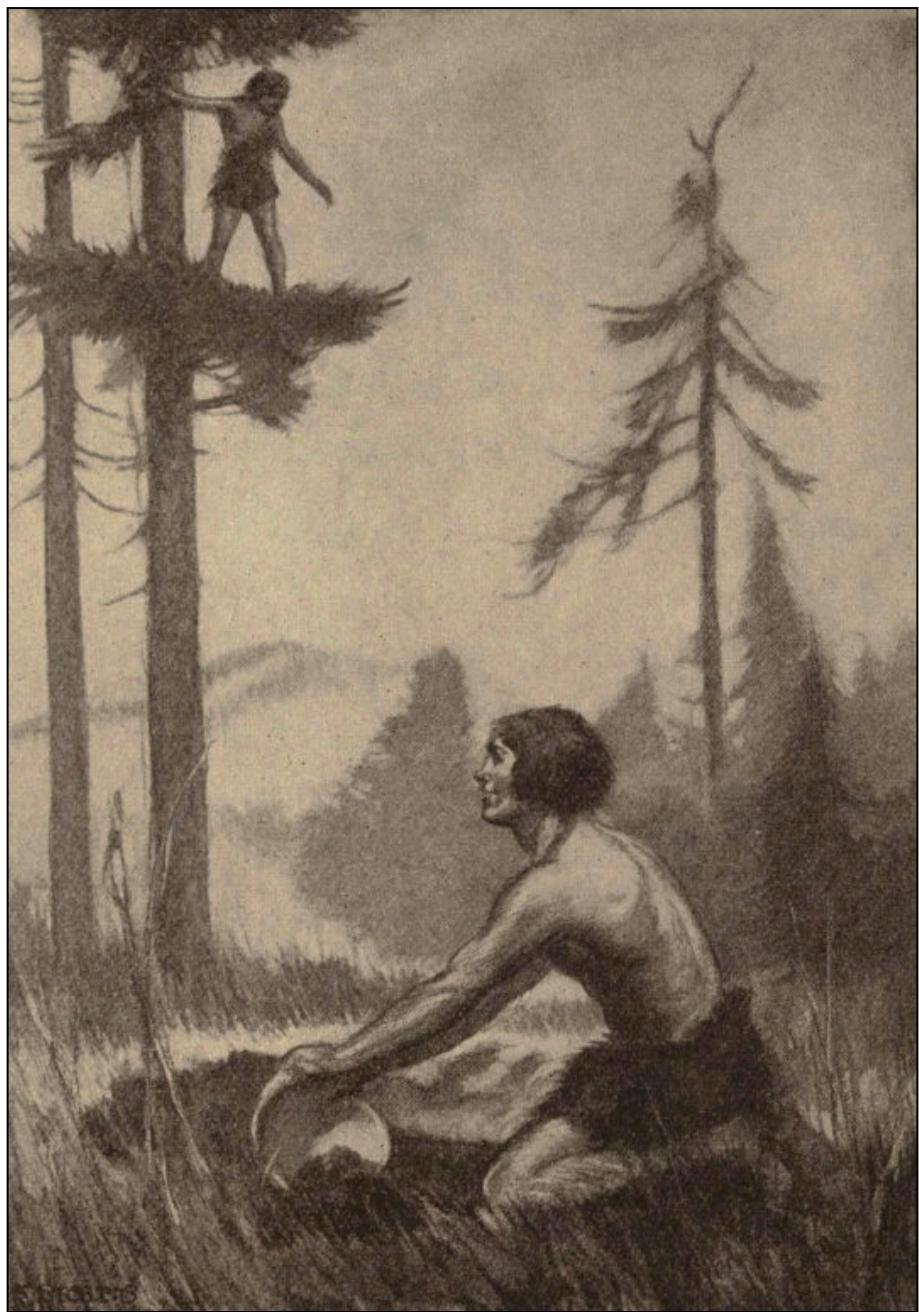
Прежде всего, он наметил очертание ямы, разрезая острым краем раковины жирные корни трав, что представляло легкую работу для такого сильного мальчика; потом начал вырезать дерн, поступая при этом подобно садовнику нашего времени, готовившемуся украсить какую-либо лужайку.

В то же время Ок, весь ушедший в зрение, внимательно следил по всем направлениям; его обязанность влекла за собой большую ответственность, что он вполне сознавал. Наступил один из знаменательных моментов в жизни наших отроков.

Глава VI

ОПАСНЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Чтобы довести свои планы до конца, Абу и Оку нужно было не только вырыть глубокую яму, но и отнести вырытую землю на возможно далекое расстояние так, чтобы ее не было заметно в окружающей местности. Яма помещалась, как уже было объяснено, в нескольких шагах к северо-западу от того дерева, на котором помещался наблюдательный пункт; и в нескольких же шагах к юго-западу от этого дерева имелся легкий скат, затем сырая ложбина, а дальше тянулась до самой реки болотистая полоса, заросшая тростником. Было решено вынутую землю переносить в это болото и, очертив место будущей ямы, Аб стал срезать, полоса за полосой дерн и немедленно же переносить его к берегу и бросать вниз среди тростника, где еще маленькими лужами стояла вода, оставшаяся от разливов, во время

которых река превращалась здесь в целое озеро.

Когда дерн был поднят, то остался прямоугольник черного цвета, так как земля здесь была наносная и, по рыхлости, удобная для копания. Кучками, одну за другой Аб переносил вырытую землю, терпеливо шагая взад и вперед, но работа была утомительна и требовала большой затраты энергии, которая поддерживалась только благодаря поощрениям Ока.

— Нужно носить побольше за раз, — воскликнул он и бросил вниз Абу волчью шкуру, которую получил от отца для защиты от ночного холода и которая совершенно случайно висела у него, привязанная сбоку, так как дети в теплую погоду не носили никакой одежды. В пещерную эпоху одежда, кроме зимы, была принадлежностью одних взрослых мужчин и женщин. Но Ок имел при себе привязанную шкуру потому, что, отправляясь на свидание, он заметил по дороге массу упавших желудей и был намерен принести запас их с собой в пещеру. Тотчас же шкура была с пользой употреблена в дело.

Разостлав шкуру на траве около себя, Абсыпал на нее столько земли, сколько мог донести, собирая вместе углы и, напрягши все силы, тащил ее к берегу и высыпал вниз в болото. Рытье ямы шло быстро, и наконец Аб, измученный, запыхавшийся, бросил шкуру, влез на вершину дерева и стал на место часового, а Ок, в свою очередь, принялся за работу.

Так они работали по сменам, один на вершине дерева, а другой на земле, пока солнце не перешло на запад и стало посыпать косые багровые лучи. Благоразумнее было удаляться засветло, пока еще не сгустились вечерние сумерки. Раковины были оставлены в яме. Часовой, не видя кругом ничего подозрительного, спустился на землю и присоединился к своему другу. Расставаясь, чтобы отправиться домой, мальчики были в большом воодушевлении. Они чувствовали себя значительными людьми, не сомневались в успехе начатого предприятия и на следующий день с раннего утра горячо принялись за продолжение работы.

Весь этот день работа шла очень успешно, почти без по-

мехи, и только один раз, в разгар работы, часовой посоветовал работавшему товарищу, ради предосторожности, взобраться на дерево: в нескольких стах шагах, судя по колебанию густой травы, пробудившему подозрительность часового, проходило какое-то большое животное, но оно не подходило близко к купе деревьев, и работа была возобновлена. Когда спустилась темнота, большая часть черной земли была вырыта и отнесена прочь, и к крайней досаде мальчиков, им встретился слой плотно слежавшегося гравия, что грозило несравненно труднейшей работой и требовало новых инструментов.

Сама по себе задача не представляла ничего нового, так как и Аб и Ок хорошо знали способы рытья твердого гравия. Люди каменного века, копавшие для своего жилища пещеры и охотившиеся в течение сотен лет по берегам рек, освоились со способами рытья слежавшегося пластом песка, и когда на следующий день Аб вернулся на место работы, то принес с собой крепкую дубовую жердь около двух с половиной аршин длиной, заостренную с одного конца и доведенную на огне до крепости железа. Погружая кол в гравий, насколько то позволяла сила удара, и вытаскивая его обратно, им удавалось разбить слежавшийся слой, а выкидывать его приходилось или руками, в виде целых кусков, или посредством раковины. Работа велась, хотя и значительно медленнее, но так же настойчиво и успешно, как и накануне, и некоторое время без всякого перерыва. Это спокойствие усыпило подозрительность детей и сделало их беспечными. Они пришли к мысли, что эта травянистая долина не посещалась хищными животными, и решили, отложив в сторону излишнюю осторожность, работать в яме вдвоем. Впрочем, вследствие своей подозрительности, врожденному и необходимому свойству пещерного человека, они были, к их счастью, постоянно настороже. Когда приближалась опасность, только один из них был в яме, а другой, сидя на вершине, внимательно сторожил.

Было около трех часов пополудни, когда Аб, согласно очереди, усердно занимался работой, а Ок, сидя на ветвях дерева, внимательно наблюдал окружающую местность. Вне-

запно с вершины дерева послышался крик, заставивший Аба мгновенно выскочить из ямы и присоединиться к Оку, буквально упавшему в это мгновение с дерева.

— Бежим, — воскликнул Ок, и оба бросились через долину, достигли леса и поспешили вскарабкались в безопасное место среди густых ветвей; овладев снова пропавшим было от волнения голосом, Ок сказал: «Смотри!»

Аб взглянул и сразу понял, как уместна была поднятая Оком тревога, и как благоразумно они поступили, бежав от группы деревьев на берегу реки. Зрелище, представившееся их глазам, способно было обратить в бегство даже отцов наших героев. Они видели только колебания тростника правильными извилинами между берегом и купой деревьев и голову животного, возвышающуюся на 10-15 футов над тростниками. Подобное зрелище, способное поразить ужасом целое племя дикарей, хотя бы они были до самых зубов вооружены наилучшим оружием, в то же время было и очень редко. Отец Ока еще никогда не видел подобного чудовища, а отец Аба видел только один раз, и то очень давно. То была гигантская морская змея!

Спрятавшись в безопасное место среди ветвей и оглядывая маленькую долину, мальчики скоро отдохнули и смогли снова говорить. Не более двух минут им понадобилось, чтобы покинуть место работы и взобраться на вершину дерева. Животное, которое их так испугало, тихо ползло через болото, расстилавшееся между ложбиной и рекой. Оно, не отклоняясь, подвигалось к купе деревьев, на что указывали покачивания тростника; его приближение совершалось без шума, без какого-либо тревожного признака. Достигнув подъема, животное подняло большую голову, не задумываясь, медленно подползло к деревьям и скоро висело, качаясь на самом большом из них; его огромное тело легко обвилось дважды вокруг ствола, а голова тихо колыхалась под самой нижней ветвью. Оно имело по крайней мере 60-70 футов длины и в середине до двух футов толщины; кожа его была покрыта пятнами, расположенными оригинальным рисунком, а голова очень походила на голову анаконды нашего времени. В описываемую эпоху морская змея сде-

лалась уже земноводным животным; она уже знала, и это знание потом передалаアナконде, что, покинув воду и избрав на сушу удобное место, можно было вернее найти добычу, подстерегая какое-либо сухопутное животное, исключая разве особенно больших, как мамонт, гигантский лось, а также, может быть, исключая пещерного медведя и пещерного тигра. Мамонт, конечно, был для нее слишком сильным животным. Размеры тела и развесистые рога гигантского лося делали из него неудобную добычу; носорог, пещерный медведь и тигр были опасны по своей свирепости. Зато более слабые и мелкие животные, как зубры, буйволы, маленькие лошади, олени, дикие свиньи и множество других служили змее прекрасной пищей. Что касается человека, то он представлял лакомое блюдо, но попадался слишком редко, не более одного раза в полстолетия.

Дети скоро покинули свое убежище на дереве и быстро понеслись со своей новостью домой.

Глава VII

НЕОЖИДАННЫЕ СОБЫТИЯ

Прибыв домой, мальчики встревоженными голосами рассказали о чудовище, сделавшем нападение на маленькую долину. Событие представляло значительную важность, и на следующее же утро мужчины, вместе со своими детьми, уже сидели на вершине дерева на краю обрыва и на таком безопасном расстоянии следили за чудовищем, висевшим на дереве в долине. Не заметно было ни малейшего движения. Обернувшись вокруг ствола как раз под тем местом, где начинались ветви и положив часть своего громадного туловища на нижнюю толстую ветвь, гигантская змея спустила переднюю часть своего туловища в 10-15 футов длиной и тихо качала головой в ожидании добычи, готовая наброситься на несчастную, неосторожно приблизившуюся жертву. Не было сомнения, что ей не придется долго ждать.

Пользуясь отсутствием мальчиков, которые не скрывались обыкновенно во время работы, в долине снова появились стада диких лошадей, снова виднелись кое-где рога диких быков и гигантских лосей. Группа людей, поместившаяся на вершине дерева, обсуждала необходимые для безопасности меры. Морская змея была предметом ужаса для жителей каменного века и, когда она появлялась из моря, поднимаясь вверх по реке, то принимались все меры, чтобы убить ее возможно скорее. Приказав детям, которых они оставили одних, быть осторожнее, отцы бросились за помощью по берегу реки; Ободранное Лицо направился к пещерным обитателям, а Одно Ухо к племени рыбаков, жившему в нескольких милях вниз по течению реки. Вскоре Одно Ухо был в маленькой колонии и потребовал к себе главу селения; происшедший между ними разговор состоял из отрывочных фраз и произвел немедленное действие. Для жителей холмов появление змеи грозило сравнительно меньшей опасностью, но совершенно иначе представлялось дело по отношению к племени рыбаков: змея могла во всякий момент подняться на берег и произвести среди них опустошение. Благодарные за сообщение, они не могли, впрочем, оказать существенной помощи, так как большинство из них были в отсутствии, и Одно Ухо могли сопровождать не более десятка воинов.

Но этот смелый народ, собравшийся напасть на змею, прибыл слишком поздно. Мальчики, сидя на вершине дерева, были свидетелями отвратительной сцены: они видели, как змея, внезапно набросившись, обвилась вокруг годового зубра, мгновенно его задавила и затем проглотила целиком свою жертву, как это делают змеи. Поглощение такой крупной добычи, которой было бы достаточно, чтобы насытить на недели теперешних змей, населяющих леса Южной Америки и Индии, не оказалось на последнюю никакого заметного влияния.

Она не осталась лежать на том же месте неподвижной массой, беспомощно переваривая пищу, но, руководимая инстинктом, тихо поползла через тростник к реке, с легким всплеском опустилась в нее и, отдавшись течению, направ-

вилась к морю. Давно уже эти гигантские змеи не появлялись в реке на таком далеком расстоянии от устья, а с тех пор ни одна больше не заходила так далеко. В природе существовали причины, влиявшие на быстрое вымирание их опасной породы.

Прошло три или четыре дня, прежде чем Аб и Ок уверились, что местность была свободна от опасного врага, и могли бы приступить к окончанию работы, если намеревались идти тем же путем к славе. В их отсутствие на пастбище в маленькой долине снова появилось огромное количество животных. Не только зубры, древние бизоны, буйволы, предки нашего рогатого скота, дикие лошади, гигантские лоси, северные олени виднелись там и сям по долине на близком расстоянии друг от друга, но нередко появлялся и громадный волосатый носорог, пируя в роскошной траве и валяясь в лужах там, где равнина переходила уже в болото. Мамонт со своими детенышами неуклюже переправлялся через богатую кормом равнину, и, прячась в засаде, полз гигантский пещерный тигр, следя за теленком мамонта глазами, горевшими и голодом и жаждой крови. Чудовищный пещерный медведь, волоча ноги, брел через высокую траву, отыскивая мелкую добычу. Безобразные гиены шныряли здесь и там в поисках пищи, чтобы угтолить свой чудовищный аппетит. Вся эта перемена совершилась потому, что оба мальчика, будучи еще детьми, совершиенно удовлетворили свое честолюбие той ролью, какую им пришлось сыграть в последнем происшествии, на целую неделю забросили свою работу и, встречаясь на своем любимом месте, на вершине дерева на холме, принимали необыкновенно важный вид. Когда же к ним окончательно вернулось сознание, что, для поддержания их падавшего значения между людьми, необходимо приняться снова за дело, то они решили вернуться к начатой уже яме. Перемена, совершившаяся в долине во время их короткого отсутствия, только подняла их доверие к своим силам; они теперь ясно видели, что животные боятся приближения человека, безразлично — взрослого или молодого. Конечно, человек иногда бывал жертвой больших хищников, но отчасти даже для них он

был предметом страха, и, несмотря на свою физическую слабость, чувствовал и сознавал себя властелином земли. И ма-монт, и огромный толстокожий носорог, и пещерный тигр, и медведь, и гиена, и волк, и злобная, с коротким туловищем росомаха, — все эти животные уже и в то время были низшими существами по отношению к человеку, чувствовавшему себя господином всего мира и передавшему это представление и своим потомкам.

Работа теперь быстро двигалась вперед и по истечении нескольких дней была достигнута необходимая глубина. Теперь, при вылезании из ямы, работавшему приходилось вскарабкиваться по сухой ветви, одним концом опиравшейся на край ямы, а другим на дно, и так как, благодаря этому, в случае нужды он уже не мог спастись так быстро, как прежде, то часовой на дереве должен был удвоить свое внимание. Но наконец яма была готова, и осталась хотя и нетрудная, но деликатная задача; приспособить ее для западни. Вдоль и поперек ямы крест-накрест были положены гибкие ветки, принесенные из леса, а сверху положен тонкий и ровный слой сухой земли, дерна и веток; необходимо было придать этому месту нетронутый, естественный вид, что и удалось мальчикам исполнить прекрасно; только очень внимательное и осторожное животное могло бы открыть ловушку. Работа была окончена, и теперь детям оставалось лишь терпеливо ждать. Они не приближались более к месту западни и наблюдали за ней издалека, с вершины дерева на холме. Здесь они появлялись каждый день, нетерпеливые, озабоченные и полные надежд, как и все дети. С вершины избранного дерева они ясно видели место ямы и, конечно, немедленно заметили бы повреждение ее. То были дни подавленного возбуждения для обоих мальчиков: они видели и буйолов, и диких лошадей, двигавшихся там и сям; но счастье отвернулось от них: животные не приближались к западне. Казалось бы, что избранное ими место для ямы было прежде излюбленным пастищем животных, теперь же, как раз наоборот, дикие лошади и другие животные паслись на других местах, и наших мальчиков беспокоила мысль, что, быть может, они оставили какие-нибудь

следы своей работы, открывшие их замысел диким животным. Но однажды их сердца в течение одного или двух часов пережили немало волнения. Из леса показался стройный ирландский лось и пошел по направлению к западу; он двигался через долину к воде и, напившись, стал пастись, приближаясь к купе деревьев; скоро он стоял около самой ямы под деревьями и прекрасно вырисовывался в светлом просвете между ними, представляя великолепное зрелище для наших героев, смотревших на него с затаенным дыханием. Ирландский лось, как его называют ученые, потому что его кости находят сохранившимися в торфяниках Ирландии, представлял собой величественное зрелище. Но вскоре он скрылся из вида у мальчиков, и вместе с ним исчезли и их светлые надежды.

Была уже поздняя осень, когда однажды утром Аб и Ок встретились по обыкновению и внимательно глядели через долину: не видно ли чего-нибудь вокруг западни? Белый иней, прикрывавший траву, что делало равнину похожей на озеро серебра, был во всех направлениях изборожден и покрыт темными пятнами. Это были следы животных, посетивших долину в течение ночи или близко к утру, и они ясно говорили о событиях протекшей ночи; по ним можно было судить о том, где проходили массивные и где легкие животные. Но пылкие дети, поглощенные своей заботой, не обращали внимания на окружающее. Когда они взбрались на свою излюбленную ветвь и посмотрели через долину, то у них одновременно вырвался крик: что-то попало в ловушку.

Вокруг всей ямы земля была черная, и черная же полоса тянулась до края болота, в сторону реки. Забыв об опасности, мальчики спустились на землю с копьями в руках, подобно оленям бросились к месту своей тяжелой работы. Бок о бок они добежали до ямы, которая теперь, зияя, смотрела в небо. Наконец-то они торжествовали! Бросив взгляд на то, что находилось в яме, они в один голос испустили крик и, увлеченные своим детским триумфом, пустились в дикий танец вокруг отверстия. Ликовение было вполне понятно: в яме находился молодой носорог, всего лишь нес-

кольких месяцев от роду, но уже таких размеров, что занимал собой почти всю яму. Стесненный со всех сторон, он мог лишь слегка двигаться и был совершенно беспомощен. Его длинное рыло с парой выдающихся рогов приходилось почти вровень с поверхностью земли, а маленькие, блестящие глазки злобно смотрели на его шумных врагов. Он неуклюже заворачивался при их приближении, но совершенно бесплодно: ничто не могло помочь ему в этом безвыходном положении.

Вся земля вокруг ямы была взрыта и изборождена ногами какого-то чудовищного животного. Очевидно, что детеныш был с матерью, когда стал жертвой наших маленьких охотников, и что мать провела большую часть ночи в напрасных попытках освободить его. Мальчикам было ясно значение этих следов и, опомнившись после первого взрыва радости, они почувствовали, что их положение требует осторожности. Было бы верхом неблагоразумия вмешиваться в семейные дела носорогов! Но куда девалась мать? Они оглядывались, не видя ничего опасного вокруг. Но вслед за тем, хотя и на одну минуту, они совсем потеряли головы; едва эхо их криков успело вернуться назад от холмов, как послышалось грузное шлепанье; через кустарники на болоте ломилось какое-то огромное животное по направлению маленького подъема, ведущего к равнине. Молча, не обменявши ни одним словом, испуганные мальчики бросились к дереву, где во время работы был их наблюдательный пункт и, едва начали взбираться по его стволу, как показалась бешено мчавшаяся мать молодого носорога.

Глава VIII

ТИГР И НОСОРОГ

Носорог эпохи каменного века представлял чудовищное животное, во многих отношениях отличавшееся от его тезки нашего времени, хотя, может быть, и был в довольно

близком родстве с громадным двурогим белым носорогом южной Африки, теперь почти исчезнувшим. Но животное каменного века было значительно больших размеров, а его шкура была густо покрыта темного цвета волнистыми волосами, почти шерстью. Даже тогда, в эпоху существования огромных хищных животных, он для большинства из них был предметом ужаса. Ни перед чем не отступая, он мог служить олицетворением слепой отваги и беспощадной свирепости; редко нападая, он никогда не уклонялся от битвы. Громадный мамонт, самый мирный из толстокожих, обыкновенно колебался переходить тропы носорога, и даже пещерный тигр, самый свирепый и опасный хищник того времени, никогда по своей охоте не вступал в борьбу со взрослым носорогом, хотя иногда и пользовался случаем напасть на детенышней. Удары его когтей без вреда скользили по почти непроницаемому щиту носорога из кожи толщиной в дюйм и даже больше и, сверх того, защищенной шерстью. Но достаточно было одного удачного удара вверх двойным рогом на тяжелой голове этого чудовища, чтобы сразу прободать насмерть самое большое из тогдашних животных; его шея обладала подъемной силой почти выше всякого представления и служила ужасным орудием смерти, когда тому благоприятствовал случай. В то же время, древний носорог был близорук, тупоумен и раздражителен, как и его африканский собрат наших дней.

Хотя и близорукое, животное все же увидело взбиравшихся детей, кинулось на холм и яростно обрушилось на дерево, заколебавшееся под натиском его могучих плеч; но мальчики, сидя среди ветвей, были уже в безопасности. Отойдя назад на некоторое расстояние, мать вернулась, гневно хранила, и начала кружиться около детеныша, попавшего в ловушку. Теперь совершенно ясно нарисовалась вся ночная сцена. Когда детеныш попал в западню, то мать старалась его освободить и наконец, измученная от усилий, отправилась к болоту повалиться и отдохнуть, однако, не забывая о своем пойманном любимце. Вид ее отчаянных усилий освободить детеныша, без сомнения, вызвал бы чувство жалости и сострадания у современного человека; она пыта-

лась, опустившись на колени, взрыть всю землю вокруг детеныша своими длинными рогами; она хотела подсунуть снизу свою голову и таким образом поднять его наверх, но теленок так заполнил собой яму, что не оставалось никакой надежды на успех. Дети, несмотря на свою безопасность, были, однако, в замешательстве; время бежало, а старый носорог не показывал намерения удалиться. Было уже три часа пополудни, когда он направился к болоту, повернувшись на пути один или два раза к пленнику, прежде чем спуститься к берегу, и даже там, достигнув болота, он несколько раз принимался злобно хрюпать, пока не улегся на отдых.

Мальчики выжидали, пока все не успокоилось в болоте, и даже несколько дольше того, что им советовала осторожность. Лишь удостоверившись, что чудовище заснуло, они потихоньку спустились с дерева вниз, неслышными шагами проскользнули мимо западни и направились к холму. После нескольких шагов, оставив излишнюю осторожность, они побежали к лесу, а отсюда, не мешкая, отправились к своим пещерам. Такое событие заслуживало внимания стариков и требовало помочи их сильных рук.

Уговорившись привести с собой своих отцов и, по счастью, зная, где их можно было найти в тот знаменательный день, мальчики, расставаясь, уговорились вернуться возможно скорее. Уже через час с небольшим старые охотники, вооруженные лучшим своим оружием, появились вместе с детьми на том же месте. Издалека, с наблюдательного пункта на холме, можно было видеть, что около кучи деревьев и западни все оставалось спокойно. Было уже далеко за полдень, и мужчины решили спуститься скорее вниз в долину, убить пойманного теленка и сейчас же бежать обратно, рассчитывая, что мать, найдя детеныша уже убитым, немедленно покинет эту местность. После, пользуясь ее отсутствием, можно было вернуться и вытащить эту редкую добычу, мясо которой обещало великолепное угощение; кожа, еще не очень толстая, также могла быть употреблена с большой пользой. Все затруднение состояло лишь в том, как выполнить задуманный план; ветер был с севера и направ-

лялся от охотников к реке, а носорог, при своей близорукости, был одарен очень тонким чутьем, подобно серым волкам, мелькавшим, как тени в лесу, или гиенам, издалека узнающим по чутью, живое или мертвое животное. Впрочем, было решено попытаться.

Вчетвером они спустились с холма, отцы впереди, мальчики сзади; ступая с легкостью тигровой кошки, осторожно перешли долину и направились к дереву. Ни одним звуком не выдали они своего присутствия, но ветер донес их запах до ноздрей чудовища, валявшегося в тине болота. Они не прошли еще и половины долины, как снова показался носорог и бешено помчался по направлению струи доносившегося запаха. Охотники немедленно повернули обратно и успели благополучно скрыться. Злобно хряя, животное сделало несколько кругов, помешкало немного по соседству, возвратилось к пойманному детенышу, где возобновило свои бесплодные усилия и, наконец, вернулось к месту своего отдыха.

Становилось уже темно, и тени сгущались в долине. Мужчины, сидя на дереве с детьми, были в нерешительности; им представлялся другой план: они могли подойти к яме с другой стороны, с востока, не тревожа чутья матери. Но с каждым моментом делалось все темнее, а местность была небезопасна; на равнине, вдали от деревьев, им могла грозить опасность от хищников. Однако, они решили рискнуть, и опять все четверо, следя по верху пологого холма, стали заходить с юга к берегу реки, каждый держась настороже и внимательными глазами исследуя глубину леса с левой стороны и долину с правой. Внезапно Одно Ухо прыгнуло назад в темноту и замахал рукой, чтобы остановить следовавших за ним, и молча указал пальцем через долину на купу деревьев.

Не более как в ста шагах от западни тихо колебалась густая трава: какое-то животное значительных размеров направлялось к яме. Глаза всех четырех были напряжены, чтобы разглядеть виновника новой помехи. Было уже почти темно, но глаза пещерного человека, почти кошачьи по своей зоркости, различали длинное темное тело, пока-

зыавшееся иногда из тростника и кружившее с осторожностью и любопытством около ямы; ближе и ближе оно подвигалось к беспомощному пленнику. Теперь, на расстоянии приблизительно 20-ти футов от ямы, зверь, казалось, припал к земле и успокоился, но ненадолго. И вдруг через всю долину прокатился оглушительный рев, такой свирепый и резкий, такой ужасающий, что даже привычные охотники в ужасе подскочили на своих местах. В тот же момент темная масса пронеслась по воздуху и упала в яму на спину пленника. То был тигр! Из ямы послышалось дикое мычание, полное ужаса и агонии, а рычание повторялось, делалось все свирепее и отрывистее, и вдруг наступила тишина, но лишь на одно мгновение. С конца болота донесся храп, почти такой же ужасный по своему значению, как и рычание тигра; на плоском берегу вырисовалась огромная масса и послышался тяжелый топот увесистых ног. Мать молодого носорога бросилась на тигра!

Послышались свирепое рычание тигра и дикий храп носорога, и снова рычание, звуки которого гулким эхом пронеслись по долине, и можно было видеть, хотя и неясно, как что-то черное мелькнуло в воздухе и пало снова вниз, по-видимому, на спину нападавшего чудовища. То было смещение и форм и свирепых звуков — ужасное рычание гигантского тигра и шипящий рев громадного толстокожего. Но темнота не позволяла ничего различить ясно. Гигантская борьба все разрасталась, и люди знали, что им там не было места. Лишь с наступлением полной темноты прекратились всякие звуки, и тогда охотники быстро пустились к своим жилищам.

На другой день, рано утром, все снова были в том же безопасном убежище, и снова покрытая инеем долина походила на море серебра, но на этот раз ее не бороздили следы пасшихся и охотившихся животных. Не было ни малейшего признака жизни: ни одно животное, ни лесное, ни луговое, не осмеливалось так скоро появиться на поле битвы носорога и пещерного тигра. Осторожно люди перешли через долину и приблизились к западне. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять все произшедшее. В яме находи-

лось тело теленка, уже наполовину съеденное. Без сомнения, он был убит при первом же свирепом нападении; его спина была раздроблена первым же ударом гигантской передней лапы; его позвоночный столб был разорван первой же хваткой чудовищных когтей. Вокруг ямы виднелись ясные следы борьбы, не имевшей, по-видимому, смертельно-го исхода. Только благодаря редкому случаю мог бы носорог поймать на свои рога проворную чудовищную кошку, и еще менее вероятия было, чтобы тигр нанес своими когтями серьезную рану своему огромному врагу. То была долгая и ожесточенная борьба: мать билась за детеныша, а тигр за добычу; но боровшиеся расстались, очевидно, не успев на-нести друг другу существенного вреда. Носорог, удостоверив-шись в смерти своего детеныша, окончательно покинул до-лину, а тигр вернулся к добыче и досыта удовлетворил аппетит. Впрочем, еще много мяса оставалось, и его хватило бы людям надолго. По первому побуждению, мужчины жадно набросились со своими кремневыми ножами и стали вырезать куски мяса из животного, лежавшего в яме. Но вне-запно они выскочили наверх из ямы и вступили в корот-кое, но серьезное совещание. Гигантский тигр, владыка тех времен, бросал свою добычу обыкновенно не раньше, как обгладав ее до костей. Насытившись до отвала, он теперь, может быть, залег где-нибудь вблизи, но непременно вернет-ся снова. Быть может, уже проснулся его аппетит, и тогда во всякую минуту могло грозить его появление. Что ожидало тогда людей, дерзнувших прикоснуться к его добыче? Необхо-димо было слушаться голоса благоразумия, советовавшего немедленно удалиться. Все четверо снова бросились к хол-му в лесу, однако, унося с собой куски мяса, уже отрезанные от теленка, которых было бы достаточно на день или два для обеих семей.

Так окончился первый охотничий опыт отважных маль-чиков. В течение нескольких дней никто не решался прибли-зиться к равнине, опасаясь встречи с тигром, который где-нибудь поблизости мог залечь в засаду. После, когда маль-чики осмелились посетить место их смелого предприятия, они нашли в яме одни кости. Тигр, пожрав свою добычу,

ушел охотиться в другие места.

Поздней осенью был большой разлив реки, во время которого высоко поднявшиеся воды заставили отца Ока со всей семьей покинуть свою пещеру и поселиться в другом месте, на расстоянии нескольких миль. Благодаря этому переселению, протекло много времени, пока товарищи встретились снова.

Что касается Аба, то это событие можно было считать началом его возмужалости. Его отец, а отцы и тогда имели некоторую долю родительской гордости, признал за ним и силу и отвагу. Мать, конечно, была довольна не менее отца, хотя могла уделять своему первенцу лишь малую долю своего внимания, так как теперь в пещере у него были маленькие брат и сестра; с этого времени юноша сделался довольно значительным лицом. Он быстро рос и превращался в мускулистого молодого человека; но при этом выдавался не только ростом и силой, но также находчивостью и настойчивостью в достижении намеченной цели, — качествами, которые делали его почти исключением среди сверстников.

Глава IX

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Выше уже было сказано, что семья Аба принадлежала к аристократии среди местных жителей, и теперь остается прибавить, что внутренность жилища Одного Уха вполне отвечала общественному положению хозяина; бесспорно, это была прекрасная пещера, а Красное Пятно была славная хозяйка. В ее хозяйстве было положено за правило, чтобы обглоданные кости, оставшиеся после обеда, не залеживались надолго около очага, то есть оставались там не более одного или двух месяцев и потом выкидывались наружу. Постели были великолепны, так как поверх листьев, настланых по земле и служивших подстилкой, были разостланы

шкуры различных животных. Воды, годной для питья, было в изобилии, так как вблизи протекала река. Внутри стены пещеры делали неправильные выступы, и на них клались и оружие и инструменты; вообще же, если не обращать внимания на случайно валявшиеся на земляном полу кости или на кровь какого-нибудь свежеразрезанного для жаркого животного, то пещера выглядела очень чисто. Иногда, при известном счастливом направлении ветра, дым от очага выходил через отверстие в потолке, и это делало пещеру одной из удобнейших и красивейших на большое расстояние в окружности. Что же касается освещения, то жилище не могло похвастаться его избытком. Ночью оно освещалось огнем, достаточным осветить лишь маленькую площадь, а днем через дверное отверстие; для увеличения количества света служило и потолочное отверстие, через которое попадал и дождь, но, во всяком случае, освещение нельзя было называть совершенным. Входное отверстие по вполне понятным причинам делалось очень узким, а внутри пещеры еще находился громадный камень, который с большим трудом прикатили много лет тому назад и который служил, в случае нужды, для заграждения прохода; при входе была сделана впадина, куда откатывался этот камень.

Трусливая, но опасная гиена обладала острым чутьем и была полна любопытства. Чудовищный медведь той эпохи всегда терзался голодом, а пещерный тигр, хотя и немногочисленный, был чрезвычайно свирепым хищником. Большое внимание обращалось на вход в пещеру, но не из художественных, а из других, более убедительных для пещерного человека побуждений. Во всяком случае, пещера была тепла, хорошо защищена, а острые глаза ее обитателей, привыкшие к полутьме, легко различали предметы привычной обстановки. Вся семья была довольна своим жилищем, а особенно Красное Пятно, полная гордости, как кастелянша любого замка.

Прибавим, что семью Одного Уха можно было назвать счастливой, а его жизнь с Красным Пятном — счастливым браком. Нельзя, конечно, сказать, чтобы их жизнь текла всегда ровно и чтобы ее можно было назвать семейным счастьем

в том смысле, как это понимается теперь, в наше более сложное и непостоянное время. Осталось навсегда нерешенным, кто из этой пары мог бросить с большей меткостью каменный топор, хотя, конечно, Одно Ухо мог это сделать с большей силой, чем его жена. Но зато оба умели с одинаковой ловкостью избегать удара брошенного оружия, а потому мгновенные вспышки гнева и взаимные нападения супружеских оканчивались без всякого вреда. Так что, принимая во внимание эпоху, подобная жизнь смело заслуживала названия мирной; кроме того, их отношения отличались взаимной верностью. Люди того времени жили разбросанно, на больших расстояниях, и супружеские четы были постоянны, связанные на всю жизнь, как это бывает у льва и львицы. Лишь целыми столетиями позже, когда человечество испортилось нравами или, наоборот, быть может, подвинулось вперед в своем развитии, или наконец, быть может, почувствовало безопасность, только тогда появилась полигамия. Что же касается обширной области долины Темзы или так называемого Парижского бассейна, то моногамия там существовала и в эпоху кухонных отбросов, и в эпоху бронзовых топоров, и позже, во времена так называемой цивилизации.

Семья Одного Уха состояла теперь из пяти человек: его самого, Красного Пятна, Аба, Барка и Букового Листочка; двое последних были младшие брат и сестра Аба. Свои имена они получили так же случайно, как Аб. Будучи еще совсем маленьким ребенком, Барк подражал завыванию волков, бродивших ночью по соседству с пещерой, и поэтому получил от Аба оставшееся за ним на всю жизнь прозвание — Барк*. Что касается Букового Листочка, то его имя было получено другим путем. Она представляла прекрасный образчик пещерной девочки, полненькой, веселой и спавшей большую часть времени. Не довольствуясь шкурой медведя, приготовленной для нее матерью, она предпочитала зарываться в ту кучу сухих листьев, на которых была разостлана шкура, и почти исчезала в их темной массе; отыскивая, ее приходилось отрывать в этой постели из листьев, и полученное ею

* От англ. bark — лай (*Здесь и далее прим. ред.*).

имя Буковый Листочек пришло естественно и само собой. Между рождением Аба и его младшего брата протекло пять лет; рождение младшей сестры произошло еще на три или четыре года позже. В отсутствие отца и матери Аб, естественно, делался главой семьи, требовательным относительно брата, прибегавшим, в случае нужды, даже к силе и любящим и внимательным, хотя и в грубоватой форме, по отношению к маленькой сестре.

Хотя и существовала некоторая регулярность в обиходе семейной жизни пещерного человека, но все же она отличалась монотонностью, нарушавшейся лишь случайными, пришедшими извне событиями. Главную ежедневную заботу представляло добывание пищи, и в этом принимали одинаковое деятельное участие и отец и мать; однако, их обязанности несколько различались. Обыкновенно добывание мяса лежало на обязанности Одного Уха, что же касается до собирания зрелых корней, плодов и орехов, то в этом деле Красное Пятно была признанной мастерицей. Но ее участие в добывании пищи не ограничивалось только растительным царством; когда было нужно, она помогала мужу и в охоте за животными. Она не менее мужа была искусна в разятии добычи на части, много превосходила его в приготовлении пищи и была наравне с ним искусна в выделке шкур. В это время часто случалось, что отец и мать одновременно оставляли пещеру, и тогда Аб оставался единственным защитником брата и сестры; когда же родители и его брали с собой или позволяли уходить одному, то принимались усиленные меры предосторожности. Снаружи у входа находился большой камень таких же размеров, как и внутри пещеры, и когда маленькие дети оставались одни, без охраны, то его прикатывали ко входу; таким образом, малыши хотя были и в плену, но зато в безопасности от хищников. Иногда это монотонное существование разнообразилось. Люди той эпохи поддерживали между собой некоторое общение, благодаря которому у них устраивались общественные охоты на огромных животных или посредством открытой борьбы, или хитрости. В этих случаях Одно Ухо исчезал на несколько дней, а защитниками семьи оставались Аб и его мать.

Мальчик чрезвычайно радовался этим отлучкам отца; в нем, благодаря этому, воспитывалось прекрасное чувство ответственности, сознание важности своей роли; развивались врожденные мужественность, самостоятельность и находчивость в добывании насущного хлеба или того, что заменяло хлеб в ту отдаленную эпоху. Но его развитие не было односторонним, оно касалось не только физической стороны его тела и умения жить вне пещеры, в нем таилось нечто, подававшее надежду, что в будущем из него выйдет незаурядный человек; его сон был всегда чуток, даже когда он лежал на шкурах или буковых листьях под кровом пещеры, утомленный дневными похождениями. Его рассуждения отличались ясностью и простотой и, кроме того, он обладал даром изобретательности, дававшим ему великое преимущество над его современниками.

Мы хорошо знаем теперь или, по крайней мере, считаем установленным фактом, что влияние матери в большинстве случаев преобладает над влиянием отца в развитии и воспитании детей. Это зависит или от того, что все виденное и слышанное ребенком в раннем детстве остается глубоко врезанным в его память на всю жизнь, а в это время он бывает более связан с матерью, чем с отцом, проводящим большую часть жизни вне дома, или в силу действия естественного закона, по которому мужчина передает свои свойства дочери, а женщина — сыну. Впрочем, этот вопрос остается еще нерешенным. Что касается Аба, то он любил свою мать гораздо сильнее, чем отца, и в пору раннего детства находился под ее сильнейшим влиянием, что было весьма понятно, так как Красное Пятно была далеко не заурядной женщиной своего времени.

Влияние матери имело большое значение для Аба; сидя дома, он был постоянно около нее и то помогал ей в выделке веревок из жил и кишок, то присматривался, как она шила одежду из звериных шкур, работая костяной иглой, которую он ей часто заострял своим кремневым скребком. Иглы были без ушка, в виде простого шила, и при прокалывании делали дыры, через которые продевались веревки. Подраставший мальчик, то ленясь, то работая около своей

матери, то помогая, то докучая ей, узнал очень многое, что имело для него ценность в будущем и дало ему смелость на такие отважные предприятия, которые сильно подняли его значение среди соплеменников. Несмотря на молодость и полное отсутствие мыслей, что ставило его в некоторых отношениях почти вровень с животными, он имел надежды и тщеславие, какие имеют и трудолюбивый бобр, и любящий танцевать журавль; а благодаря длинным рассказам матери, его горделивые мечтания приняли определенную форму: он хотел быть величайшим охотником и воином в своей стране.

Его мать, хотя по-прежнему не сдерживала в гневе своей руки, однако, ясно видела возраставшие в нем силу и отвагу и с удовольствием вела с присевшим около нее сыном долгие разговоры. Когда семья Ока вернулась в свое прежнее жилище и мальчики снова стали проводить время вдвоем, мать меньше видела Аба, но дни, проведенные около нее, и то многое, чему он выучился тогда, имели большое значение для всей его последующей жизни.

Глава X

СТАРЫЙ МОК-МЕНТОР

К тому времени, когда Аб стал из мальчика превращаться в сильного и честолюбивого юношу, его семья увеличилась еще одним членом очень странного внешнего вида, старым Моком. Благодаря согнувшейся фигуре и жалкому виду, он казался гораздо старше и дряхлее, чем был на самом деле; седеющие волосы на его голове представляли густую шапку; короткая и жесткая борода была неприятного вида и, кроме того, он очень сильно хромал на одну ногу; это уродство позволяло ему бродить, ковыляя, только поблизости от пещеры; хотя он и мог сделать небольшое передвижение, но был совершенно освобожден от охоты за дичью. Необыкновенное искривление ноги, скрученной в

виде штопора и много короче здоровой, было последствием встречи с каким-то диким животным, и лишь в стенах пещеры старый Мок чувствовал себя в безопасности. Но если ноги у него были слабы, зато были здоровы его голова и руки. В седеющей голове таилось много ума, а руки свидетельствовали о том, что он был великий мастер лазить по деревьям. Пальцы его ног были цепки, как клещи, и на вершине дерева он чувствовал себя, как дома. Но он редко передвигался далеко, да и не было в этом нужды.

Старый Мок обладал такими дарованиями, которые делали его желанным другом среди пещерных обитателей. В молодости он слыл могучим охотником, с поразительной тонкостью знал все пути животных и птиц и умел с одинаковой ловкостью как выслеживать их, так, в случае нужды, и избегать. Лучший охотник, он в то же время был таким мастером изготавливать оружие, каких редко знали жители долины и, благодаря этому, был почти всегда дорогим гостем в той пещере, которую, по своему желанию, выбирал для жилья. После бывшего с ним несчастья, он переходил из одной пещеры в другую, нигде не находя удовлетворения своим вкусам, а теперь остался у старого друга и, как думал, до конца своих дней. Несмотря на суровую наружность, в нем было нечто, с первого же раза привлекшее к нему Аба: быть может, то были мелькавшие иногда живые искры в его суровых старых глазах или странные, напоминающие клохтанье звуки его голоса, дружески звучавшего здоровому юноше; но уже скоро они сделались друзьями, как это зачастую бывает между стариком и молодым человеком.

Хотя положение искалеченного охотника в некоторых отношениях и было зависимым, однако, он имел чувство собственного достоинства и был свободен в выражении своих мыслей. Никогда в течение целых тысячелетий, прошедших с того времени, как жил хромой Мок, не было оружейного мастера, который пользовался бы такой же славой среди своих современников. Ни один мастер мечей, копий, кольчуг и лат многими столетиями позже не имел большей известности, чем старый Мок среди своих друзей и хозяев, хотя его заказчики были, может быть, в сто раз малочислен-

нее, чем у какого-нибудь плохого мастера толедских клинков. Несмотря на некоторую зависимость своего положения, он пользовался почти полной свободой, да и кто решился бы притеснять знаменитого обкалывателя кремней и резчика на мамонтовых клыках, слава которого гремела на огромном пространстве, от самых истоков реки до того места, где голубая широкая река, приняв в себя множество притоков, исчезала в обширном вместилище вод, носящем теперь название «Северного моря».

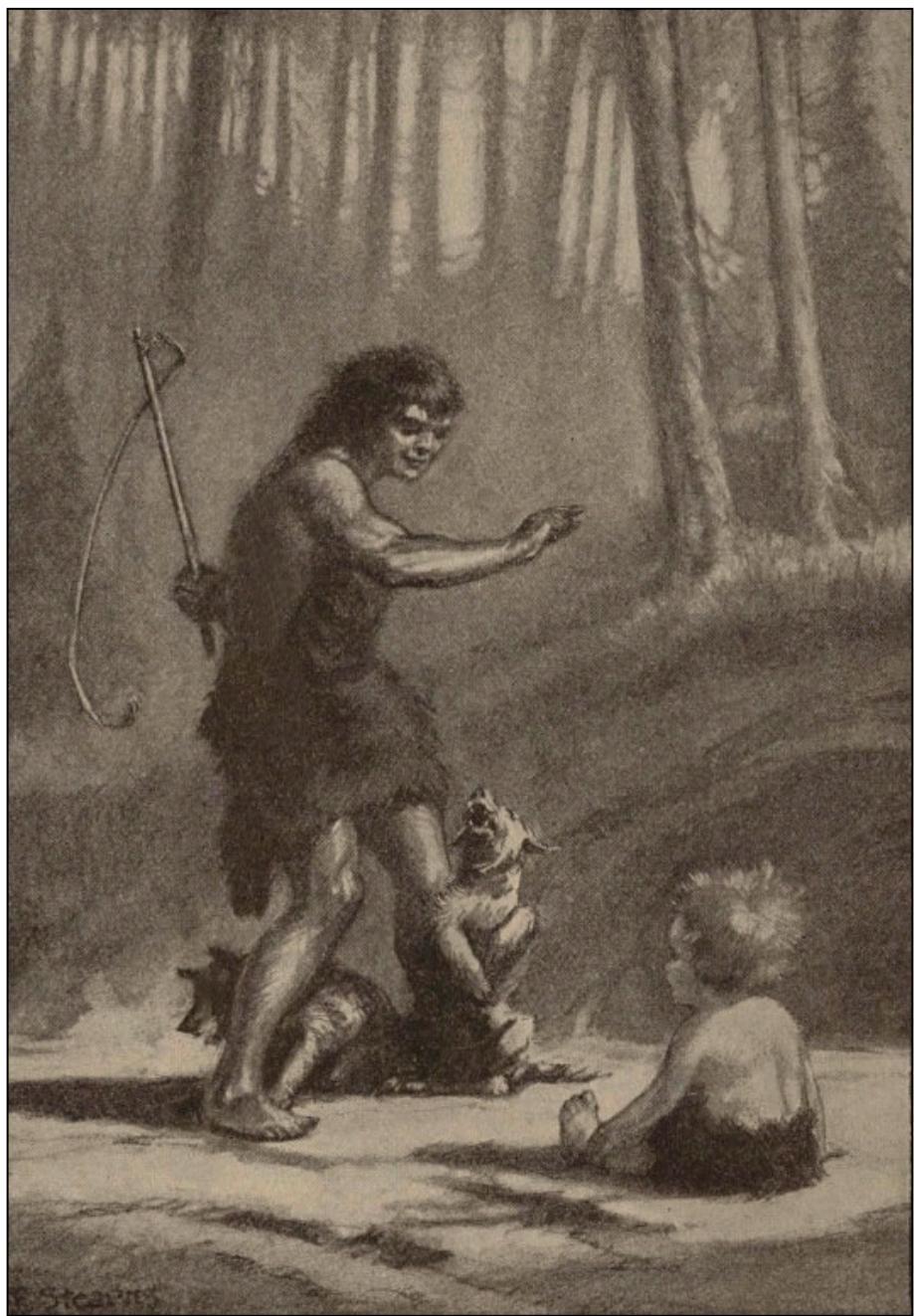
Мальчик и старик тесно сошлись и, как это бывает всегда, к выгоде обеих сторон. Мальчик учился тому, что увеличивало его знания и ловкость, а старик радовался, наблюдая развитие родственного ему существа. Помогая Абу, а иногда и Оку, и словом и делом, старый Мок никогда не старался отклонить пылкую молодежь от смелых и даже рискованных предприятий. В те времена руководились не строгим расчетом, а надеждой на счастливую случайность. Когда в голове одного из юношей зарождался великолепный план смелого предприятия, то он немедленно сообщался старому учителю, и никогда им не приходилось жалеть об этом, как об излишней откровенности.

Была уже глубокая ночь в пещере, когда Аб принес домой двух пушистых серых зверьков по величине немного больше котят и привязал их в углу на веревки из жил, таких толстых и крепких, что они не поддавались острым зубам животных, сразу набросившихся на свою привязь. Мягкие серые комочки были не что иное, как молодые волчата, и представляли для Аба предмет значительной ценности. Ловко похищенные храбрыми бродягами Абом и Оком, они не были из одной норы, не были братом с сестрой. Уже давно внимание мальчиков привлекалось появлявшимся вблизи пещеры Аба тенями на высоком неровном берегу вниз по течению реки, и было решено произвести точное расследование. Волк эпохи пещерного человека представлял необыкновенно прожорливого хищника, но трусливого, боявшегося, не будучи в стае, напасть днем на двух хорошо вооруженных, сильных юношей. После очень осторожного выслеживания были найдены два логовища, оба с волчатами,

и как раз во время отсутствия взрослых животных. Вытащив по два рычавших волчонка из каждого гнезда, из одного Аб, а из другого Ок, мальчики со всех ног бросились бежать от места, где им грозила серьезная опасность, если бы вернулись ограбленные старики во время похищения. Добравшись благополучно до безопасного места, они поменялись по одному волчонку и с торжеством отправились по домам. Особенно радовался Аб. Он решил кормить щенят со всевозможной заботливостью, чтобы вырастить их большими. Его голова была полна радостно волновавшими мечтами, но он также чувствовал, что принимает на себя большую ответственность.

Волчата, привязанные в углу, сразу возбудили внимание и безграничное восхищение Барка и Букового Листочка. Особенно была обрадована девочка, и обыкновенно ее находили среди маленьких зверьков, которые, будучи сами сосунками, в скором времени настолько приручились, что стали с ней делить свои игры; Барк тоже был не прочь повозиться с волчатами, Аб ухаживал за ними с заботливостью няньки. Даже отец и мать стали интересоваться играми молодой компании, и скоро волчата сделались призываемыми, хотя и не слишком уважаемыми членами семьи. Но мечта Аба для своего исполнения требовала гораздо большего времени: дикие животные не могли сразу превратиться в прирученных. Когда волчата подросли и зубы их сделались длиннее и остree, то, при случайных столкновениях, они стали так царапать руки Барка и Букового Листочка, что наконец родители заставили Аба, несмотря на самый горячий протест с его стороны, изгнать из пещеры своих любимцев; его руки не поднимались убить волчат, уже достигших половины размеров взрослого животного, и поэтому он спустил их с привязи, рассчитывая, что они немедленно бросятся в лес. Но животные уже привыкли быть постоянно среди людей, знали только жизнь в пещере; здесь же они получали и корм, а потому к ночи были снова у входа в пещеру, с визгом требуя своей доли; им выкинули полуобглоданные кости, и они с радостным визжанием и рычанием набросились на них. С той поры они поселились

© Stearns

около пещеры и удержали свое место в семье; при этом у них появилась особенная черта: они показывали самую ожесточенную вражду к своим соплеменникам, осмелившимся приближаться к пещере. Случилось, что волчицу нашли в глубине пещеры, а около нее лежали четыре маленьких волчонка. Семья полюбила маленьких животных, и, вырастая, они сделались более ручными и послушными, чем их родители. Живя под защитой и покровительством людей, они навсегда забыли свою природную дикость. Скоро потомство первой прирученной пары сильно размножилось, и его стали раздавать в виде ценных подарков. Два мальчика, ограбив волчьи логовища на берегу реки, исполнили величайшую задачу своего времени, значения которой они не могли даже понять.

Внимание детей, однако, не было поглощено исключительно воспитанием волчат. Они считали себя лучшими охотниками на птиц и с некоторой натяжкой имели, пожалуй, право на это горделивое самомнение. Ни один мальчик не умел так ловко поставить западню или бросить более метко камень в птицу, как наши юнцы, а окружавшие леса, богатые пернатой дичью, давали возможность усовершенствоватьсь в этом искусстве. В богатых орехами лесах кормились дрофы; на болотах, покрытых роскошной растительностью, жили глухари, тетерева и куропатки, под надежной защитой от нападения голодной белоснежной совы. На реке, в заводях и заливах, стоял постоянный гул от множества водяной птицы: гусей, лебедей и бесчисленных уток, а также и болотной птицы: коростелей, куликов и других. Эти птицы приносили множество яиц, представлявших великолепное кушанье, будучи испечены в горячей золе. Охота на водяную птицу приносila мальчикам самую богатую добычу. Утки плавали и кормились так близко у берегов реки и маленьких ее островов и собирались такими густыми стаями, что дети, выскочив внезапно из засады, редко делали промахи, бросая в них камнями. Вдоль берегов водились выхухоли и в небольшом количестве огромные бобры, самое могучее животное этой породы. Выхухоль представляла прекрасную добычу благодаря своему меху и мясу, которое так

вкусно, что его и теперь охотно едят индейцы и некоторые белые охотники в Канаде; мальчики охотились за этим животным с копьями. Но в ту пору их охотничьей карьеры была и недоступная для них дичь. Один раз они видели тюленя, поднявшегося из моря в реку, и бежали целые мили вдоль берега, хотя это преследование было так же бесполезно, как и попытка убить большого бобра.

Но, конечно, самое большое значение для мальчиков имела охота за сухопутными животными. Одним из главных предметов охоты были дикие свиньи, но они отличались осторожностью, а большие кабаны были даже и опасны; только захватив где-нибудь выводок молодых свиней, охотники обильно запасались прекрасной пищей. В этих случаях устраивалось богатое угождение, и воздух пещеры наполнялся возбуждающим аппетит ароматом жареного. Существует рассказ, написанный великим и благородным писателем, о том, как в Китае впервые был найден привлекательный вкус жареной свинины. Прелестный рассказ делает честь его автору, но пещерные люди, за много тысячелетий раньше существования Китая, знали и любили великолепный вкус мяса молодых диких свиней.

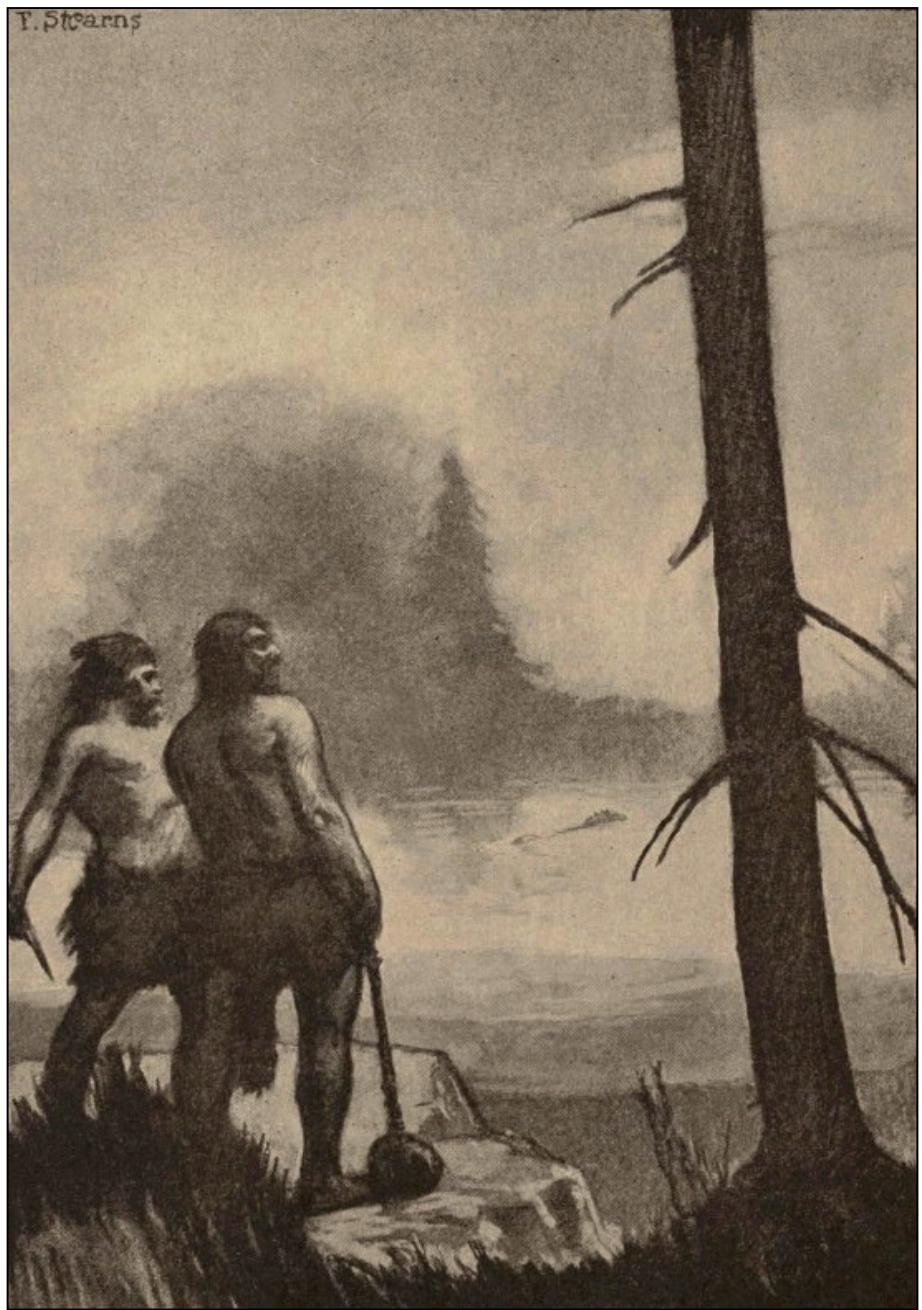
Среди других животных, населявших речной бассейн, жил мускусный бык, осторожный, как и существующий теперь его собрат, живущий в тропическом поясе; он представлял собой небольшое животное, полукозу, полуантилопу и обитал на почти недоступных скалистых склонах холмов. На деревьях водились белки, но они редко попадались в добычу; а бесхвостые зайцы, кормившиеся на приречных полях, не позволяли к себе приближаться и при малейшей тревоге бросались в бегство, мчась при этом с быстротой морского ветра и гораздо быстрее постоянно за ними охотившихся лисиц. Жившие в подземных норах животные представляли более верную добычу; то были: каменная куница, сурок, еж, барсук, имевшие съедобное мясо и легко попадавшиеся в добычу тем, кто умел так же хорошо рыть землю, как наши сильные юноши. Когда животное бывало застигнуто в норе, то пускались в ход большие раковины и обожженные на огне длинные колья, и вскоре же решалась

участь животного. Правда, здесь не хватало еще одного сотрудника, считающегося необходимым при травле подобной дичи детьми нашего времени, а именно — собаки; но тогда дети обладали острым зрением и проворными руками, и прятавшееся животное редко спасалось, если только удавалось загнать его в нору. Ценной добычей считался барсук, не только за свое вкусное мясо, но также и за его белоснежные зубы, из которых, просверлив и нанизав их на жилы, делали высокой ценности ожерелья.

Юноши еще не осмеливались нападать на более крупных животных; лишь иногда они отваживались вступать в борьбу с существовавшим тогда небольшим леопардом или с дикой кошкой; самое большее, на что они решались, это — охотиться на росомах, обладавших очень длинной и оригинально украшенной шерстью, и то лишь потому, что росомаха представляла самое дерзкое изо всех животных небольшого размера; она смело набрасывалась на приманку из мяса и тем давала прекрасную цель для удара копьем. Но росомаха заслуживает большого внимания и в другом отношении. Это грязное, кровожадное животное достойно интереса образованного человека, умеющего руководиться в своих чувствах разумом; в таких неприятных свойствах, как грязь и кровожадность росомахи, виновата природа, но эта же природа наделила ее такой достойной удивления и уважения устойчивостью породы, что через все поколения она прошла без малейшего изменения. И пещерный человек, и древние тевтонцы, когда «hides»* были наградой воинам, и римляне, отправлявшиеся на север и знакомившиеся с острыми топорами рейнских народов, и друиды, и англы, и саксы знали ее такой же без изменения, как теперь знают в Европе, Азии и Америке, т. е. почти во всей умеренной северной полосе. Росомаха представляет удивительное явление: время не имело над ней силы; ее кости, находимые в пещерах рядом с костями гиены каменной эпохи, те же самые, что составляют скелет теперешних животных. Подобное жи-

* Hide — гайда, хайд, надел земли в 120 акров.

T. Stearns

вотное, не развивающееся и не вырождающееся, производит впечатление аномалии в мире живых существ.

Между тем, оба подрастающих мальчика с каждым днем преуспевали в науке добывать пищу, и одновременно возрастало их значение в семье. Иногда они охотились и порознь, но редко; в лесу, наполненном зверями, они чувствовали себя безопаснее, когда были вдвоем. Впрочем, не все их время тратилось на преследование посильной добычи; им была знакома и семейная жизнь, иногда такая же интересная, как и жизнь вне дома.

Глава XI

ДОМАШНИЕ РАБОТЫ*

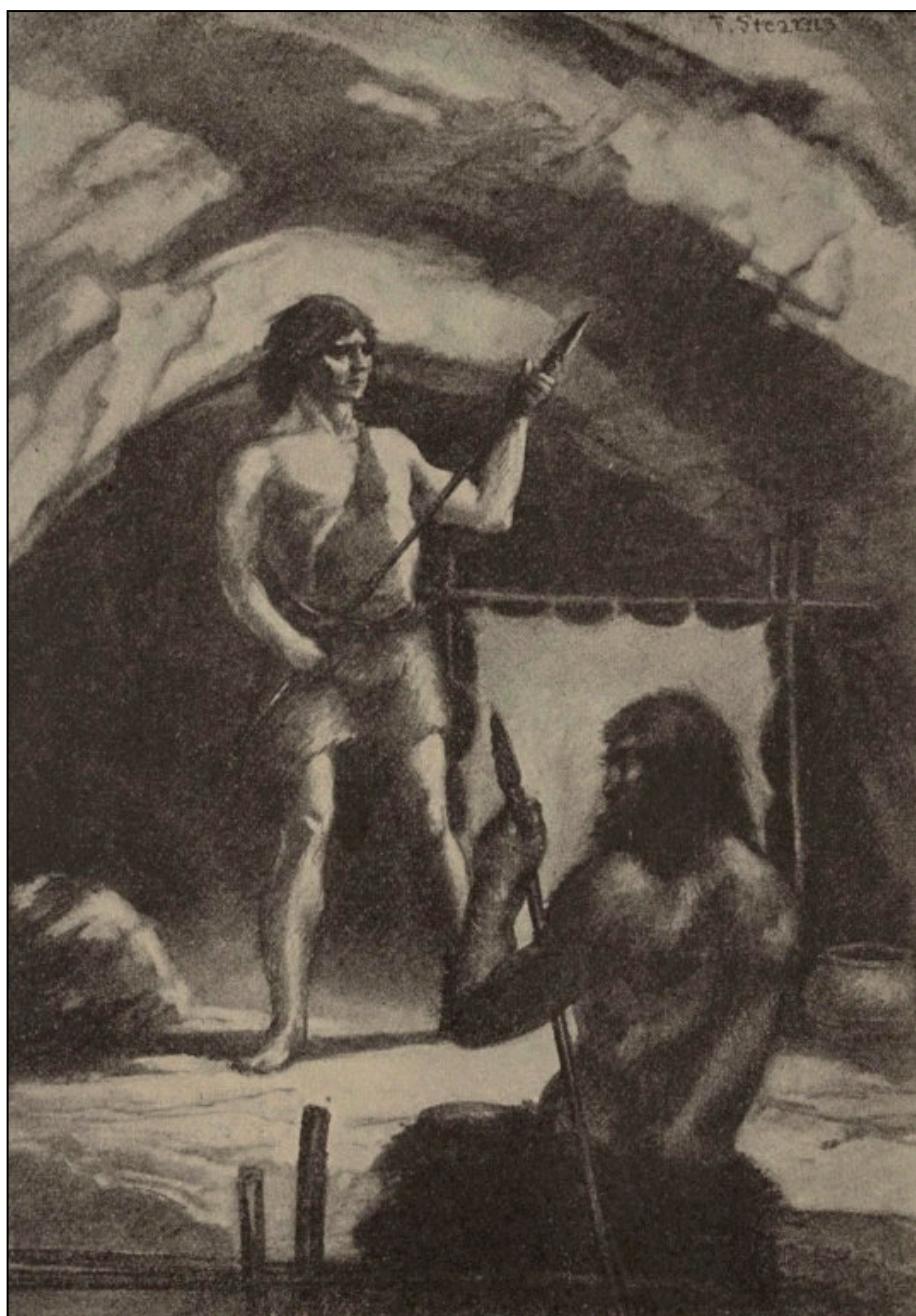
Наступило счастливое время для жителей пещеры, и Абу, теперь развившемуся в необыкновенно крепкого юношу, уже не казались монотонными длинные вечера, проводимые им около домашнего очага; здесь был Мок, старый учитель, так горячо привязанный к нему; здесь ждала интересная работа: нужно было из темных кремневых желваков или осколков обсидиана, с жадностью собиравшихся пещерными жителями во время их странствований, выделать наконечники копий, топоры, грубые ножи и скребки для обработки шкур, — все — предметы первой необходимости. Кремневые желваки, несмотря на небольшую величину, очень часто имели грушевидную форму. Хотя по наружности они казались сплошного строения, образованными из твердейшего материала, но на самом деле состояли из ряда расположенных вокруг центра слоев; и в ловких руках, посредством откалывания или осторожного поддевания, эти слои легко отделялись целиком. Отделенная пластинка камня с внешней стороны была выпукла, а с внутренней вогнута;

* Заглавие в исходном русском пер. пропущено.

пластиинка, добытая из середины камня, обыкновенно была ровнее и, обработанная надлежащим образом, представляла могучий наконечник для копья. Для тяжелых топоров и молотов часто употреблялись и другие камни, как, например, гранит или кварцевый песчаник. Вообще, производство оружия требовало необыкновенной ловкости и бесконечного терпения. Чтобы получить пластиинку кремня симметричной формы, требовалось утонченнейшее понимание направления и силы удара; при каждой вновь отделенной маленькой пластиинке, форма всего куска изменялась. Задача состояла в том, чтобы получить пластиинку камня с острым концом, возможно массивнее посередине и с острыми краями. В этой деликатной работе обкалывания камня и его отделке все мужчины были неопытны, как дети, по сравнению со старым Моком.

Во время работы Аб всегда вертелся около старика и наконец получил позволение ему помогать. Для начала, ввиду его неопытности, ему было поручено отдельывать длинные древки копий, и лишь когда он добился успеха в этой работе, было разрешено приступить к обкалыванию кремней, конечно, только в том случае, когда старый Мок имел в своем распоряжении кусок камня, в достоинствах которого он сомневался и порча которого ему принесла бы мало огорчения. Вначале это был бесчисленный ряд неудач и только уничтожение множества плохих камней; но юноша обладал настойчивым желанием, верным глазом и рукой и со временем добился того, что лишь немного уступал в этом искусстве своему учителю и даже в самой деликатной работе — тончайшем обкалывании при отделке оружия — был далеко не заурядным мастером. Честолюбие заставляло его относиться ко всему с одинаковым рвением, и его успехи радовали старого Мока.

Все время голова юноши была занята наблюдениями и опытами: то он пробовал новое долото, то, крепко зажав его в руке, осторожно постукивал по нему третьим камнем, чтобы получить необходимую трещину, то вслух удивлялся, почему нельзя данный кремневый нож сделать тоньше, а этот наконечник копья — несколько тяжелее. И, работая,

он до надоедливости приставал с расспросами, но старый Мок переносил его любознательность с удивительным терпением, и иногда, ворча, признавался, что мальчик уже умел обкалывать кремни лучше многих взрослых мужчин; при этих словах ветеран обыкновенно разражался отрывистым смехом и взглядал на отца Аба, который был заведомо плохим мастером этого дела, хотя, когда оружие попадало ему в руки, то мало было людей, владевших им с большим искусством и силой. Что касается Одного Уха, то он слушал эти намеки довольно мирно; он был рад, что его сын постиг умение делать хорошо оружие: это имело такое серьезное значение для жизни семьи.

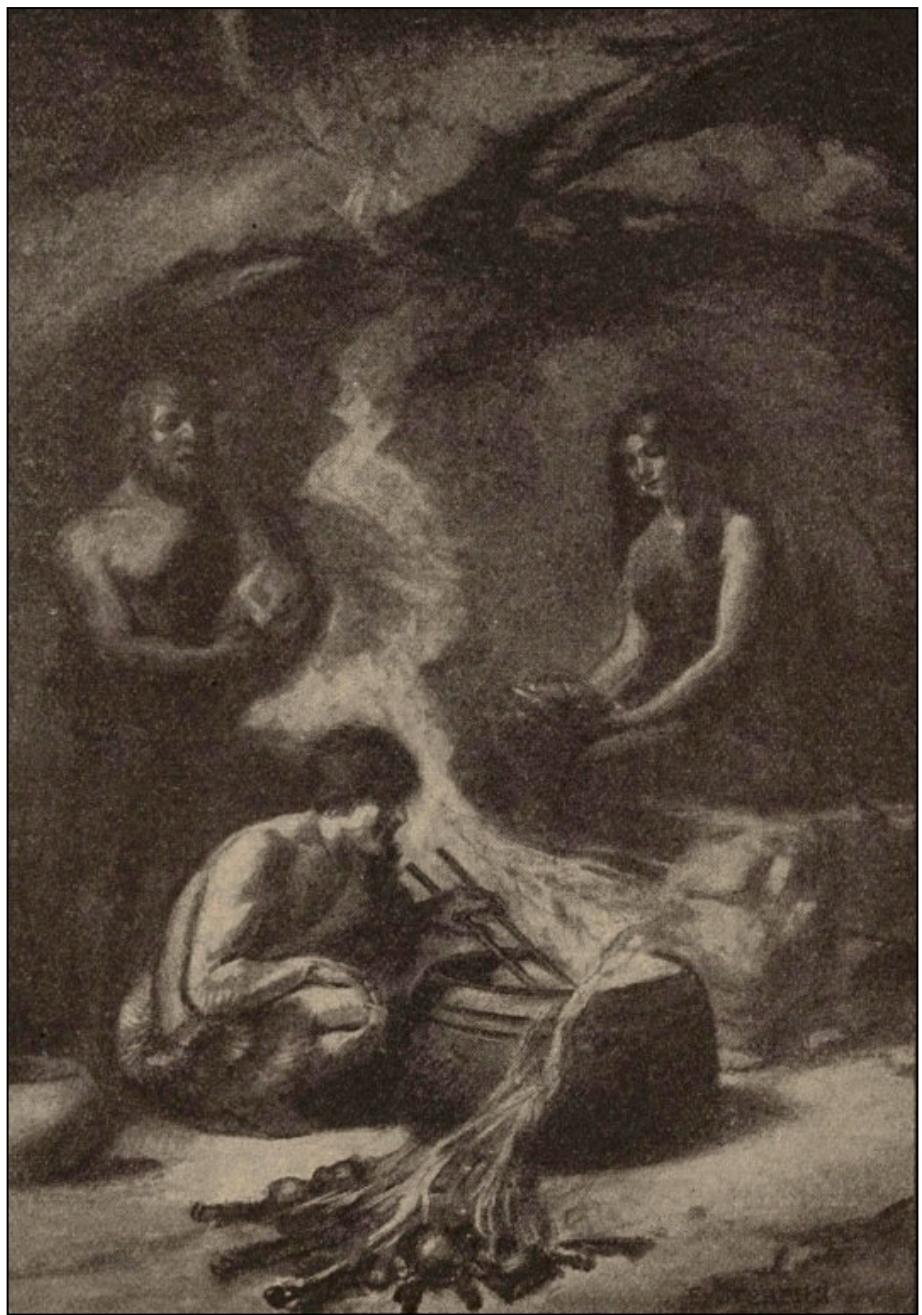
Все это время отношения между Абом и его матерью продолжали оставаться хорошими; почти все мальчики той эпохи были послушными детьми до той поры, пока их мышцы не делались такими же крепкими, как и у самих матерей; но это случалось не скоро, потому что пещерная женщина, охотясь и работая наряду с мужчиной, совсем не походила на тех слабых матерей, пощечины которых не заслуживают и упоминания; напротив, удар руки такой матери и уважался, и старательно избегался. Употребление силы было в общих нравах, и пещерная женщина, хотя и готовая пожертвовать своей жизнью, защищая детей, однако, требовала от них безусловной покорности, наталкиваемая на это материнским инстинктом руководить детьми, пока этот инстинкт постепенно не переходил в чувство гордости силой того существа, которому она дала жизнь. Пока же Аб безропотно нес тяжелую службу в своей семье.

Как уже было замечено выше, Красное Пятно считалась славной хозяйкой, и произведения этой пещерной поварихи удовлетворили бы и гастронома нашего времени, способного оценить прелесть пищи, обладающей естественным ароматом и вкусом. Пересматривая свои кухонные принадлежности, Красное Пятно чувствовала самую законную гордость хозяйки дома. В ее хозяйстве имелся очаг, где, насадив на длинные острые шесты, можно было жарить куски мяса, получавшие при этом дымный запах; были и горячие угли и зола, в которых можно было запекать раковины

и покрытых илом рыб; владела она также и приспособлениями варить мясо, что составляло редкую роскошь. Подраставший сын был деятельным помощником своей матери в создании этих удобств.

С большим трудом, усилиями всей семьи и при помощи Ободранного Лица и Ока, который вместе с Абом очень раздевался всей работе, вкатили в пещеру большой камень песчаниковой породы с почти плоским верхом; на нем-то и был устроен большой котел, служивший иногда и для жарения мяса, чем могли похвальиться только наиболее благоустроенные хозяйства. Наверху, посередине большого камня, старый Мок насек топором очертание неправильной окружности около двух футов в диаметре, чем определил размеры будущего котла; предполагалось высечь впадину внутри этой окружности до необходимой для котла глубины, и большая часть этой укрепляющей здоровье, но не совсем завлекательной работы досталась на долю Аба.

Юноша храбро принялся за работу с каменным долотом в руках и вначале, в течение одного или двух дней, успел выдолбить довольно большую впадину, но его рвение стало падать при виде незначительных результатов, получаемых с такой затратой силы. Ему казалось, что работа должна идти успешнее, если бы долото было тяжелее, и если бы он мог им ударять со всего размаха руки. Достав длинную палку, он прочно привязал к одному концу ее долото, но так, чтобы конец палки высывался из-за долота и при ударах оно не могло выско치ть вверх; к этому свободному концу ее он привязал большой, весом в несколько фунтов камень и тогда, взяв палку в обе руки за свободный конец, поднял ее и со всего размаха опустил долотом в выдолбленную уже впадину. Теперь работа шла гораздо успешнее, и, по истечении нескольких дней, Аб уже выдолбил впадину, которая могла много вместить и мяса и воды. Окончание работы было увенчано необыкновенно веселым торжеством. Котел был почти до верху наполнен водой, в которую были брошены большие куски мяса оленя, убитого в этот день. Рядом на очаге разложили костер из сухих дров, и на оставшуюся после него кучу углей были брошены небольшого

размера камни, накалившиеся вскоре докрасна. Один за другим их вытаскивали из огня с помощью щипцов из свежих ивовых ветвей и бросали в котел с водой и мясом, после чего вскоре же закипела вода, и было готово для еды вареное мясо, издававшее очень сильный аромат; чтобы вдоволь насладиться аппетитным запахом, с этого момента было запрещено выходить из пещеры. Послышался звук раковин, служивших суповыми чашками, и руки всех присутствовавших потянулись к котлу, доставая из него куски вареного мяса при помощи острых палочек. Все были удовлетворены досыта; слышались только пронзительные жалобы Барка, опоздавшего к котлу, да Букового Листочка, о которой заботилась ее мать, потому что она была слишком мала и не могла сама забраться в котел. Быть может, современному человеку это мясо показалось бы недостаточно приправленным, но ведь взгляды на приправу во многом зависят от желудка и от эпохи, и, кроме того, весьма было возможно, что частицы угля и золы, приставшие к камням, брошенным в воду, придавали мясу такой же изысканный в своем роде вкус, как и получаемый посредством соли и перца.

Старый Мок, после молчаливого наблюдения, безусловно одобрил новый способ долбления камня, более успешный по сравнению со старым приемом при помощи простого долота, зажатого в кулаке. Он высказался также в пользу того, чтоб при совместных работах такого рода, как выравнивание плоскости на камне, употреблять надавливание с помощью большого груза. Его отношение к юноше делалось с каждым днем ласковее, что щекотало молодое самолюбие. Они попробовали применить к трудной работе отделения от круглых камней широких пластинок для обработки их в оружие — новый инструмент, а именно: ручку, нагрузку и долото, и нашли также, что сильным и ровным на jakiем груди на значительную тяжесть они могли раскалывать кремни вернее и ровнее, чем посредством ударов каменным топором или молотом. Соединив свои силы при исполнении работы, они пришли к убеждению, что это ведет лишь к выгоде дела. Старый Мок держал в одной руке

кусок камня, будущий наконечник оружия, в другой — долото, вделанное в рог, крепко прижимал долото к кремню, держа под таким углом, чтобы получить требуемую форму, а Аб, обдуманно рассчитывая силу каждого удара, ударял по головке долота. Каждый неловкий удар, попадавший по руке старика, искренне огорчал юношу, приносил ему неподдельное горе. Работа, исполнявшаяся этими артистами, сделалась очень деликатной, и произведения этого товарищества или, как бы теперь выражались, фирмы «Старый Мок и К°», были вне сравнения совершеннее работ их предшественников.

В то же время, Аб учился приготовлять различные предметы из рогов лося и северного оленя, а из рогов буйвола и зубра — чаши для питья во время пиров. Старый Мок так увлекся, что попробовал учить юношу резьбе фигур на клыках и лопаточных костях, но в этом искусстве Аб мало успевал: его натура была слишком деятельна и практична. Он еще довольно легко мог сделать костяную иглу своей матери для шитья одежды, свистульку Барку и Буковому Листочку, но вообще все наклонности влекли его к крупным вещам. Сделаться знаменитым воином и охотником оставалось главной мечтой его честолюбивой души.

Зимы этой местности в описываемую эпоху были довольно суровы и обильны снегом, и, чтобы иметь некоторое разнообразие в пище, приходилось делать запасы ее перед наступлением холодного времени. Эти запасы состояли из сущеных съедобных корней и орехов, которые собирались в изобилии, более чем достаточном для удовлетворения возможной нужды. Буковые и дубовые желуди собирались осенью, в пору зрелости, и в это время дети вполне зарабатывали право на жилище и пищу; запасы же складывались в кладовые, вырытые в боковых впадинах пещеры. В тех случаях, когда охоте мешал слишком обильный снег, что, впрочем, было редко, или появлялся в окрестностях пещерный тигр, что уменьшало количество дичи и саму охоту делало опасной, тогда прибегали к орехам и корням, избавляясь этим от возможной голодовки. Не чувствовалось также недостатка в воде: человек рано выучился хранить ее в сумках из

шкур или в случайных впадинах в форме котла. Осажденная дикими зверями семья пещерного человека могла испытывать лишь замешательство, но не серьезное затруднение; имея большой запас дров, пищи и питья, осажденные могли спокойно ждать, а четвероногому хищнику было небезопасно приближаться к узкому входу пещеры на расстояние удара копьем.

Зима, последовавшая за установлением товарищества между старым Моком и Абом, к счастью, была не суровой. Снега выпало достаточно для выслеживания, но не так много, чтобы мешать преследованию добычи. Осеню было необыкновенное обилие упавших орехов, и пещера имела такой запас их, что не могло быть и мысли о лишениях. На реке лед был совершенно чист и прозрачен; через сделанные каменными топорами проруби рыба в изобилии ловилась посредством грубо обделанных костей и каменных крючков; эти снаряды теперь служили гораздо лучше, чем в летнее время, когда удочки делались гораздо длиннее, и рыба чаще срывалась с крючка, лишенного зубцов. Это время было самым благоприятным для всего, что делало жизнь пещерной семьи удобнее, приветливее и для проявления наклонностей к общественной жизни, к искусству и к литературе: люди были свободны от ежедневной необходимости охотиться, чтобы обеспечить себе насущный хлеб, имели свободное время для таких развлечений, как резьба по кости, и вели рассказы о необыкновенных событиях прошлого. Старики говорили, что они не запомнят более удачной зимы.

А старый Мок и Аб в это время усердно работали; юноша умственно так развился, что его случайные замечания, высказываемые им Оку, всегда останавливали внимание последнего по смелости и практичности. Абу казалось, что он в совершенстве знал приготовление оружия: и скребков, и наконечников, и топоров, и рукояток к ним из кости и дерева, и что в этой области уже невозможны никакие усовершенствования, но со временем он сильно изменил это мнение. В компании со своим старым учителем он изготавлял хорошее оружие и даже нашел некоторые улучшения, но это было ничто в сравнении со случайным откры-

тием, выпавшим на его долю, благодаря которому человек изменил свое место среди других живых существ. Но это великое открытие было им сделано гораздо позже, когда он стал и старше, и скромнее, теперь же он был совершенно доволен собой.

Когда зажигался ночной огонь, когда усталые люди ложились вокруг очага для отдыха, но не для сна, и поднимались рассказы о событиях истекшего дня, то изредка делался разговорчивым и старый, обыкновенно молчаливый Мок. Он пускался в рассказы о событиях своей молодости, о тех давно прошедших временах, когда пещерные жители и племя рыбаков составляли один народ, когда еще существовали огромные, чудовищные животные и человеку только с большим трудом удавалось защитить свою жизнь. Пещерные жители с почтением и удивлением внимали рассказам старика, и Аб и Ок после обдумывали их, доискиваясь скрытой в них правды.

Глава XII

РАССКАЗЫ СТАРОГО МОКА

Стоило послушать старого Мока, когда он, весь уходя в воспоминания, рассказывал о том, что видел или слышал в своей юности. Однажды в пещере поднялась тревога — погас огонь, следить за которым было поручено Барку; когда в пещеру вернулись старшие, то услышались побои, суровый выговор, и немедленно приступили к добыванию огня посредством верчения сухой палки; гнев отца утих лишь после того, как запах жареного наполнил всю пещеру, и все члены семьи почувствовали себя уютно, лишь когда пришли в движение их сильные челюсти. Аб вернулся домой голодным и, благодаря случившемуся, его уму с особенной силой представилось громадное значение огня. Он улегся около старого Мока, занятого работой какого-то древка, — и щекотал пальцами ноги Букового Листочка, которая пре-

рывисто смеялась и чмокала губами, перекатываясь с боку на бок и не выпуская ни на минуту из рук кости оленя. Кость была невелика, но с мозгом, и дитя, лепеча, обсасывало ее в величайшем блаженстве. Аб задумался о том, как была бы невкусна неизжаренная пища и посмотрел на свои еще красные ладони, так как ему пришлось добывать огонь.

— Огонь — это благо, — сказал он Моку.

Старик несколько мгновений продолжал молча работать и потом проворчал:

— Да, конечно, это благо, если только он не жжется; я один раз был обожжен, — и он вытянул руку, на которой виднелся рубец.

Аб заинтересовался...

— Где это с тобой случилось? — спросил он.

— Далеко отсюда, за черным болотом, и еще дальше, за красными холмами. Это случилось, когда я еще обладал силой.

— Расскажи мне, как это было, — сказал юноша.

— Далеко, за болотом, за лесами и за большими скалами есть страна чудес — огненная долина, — отвечал старый Мок. — Огонь длинными языками выходит из земли и никогда не изменяется. Ни дождь, ни снег не могут его остановить. Мне ли не знать этого огня? Слишком близко подойдя и оступившись, я упал на горячую скалу, почти в самый огонь, и получил этот шрам. Да иногда и огня бывает слишком много.

Старик продолжал:

— В той стране много огненных мест, и к востоку, и к югу. Кой-кто из племени рыбаков, спускаясь вниз по реке, видал их. Но то место, где я был обожжен, находится недалеко отсюда, вверх по реке, к северо-западу.

Аб был заинтересован и продолжал расспрашивать старого Мока о чудесной стране, где пламя выходит из земли наподобие кустарника, и которое ни снег, ни дождь не могут затушить. Позднее пришло время, когда он был очень рад тем немногим сведениям, какие ему сообщил старик. Но теперь, приставая с расспросами, он хотел только восполь-

зоваться разговорчивым настроением ветерана.

— Расскажи мне о племени рыбаков: кто они и откуда пришли? Они так отличаются от нас.

— Да, они не похожи на нас, — сказал старый Мок, — но было время, так мне говорили, когда такими же были и мы.

Старики, по рассказам своих дедов, передавали, что будто прежде всю эту страну населяло одно племя рыбаков; они жили вдоль морского побережья и никогда не охотились и не отходили на далекое расстояние от заселенных ими маленьких островов, так как боялись лесных хищников. Иногда они отваживались пойти в лес за орехами и коренями, но большей частью питались рыбами и раковинами. Но настало время, когда среди них появились храбрые люди, которым надоело трусливо сидеть на островах, и они решили заняться охотой на лесных зверей. Они пришли в леса и положили начало племени пещерных жителей. Я думаю, что это правдивая история.

Я думаю, что это правда, — продолжал старый Мок, — и потому, что племя рыбаков, как ты и сам можешь видеть, очень давно живет на одном и том же месте. Вверх и вниз по той реке, где они живут, а также и вдоль других рек, находятся земляные валы, очень длинные и широкие. Но эти валы состоят не из земли, а из раковин, костей, наконечников копий и всевозможных предметов, разбросанных вокруг их селений. Я это знаю потому, что сам раскапывал эти длинные гряды и видел все, о чем рассказываю теперь. Долго, очень долго должно было жить на одном месте племя рыбаков, чтобы образовались такие высокие кучи костей и раковин.

И старый Мок был прав. Утверждают, что мы потомки арийской расы. Не может быть, чтобы современный западный человек, беспокойный и изменчивый по натуре, был потомком только одной арийской расы; конечно, он отчасти представляет и потомка этого племени, которое зародилось в обнаженных равнинах или в странах, где произрастают олива и роза. Но вся современная наука, современная мысль и расширявшееся понимание склоняются признать за истину, что, хотя и смешиваясь с пришельцами с Востока, он поя-

вился и переживал все изменения на том же месте, где живет и теперь.

Кухонные отбросы (къеккен-медиңги), — название, данное учеными сорным кучам этих племен, — кухонные отбросы в пределах одной современной Дании, не считая других залежей, достаточны, чтобы нарисовать удивительную историю. Представьте себе кухонные отбросы, эти остатки обыденной жизни человека различных эпох, скопившиеся вдоль берега русла какой-нибудь древней реки слоем в несколько футов толщиной, на сотни миль в длину, на сотни шагов в ширину, по берегу реки, протекавшей десятки и десятки тысяч лет тому назад. Вообразите, что это обширное отложение рассказывает историю сотен тысячелетий и более, начинаясь сперва слоем ракушек, двустворчатых раковин и других им подобных существ, живших в этой реке, прокладывавшей свой путь к Северному морю. Вообразите медленность, с какой эти отбросы вырастали год за годом, столетие за столетием, постепенно меняясь по составу и характеру, и вы получите прочное основание для выводов.

Прежде всего, с уверенностью можно сказать, что существа, жившие по берегам древней реки Дании и пожиравшие слизняков и устриц, были настоящие антропоиды. Могли ли они переселиться сюда из азиатских плоскогорий?

Кухонные отбросы передают историю точнее, чем какой-либо писатель, когда-либо бравшийся за перо. Здесь обезьяноподобные существа, располагаясь вниз и вверх по течению излюбленной реки, удовлетворяли свой аппетит. После их смерти оставалось потомство, которое становилось разумнее под влиянием опыта и перемены окружавшей обстановки. Кухонные отбросы обо всем этом дают самые подробные указания. Нижний слой, как было указано, состоит только из раковин; над этим слоем в течение целых тысячелетий нарастает другой слой, в котором попадаются разбитые кости существовавших тогда животных, а также куски обожженного дерева, что указывает на знакомство примитивного человека с огнем. Еще позже попадаются грубо вырезанные кости мамонта, волосатого носорога и ирландского лося; затем появляются грубые кремневые инструмен-

ты и еще позже наступает век полированного камня в сопровождении современных ему ископаемых животных; наконец, в самом верхнем слое появляются бронзовые копья, топоры и грубые кинжалы, употреблявшиеся человеком, который сделался друидом и признается за нашего предка. От существа, оставившего после себя кухонные отбросы, и до вершины культуры, достигнутой современным человеком, тянется беспрерывная цепь, все звенья которой налицо.

— Удивительные вещи рассказывают эти рыбаки, — продолжал старый Мок, — они лучшие рассказчики сравнительно с нами, потому что большую часть жизни проводят в одном месте, и старики всегда что-нибудь рассказывают молодежи, и таким образом эти рассказы не забываются в народе. Они говорят, что было время, когда из морских вод вверх по реке выходили такие чудовища, что даже огромный пещерный тигр не отваживался вступать с ними в борьбу. Старики говорят, что их дедам довелось однажды увидеть собственными глазами чудовищную змею, во много раз больше виденной вами; она плыла вверх по реке и пожирала гиппопотамов с такой же легкостью, как пещерный медведь — молодого оленя. Змея набросилась на бывших на рыбной ловле пещерных жителей и пожрала некоторых из них, проглатывая их целиком за один раз. И этому я также верю, потому что старики, передававшие мне рассказы их дедов, заслуживали полного доверия.

Но другим их рассказам, — продолжал старый Мок, — я мало доверяю. Старики рассказывают о тех временах, когда люди спускались вниз по реке, оттуда в другую, большую реку и наконец к безбрежному морю, и там им приходилось видеть необыкновенные вещи. Но это было очень давно, когда еще живы были деды наших дедов, и задолго до появления громадных деревьев; чудовищные животные плавали около берегов и, хотя у них были длинные шеи и змеиные головы, но это не были змеи, потому что их громадные туловища поддерживались на воде огромными плавниками, вроде плавников бобра. Тогда же существовали и громадные птицы, во много раз больше человека, и кормились там, где теперь живут дрофы и тетерева. И этим расска-

зам я не доверяю, хотя и сам видел кости, вымытые водой из берегов рек и в откосах холмов, не похожие на кости живущих теперь животных. Старики из племени рыбаков — удивительные рассказчики.

Рассказывали они также, — продолжал старик, — что очень давно было время, когда появились холод и лед; наступили такие холода, как теперь зимой, и все живые существа, и люди, и животные, бежали к югу, очень долго жили там и вернулись обратно, когда и холод и лед исчезли. Они говорят, что во времена, еще более древние, огни, выходящие из расселин земли, были в десять раз многочисленнее в том же месте, где и теперь. Даже с появлением ходов и льда, огонь не потух, а лед таял и, образуя целые реки, стекал к морю. И этим рассказам я не верю. Как может человек помнить о том, что случилось так давно? Одни болтуны способны говорить такие небылицы.

Много других историй рассказывал ветеран, но Аб более всего заинтересовался описанием огненной долины: он надеялся увидеть ее когда-нибудь.

Глава XIII

ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ АБА

Быть может, самым счастливым временем в полной превратностей жизни Аба были дни его здорового детства и ранней юности, когда он был полон надежд, доверия и честолюбивого желания сделаться в будущем могущественным охотником и великим человеком. Годы проходили, но он был неутомим в своих опытах, и настал день, когда его труды увенчались чудесным успехом, хотя, как и в большинстве изобретений, мысль о нем была вызвана самым обыкновенным случаем.

Однажды Аб, теперь уже двадцатилетний юноша, вернувшись рано из леса, лениво лежал на траве у входа в пещеру, а невдалеке валялись на траве Барк и большеголовый

вая Буковый Листочек. Мальчик то дразнил сестренку, то утешал ее, то пугал. Он нашел упругий длинный прут и занят был тем, что лениво сгибал его за концы и снова отпускал, причем прут со свистом разгибался в сторону испугавшейся, но совершенно довольной девочки. Наконец, утомленный этим развлечением Барк вынул из кармана своей меховой одежды веревочку из жил, — и, пригнув концы прута, связал их веревкой, причем случайно образовался маленький лук почти круглой формы. Он заметил, что натянутая веревка издает звук, и развлекал этим, пока не надоело, Буковый Листочек. Тогда он поднял с земли длинную гибкую палочку, отщепнувшуюся от какого-нибудь древка во время его изготовления, и начал бречать ею натянутую натянутой жильной веревке. Новые звуки на некоторое время заинтересовали наших юнцов, но наконец и эта забава прискутила, и Барк стал делать с игрушкой различные ребячьи опыты. Положив один конец палочки на струну, он стал ее оттягивать, пока другой конец палочки не уперся в деревянную дугу, — и получилась новая вещь, которая сохранила свой вид, даже лежа на земле. Барк проделывал это уже несколько раз, но вдруг случилось несчастье. Он держал палочку на веревке и оттягивал ее назад, как вдруг она вырвалась у него из пальцев и полетела вперед.

Послеполуденная тишина огласилась пронзительным детским криком, в котором слышалась серьезная боль. Аб вскочил на ноги и немедленно был около детей. Буковый Листочек стояла, продолжая кричать, с протянутой пухлой ручонкой, в которой торчала маленькая палочка, вонзившаяся настолько глубоко, что держалась на весу. Барк стоял и смотрел, полный беспокойства и удивления. Ничего не понимая и полагая, что девочка была ранена по неосторожности Барка, Аб кинулся к своему брату, чтобы наградить его одним из тех тумаков, которые так непринужденно отпускались и получались детьми пещерного человека. Но Барк стрелой бросился за ближайшее дерево и оттуда пронзительно кричал о своей невиновности в каком-нибудь злом умысле, — столь же красноречиво, как и в наше время, когда наказание у мальчика в виду. Он указывал на коварную,

сделанную им игрушку и предлагал показать, как все случилось.

Аб был в сомнении, но уже смеялся, так как палочка, поранившая девочку, упала на землю, и страх Букового Листочка сменился мстительным негодованием, и она требовала наказания Барка. Тот, чтобы убедить в своей невиновности, взял в руки игрушку, чтобы показать, как была ранена девочка. Но судьба была решительно против него; его опыт был слишком нагляден. Стрела снова полетела, и снова послышался крик, но уже не ребенка, а взрослого юноши, который, забыв всякое достоинство, завопил от боли во все горло. Удар был необыкновенно меток, и стрела впилась в грудь старшего брата. Виновник секунду стоял с остановившимися глазами, потом бросил свою игрушку и понесся с воем в лес, страшась немедленной смерти, как достойного возмездия. Первым побуждением Аба было броситься вслед за виновником, но он сейчас же остановился, чтобы вынуть стрелу, засевшую неглубоко благодаря незначительности лука. Он видел теперь, что, действительно, Барк не заслушивал наказания и, подняв брошенную игрушку, стал ее задумчиво и с любопытством разглядывать.

В молодом человеке заговорило обычное для него стремление производить опыты; он положил палочку на струну, оттянул ее назад и отпустил лететь, как это делал Барк, который теперь выглядывал из леса, стараясь узнать настроение брата.

Аб видел, что сила согнутого прута отбрасывает стрелу дальше, чем это можно было сделать рукой, и его заранее волновала мысль о том, что последует, если случайно изобретенную Барком игрушку повторить в большом виде.

— Я сделаю такую же, только побольше, — сказал он себе.

Тем временем отважный, но осторожный Барк показался из леса и стал приближаться к месту, где стоял Аб. Старший брат увидел его и позвал снова попробовать игрушку, и по звуку его голоса мальчик понял, что все обойдется благополучно. На час или два оба брата занялись игрушкой, которая становилась для Аба все занимательней. Он еще

не имел ясного понимания о ее истинном могуществе и будущем значении. Для него это представляло любопытную игрушку, которую интересно было бы сделать побольше размером.

На следующий день Аб отрезал ветку в палец толщиной и аршина полтора длиной, обровнял ее и, согнув, как это делал Барк, завязал концы ее крепкой веревкой из сухожилий...

Получившийся таким образом лук был не из плохих, принимая во внимание, что он был первый на земле, хотя имел неправильную форму, и один конец его был толще другого. Затем Аб отрезал прямой ивовый прутик, почти такой же длины, как и лук, и стал повторять вчерашние опыты. Никогда еще удивление не достигало таких пределов, как у этого человека, когда он, натянув лук, выпустил стрелу!

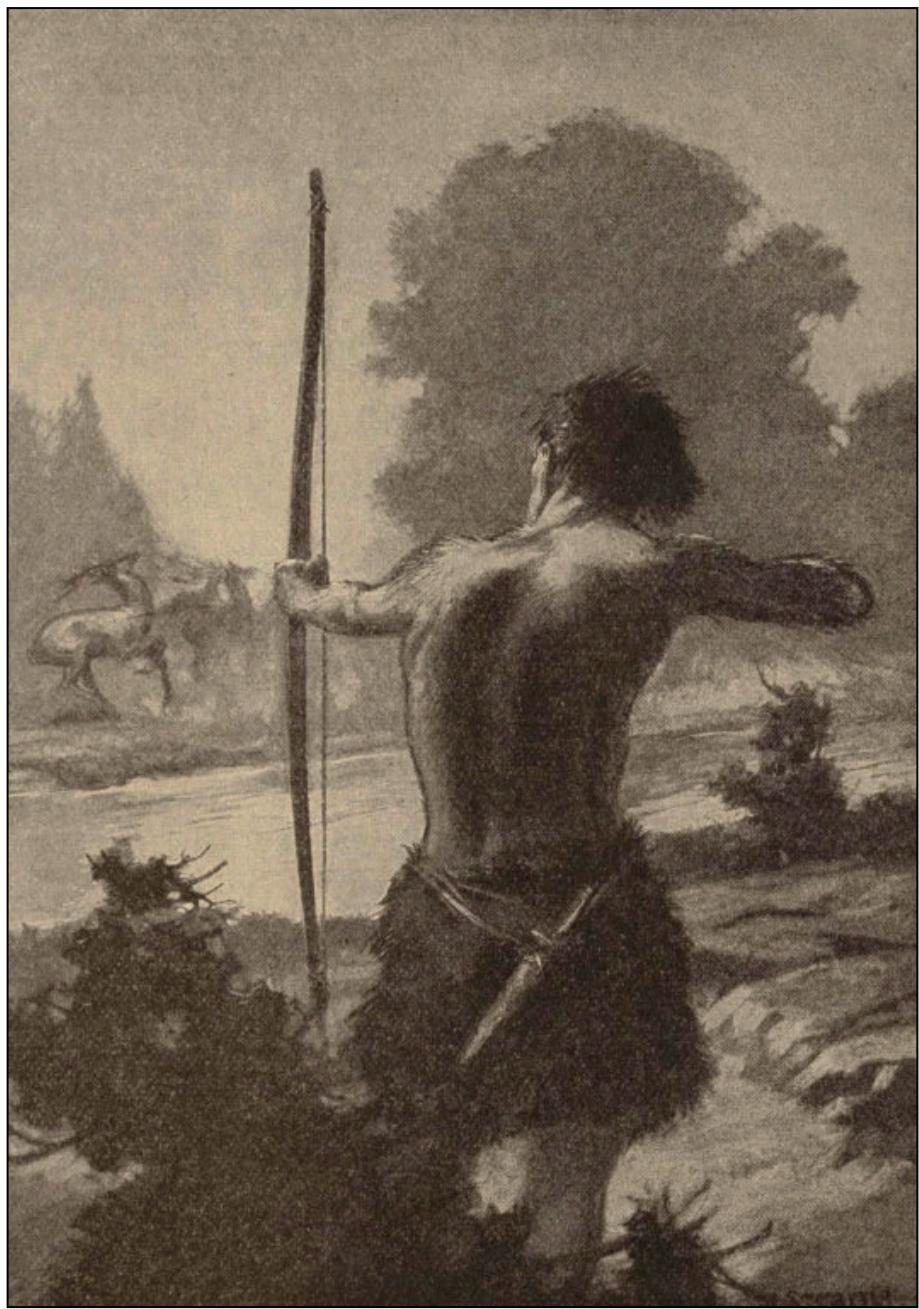
Натянутая сильной рукой и потом отпущенная стрела полетела значительно дальше и с большей силой, чем рассчитывал юноша, видевший в этом простую забаву.

Ему долго пришлось искать стрелу и, найдя ее, он вышел на поляну, где мог свободно следить за ее полетом.

Случилось, что пущенная стрела ударила в дуб, и, несмотря на отсутствие острия, глубоко вошла в твердую бурую кору и, колеблясь, торчала из нее. Тогда у юноши мелькнула мысль, повлиявшая на всю дальнейшую историю человечества: что будет, если приделать к стреле наконечник и пустить ее в оленя или другое какое-нибудь животное?

Он вытащил стрелу из дерева, постоял минуту или две в размышлении и бросился бегом к пещере. Ему необходимо было видеть старого Мока.

Старик был один и за работой, и молодой человек, несколько возбужденный, сказал ему причину его поспешности. Старик слушал его терпеливо, но с сострадательной улыбкой на лице. Ему уже и раньше приходилось слышать от молодого человека о его великих идеях, как, например, об улучшениях в способах рытья ям, ловли рыбы или охоты на животных. Но теперь он дослушал до конца и даже согласился исполнить настоятельную просьбу Аба — посмотреть собственными глазами полет стрелы. Они вместе вы-

шли на открытую поляну, и Аб несколько раз пускал стрелу; после второго выстрела в глазах старого охотника загорелась искра, и он послал Аба в пещеру за своим любимым копьем. Молодой человек вернулся со всей быстротой, на которую были способны его сильные ноги, и нашел Мока стоявшим на расстоянии полета копья от большого дерева на краю поляны.

— Бросай копье в это дерево, — сказал Мок, — бросай изо всех сил.

Аб пустил копье так же сильно и метко, как зулус нашего времени бросает свой «ассагай», но расстояние было слишком велико — копье лишь слегка вонзилось в дерево; его древко медленно опустилось к земле, а наконечник выдернулся из коры. Удар копьем на таком расстоянии только бы ушиб, но не ранил зверя.

— Теперь возьми игрушку и стреляй этой палочкой в то же дерево, — сказал Мок.

Плохо владея новым оружием, Аб промахнулся раза два, несмотря на громадную цель, но когда наконец стрела ударила о твердый ствол, издала сильный звук и отскочила на несколько аршин, старый Мок выглядел очень довольным.

— Быть может, из твоей игрушки выйдет что-нибудь и путное, — сказал он молодому человеку. — Нужно сделать кой-какие улучшения. Твоя стрела совершенно не годится. Мы сделаем другую, и прямее и крепче, а на конец ее насадим маленький наконечник копья, и тогда посмотрим, как глубоко она войдет в дерево. Теперь за работу!

Целые дни они усиленно работали вдвоем, а когда снова пришли на поляну, у них был более сильный, гибкий и правильный лук, чем первый, потому что толстый конец ветви был оструган; он был сделан из тиса или ясения, считавшихся во все времена лучшим материалом для луков; стрела была прямая, и на конце ее был насажен маленький наконечник; на другом же конце имелась зарубка для тетивы. Лук был снабжен первой настоящей стрелой.

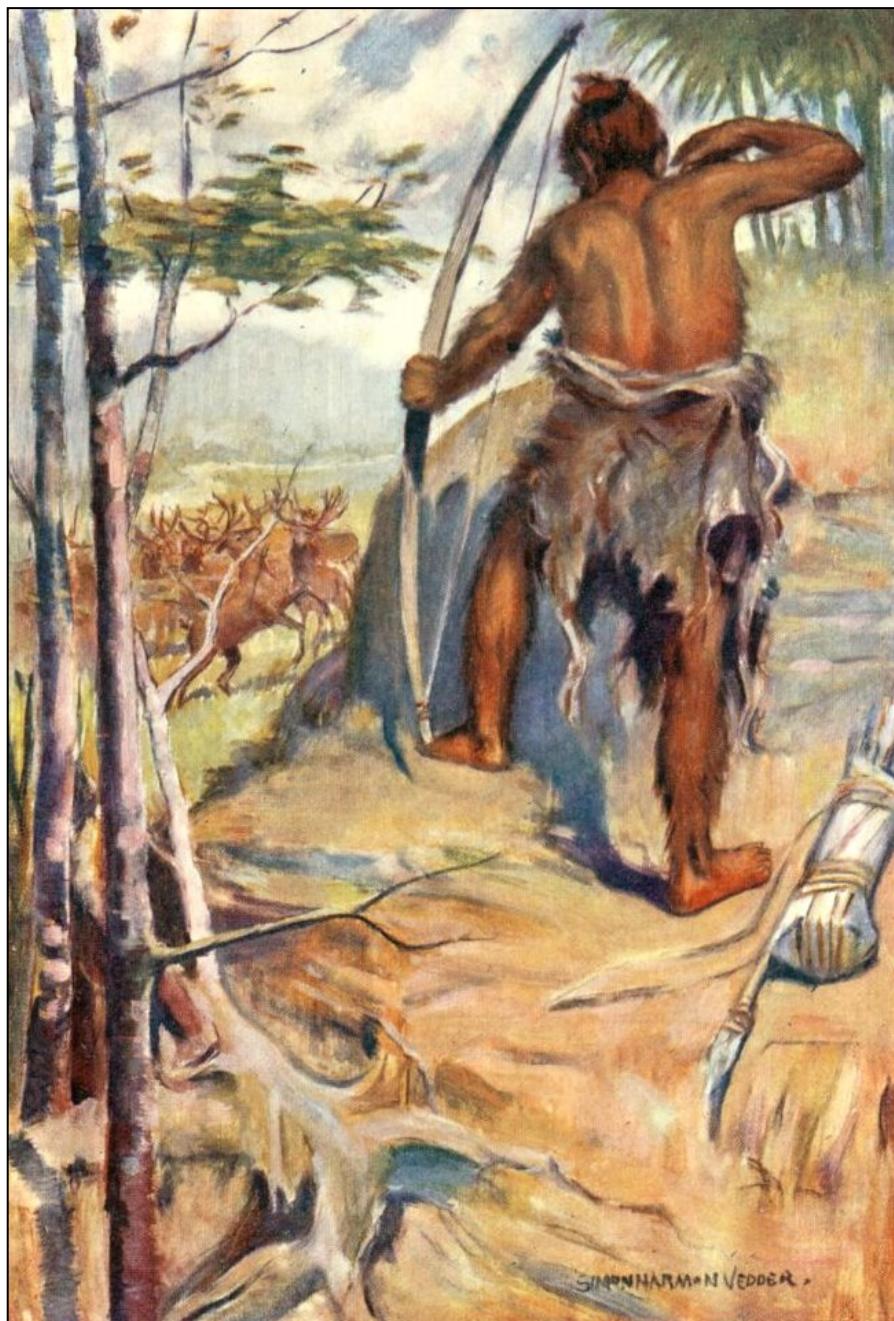
Обыкновенно старость не так впечатлительна и не так богата надеждами, как юность, но теперь, при втором испы-

тании лука, старый Мок был гораздо несдержаннее своего молодого товарища в выражении радости. Перед его взорами открывалось все значение нового оружия! Теперь копье должно было уступить первое место другому оружию, которое на большем расстоянии и метче и сильнее попадало в цель; даже для этих новичков в стрельбе не составляло труда попасть в ствол громадного дерева, до 6-ти футов шириной, на расстоянии двойного полета копья. Стрела, как живая, свистела на лету в погоне за добычей, а кремневый наконечник так глубоко врезался в дерево, что и Аб и старый Мок сразу увидели все преимущества этого оружия перед всеми другими, известными тогда пещерному человеку.

Много дней в пещере кипела самая оживленная работа, много времени было потрачено на новые опыты, и наконец в одно утро из пещеры показался Аб, вооруженный топором и ножом, но без копья. Вместо него, он нес самый лучший и тугой лук, какой только им удалось изготовить, и целый пук стрел, вложенных в колчан, висевший на спине и сделанный из осколка мамонтовой ноги. Охотники провертели дыры в этой кости, продели через них ремни, вложили деревянное дно, и колчан был готов. Лук и стрелы были грубо сработаны; стрелок еще не обладал меткостью, хотя и прилежно упражнялся, но все же лук был тугой, стрелы носили острые наконечники из кремня, а руки охотника обладали могучей силой.

После утомительных и бесполезных поисков дичи, уже к вечеру молодой человек вышел на крутой берег широкой, но мелкой реки, за которой виднелась маленькая травянистая долина, где паслось красивое стадо маленьких оленей. Стадо паслось и подвигалось к реке; ветер был от него по направлению к охотнику, и потому не выдал присутствия последнего. Аб, под защитой кустарника, влез на небольшое возвышение и стал выжидать. Стадо потихоньку двигалось к нему.

Приближаясь к реке, олени стали тесниться на местах с более сочной и богатой травой, а когда подошли к самому краю реки, то собрались в большое стадо, до полусотни го-

SIMON HARMAN VEDDER.

лов. Они были всего на расстоянии полета копья; но испытывалось не копье, а лук, — а на таком расстоянии самый неопытный стрелок мог бы попасть в одно из животных этого обширного стада. Аб вскочил на ноги и натянул лук во всю длину стрелы. На секунду олени затолпились перед тем, как броситься всем стадом прочь; послышался звук натянутой тетивы; запела пущенная стрела; раздался топот сотен быстрых ног, и маленькая долина была почти безмолвна. Но на ней бился в предсмертных судорогах олень, раненый с такой силой, что кремневый наконечник стрелы прошел через все тело животного.

Полупомешанный от торжества юноша понес добычу, убитую его стрелой, и не менее его был исполнен гордости старик, слушавший рассказ об этой охоте и быстрее юноши оценивший драгоценные качества открытого ими оружия; этому оружию было суждено играть самую важную роль и на охоте и на войне в течение последовавших тысячелетий, подвергаясь постепенным улучшениям, начатым еще этими двумя охотниками.

Но уста их обоих хранили на время молчание; и Аб и старый Мок втайне лелеяли свое страшное открытие.

Глава XIV

УРОК ПЛАВАНИЯ

Аб и Ок, далеко удаляясь от дома во время охоты, уже давно познакомились с племенем рыбаков и даже пользовались иногда его гостеприимством, хотя мало было привлекательного в их жилищах. Они ютились в маленьких пещерах, скорее глубоких норах, вырытых там и сям по берегу реки, выше уровня самых высоких вод, и защищенных по обыкновению нагроможденными крупными камнями, оставляя только узкий проход. Это обеспечивало тепло и сравнительную безопасность, но жилищам недоставало того простора, каким обладали пещеры в стране холмов, а пища

из рыбы, ракушек и слизняков, изредка разнообразившаяся мясом и плодами, представляла мало привлекательного для пещерных жителей. Аб и Ок иногда вступали в торговлю с рыбаками, обменивая лесную добычу на продукты реки, но их пребывание всегда было непродолжительно в этой местности, где и пища и наполнявший всю окрестность рыбный запах были им непривычны. Однако, селение рыбаков представляло для них некоторый интерес. Они заметили веселый нрав некоторых девушек из этого племени, а юноши были уже в том возрасте, когда им приятно смотреть в ясные глаза молодых созданий другого пола. Но ни один из них не был серьезно заинтересован и не искал там любовных приключений.

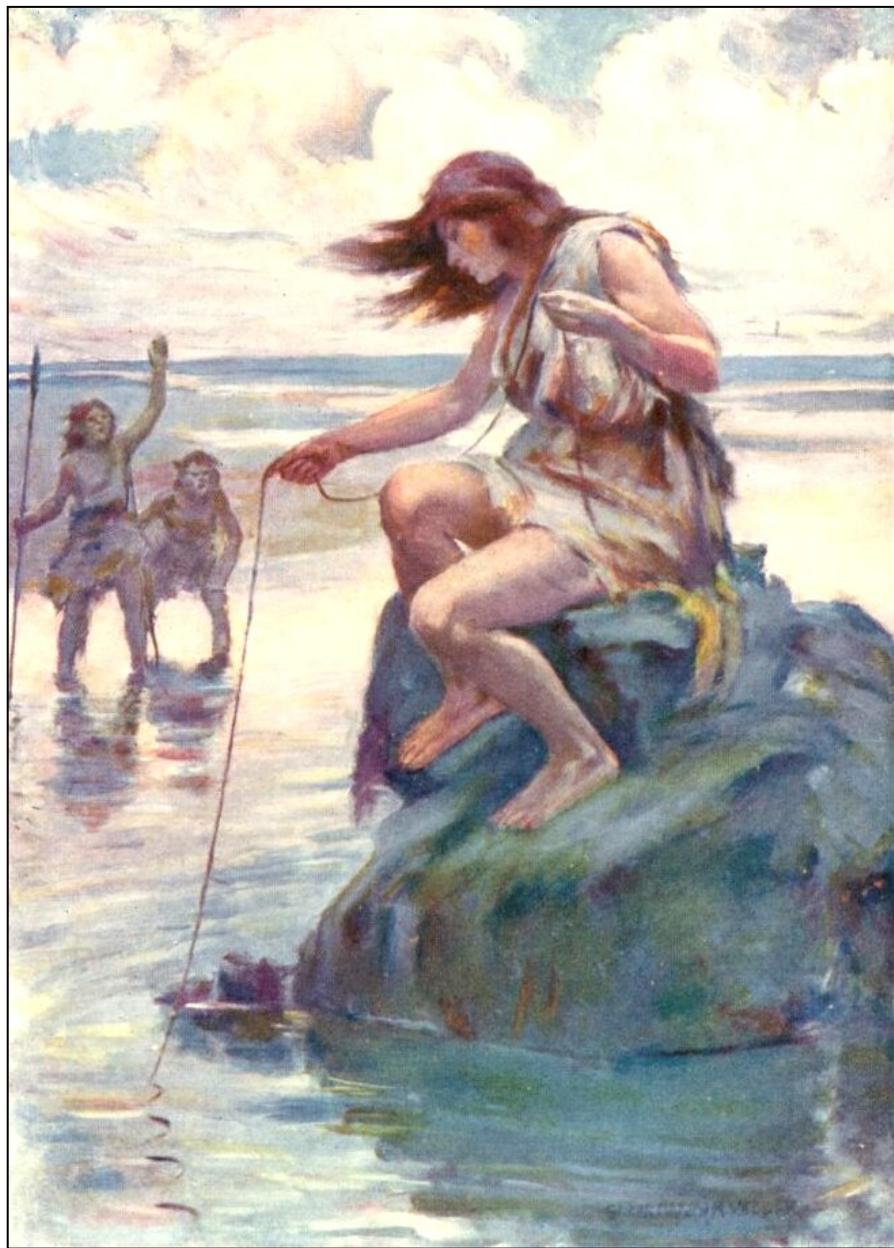
В одно осенне утро, встретясь на заре, Аб и Ок решили посетить племя рыбаков и отправиться с ними на рыбную ловлю. Племя рыбаков часто ловило рыбу с лодок, которые были прекрасно сооружены. Каждая из них состояла из четырех или пяти коротких обрубков из самого легкого дерева, плотно связанных крепким ивняком; все сооружение представляло нечто более совершенное по сравнению с простым плотом, потому что обрубки были обтесаны и выгнуты вверх. Было замечено, что лодка подобной формы легче рассекает поднимавшиеся иногда волны и не может утонуть; а человек того времени чувствовал себя в воде так же спокойно, как дома. Для самих молодых людей представляло интересную забаву отправиться на рыбную ловлю вместе с племенем рыбаков и помогать последним ловить рыбу копьем или вытаскивать ее из речной глубины на грубый крючок, да и рыбаки не только не выражали неудовольствия, но скорее гордились участием в ловле рыбы представителей аристократии из страны холмов.

Утро было из таких, что могло бы оживить человека и более пожилого, чем наши полные жизни и надежд молодые люди. Стояла уже поздняя осень, но вода в реке была еще не холодна. Желуди уже начали падать, а орехи между листьями лежали толстым слоем. Каждое утро и с большей регулярностью, чем теперь, блестел покров инея на всех низинах и прогалинах в лесу, не защищенных деревьями.

В ту эпоху природа, особенно весной и осенью, представляла глазам жителей такое великолепие, которое мы теперь с трудом можем вообразить; что же касается пещерных людей, то, вероятно, они, привычные к картинам окружавшей их природы, не ценили ее роскоши и лишь следили за сменой времен года. Без сомнения, в холодном воздухе осеннего утра, когда еще лежал иней, они чувствовали себя бодрее; их поступь делалась более упругой, и в каждом мужчине сильнее горела отвага. В те времена климат долины Темзы был умеренный, но в то же время обладал удивительной резкостью. Уже во времена пещерного человека Гольфстрим широким теплым потоком от экватора направлялся к северу и омывал полуостров, как теперь омывает Британские острова. Климат, как уже было сказано, отличался той же ровностью, что и в наше время, но с некоторой суровостью, наследием ледникового периода. В такое время стоило пожить, и веселье было ключом в наших юношах в это лучезарное утро.

Молодые люди шли не торопясь и, кроме того, потратили больше часа времени в бесплодных попытках приблизиться к стаду оленей, пасшемуся на расстоянии полета копья. Было уже поздно, когда, переплыv реку, они добрались до поселения племени рыбаков и здесь узнали, что партия ловцов была уже в пути. Они решили попытаться их догнать и легким шагом охотников быстро пустились по берегу вниз по течению реки. Но им не суждено было ловить рыбу в этот день.

Пройдя четыре или пять верст, они достигли быстрины, в конце которой, в расстоянии приблизительно двух верст, виднелись лодки рыбаков; однако, они скоро потерялись из виду, когда обогнули излучину реки. Но перед глазами наших юношей было нечто другое. На крутой скале с такими скатами, что только нога человека могла на ней отыскать опору, в удобной позе сидела молодая женщина из племени рыбаков, уже раньше привлекавшая внимание Аба и отчасти возбуждавшая его восхищение. Она была углублена в рыбную ловлю. В быстром течении у подножия скалы водилась стаями мелкая, но особенно ценимая рыба,

а молодая девушка славилась, как искусный рыболов, и была здесь оставлена партией рыбаков с тем, чтобы взять ее с собой на обратном пути. Услышав звуки шагов на берегу, она подняла глаза, но не выказала ни малейшего беспокойства при виде молодых людей. Она могла плавать, как выдра, нырять, как утка, и теперь, сидя на скале, была полна беззаботности.

Молодые люди закричали ей, но она не давала ответа. Продолжая удить, она выдергивала время от времени блестящую мелкую рыбку, спокойно ударяла ее о скалу и клала около себя в серебристую кучку, достигшую уже порядочных размеров. Смотря на молодую женщину, Аб почувствовал к ней быстро возраставший интерес и замолк, между тем как Ок бранился и дразнил ее немой: ему нравилась одна из девушек племени рыбаков, но не эта.

Аб не чувствовал еще любви, но был заинтересован девушкой; у него не было определенного желания взять ее с собой в свое новое жилище, но ему хотелось поближе ее узнати. И среди девушек из племени рыбаков, думалось ему, могут быть такие же хорошие жены, как и между быстрых ногими девушками страны холмов.

— Я поплыну к скале, — сказал он своему товарищу, на что тот отвечал громким смехом.

В те времена за всяким намерением немедленно следовало и действие, и едва он высказал свой план, как уже бросил в руки Ока свой меховой плащ и в одной повязке около бедер с плеском бросился в воду. Все это время девушка внимательно следила за каждым движением Аба. Когда маленькие волны заиграли вокруг мужчины, она легко соскользнула со скалы в реку с таким же спокойствием и свободой в движениях, как делает это бобр. И тогда началась погоня. Девушка нашла быстрое течение посреди реки и саженей на пятьдесят опередила выплывшего также на середину Аба.

Сильный юноша был отличным пловцом; ему почти ежедневно, начиная с самого раннего детства, приходилось бывать в воде, и он был уверен, что догонит кого угодно из племени рыбаков, хотя и слышал и знал об их удивительной

ловкости на воде. Но разве его руки и ноги не были длиннее и крепче, а грудь шире, чем у них? Он чувствовал себя в силах обогнать вплавь самого лучшего пловца среди них; что же касается этой девушки, он ее быстро догонит и заставит выйти на берег, что доставит ему большое удовольствие. Его сильные руки отбрасывали назад воду, а сильные ноги помогали им быстро нести тело вперед, в погоню за смуглым, видневшимся невдалеке существом. Вдоль берега со смехом и криками следил за ними Ок.

С каждым ударом могучих рук Аб приближался к предмету своего преследования. Загребая воду по-собачьи, девушка часто поворачивала голову назад посмотреть на мужчину. По-видимому, она не была испугана, чему Аб искренне удивлялся — в те времена преследуемая таким образом девушка имела основательные причины страшиться. Ее спокойствие, по-видимому, вызывалось сознанием, что за этой погони не последует настоящего похищения, потому что она часто встречалась со своим преследователем, но в то же время она чувствовала необходимость уклоняться от близкой встречи на этот раз. Она продолжала безостановочно плыть, а следом за ней, постепенно ее нагоняя, так же безостановочно плыл Аб.

По течению быстрой реки, на восток, среди холмов и откосов, лугов и лесов велось настойчивое преследование; а Ок в это время, задохнувшись и утомившийся, несмотря на свои длинные ноги и выносливость, остановился и лишь издалека следил за двумя, теперь уже близкими, качавшимися на волнах головами. Аб давно уже забыл о своем товарище; он забыл и о том, как попал в воду. Теперь его единственной мыслью было догнать и овладеть плывшей перед ним девушкой!

Те полсотни саженей, которые их разделяли вначале, теперь уменьшились до каких-нибудь пяти саженей, и он мог ясно видеть расходившиеся от ее движений волны и случайные всплески от приподнятой вверх ноги. Теперь он был уверен в своей победе, и, внутренне посмеиваясь, бешено ударял руками по воде и приблизился настолько, что мог разглядеть очертания ее тела в воде. «Все зависит от настой-

чивости», — говорил он себе. Как могла надеяться девушка уплыть от такого молодца, как он?

Как раз в то время, когда Абу пришла эта мысль, девушка подняла свою голову, повернула ее к нему и засмеялась почти в самое лицо своего преследователя, так они были близко теперь друг от друга. Теперь-то она показала свое искусство, которому он мог бы у нее поучиться! Подобно выдре, почувствавшей глубину, она нырнула и скрылась из виду! Но это был только образчик искусства, чтобы выказать игривую неустранимость: вскоре же смуглая головка показалась в нескольких саженях впереди, вновь замедлила движения и весело засмеялась. Теперь красивое тело повернулось набок и с помощью частых отталкивающих ударов рук и ног, как это делают пловцы и в наше время, девушка ринулась вперед, разрезая маленькие волны и уходя с такой же быстротой от нагонявшего пловца, как в наше время катер оставляет позади себя плот. С берега реки доносился восклицания, заключавшие в себе и удивление, и восторг, и дружеское подтрунивание. Для Ока это был поучительный день: он был единственным свидетелем состязания в плавании и наглядно убедился, что были вещи, в которых не только он, но даже и его друг еще не достиг совершенства.

Неутомимый, смелый и упорный Аб был не из таких, чтобы оставить погоню вследствие нового положения дела. Он полной грудью вдохнул в себя воздух, и вода покрылась пеной под его быстрыми ударами, но с таким же успехом гнался бы дикий гусь за ласточкой, с каким он пытался нагнать темную полоску на воде. Удивительна была та свобода, которую девушка из племени рыбаков чувствовала, будучи в воде. Она в этом походила на птиц, плавающих, ныряющих и уходящих на дно, не признавая никакой опасности на воде, вдали от берега, где необходимо соблюдать осторожность. Вода была родной стихией девушки; в реке она чувствовала себя так же свободно, как на земле, и потому с самого начала преследование было совершеннейшей бесмыслицей.

Аб остановился в воде, посмотрел на темное пятно вда-

леке и, уязвленный до сумасшествия, пустился вплавь со всей оставшейся еще в его смуглом теле силой. Некоторое время казалось, что он снова стал догонять видневшийся почти точкой вдали предмет на поверхности воды. Но эта тщетная надежда продолжалась недолго. Маленькое пятнышко, мелькавшее в изгибах реки, по-видимому, имело свои планы. Течение не уменьшало своей быстроты, и вот внезапно оно унесло девушку за поворот прочь из виду. Аб понесся туда и увидел ее, уже вылезавшую из воды среди плотов племени рыбаков. Что она им расскажет, того он не знал и не интересовался знать.

Теперь оставалось одно: добраться до берега, где он мог себя чувствовать спокойнее и удобнее. Ничто так не охлаждает фантазии молодых людей, как вода. Теперь Аб медленными и несколько усталыми движениями приблизился к берегу, где его ожидал в веселом настроении Ок. Они в этот день дошли почти до драки, которая легко могла у подобных людей окончиться внезапным убийством. Но они не были соперниками в этом случае, — и, после нескольких вспышек гнева со стороны Аба, между ними завязалась добродушная беседа о событиях дня, и они снова были добрыми друзьями. Вообще, этот день для них оказался хлопотливым, а для Ока даже забавным. Аб не поймал девушку из племени рыбаков, несмотря на свои геройские усилия. Если б он поймал ее и заставил выйти на берег, тогда, быть может, изменилось бы все течение его жизни. У такого молодого, решительного и полного жизни человека веселая минутная прихоть могла превратиться в более сильное чувство, и плававшая девушка могла сделаться женой одного из пещерных жителей; но унаследованные ею качества только помешали бы ей сравняться с девушками пещерных жителей в задаче воспитать хорошо лазающих, бегающих, сражающихся и стремившихся к развитию человеческих существ. Нам мало дела до того, что могло бы случиться, если бы результат дневных усилий был обратный. Здесь идет речь только о состязании, в котором Абу пришлось плыть так далеко, с такой яростью и таким успехом. Это было его первое ухаживание. Но полюбить серьезно,

как любили пещерные жители, ему еще предстояло впереди.

Глава XV

ОХОТА НА МАМОНТА

Однажды днем, позднею осенью, когда на земле лежал легкий снежный покров, один из пещерных людей, задыхаясь от быстрого бега, мчался по берегу реки, вниз по ее течению, и остановился у пещеры Одного Уха. Он принес с собой новость, великую новость! Он торопливо передал свое известие, после чего его пригласили в пещеру и дали поесть, а в это время Аб, схватив свое оружие, побежал дальше, вниз по реке, к поселениям племени рыбаков. Подобно Шотландскому вестнику почти в той же местности, но много столетий позже, несшему пламенеющий крест, радостно спешил Аб передать свою весть. Предстояло собрать не только племя пещерных жителей, но также и племя рыбаков, чтобы общими усилиями охотиться на крупную дичь. В области холмов появились мамонты!

Охотник, прибежавший к пещере Одного Уха, жил в нескольких верстах к северу, на краю большого, покрытого лесом плоскогорья, оканчивавшегося к западу скатом, переходившим в пропасть до ста футов глубиной. Представлялся редкий случай, — стадо мамонтов, наводнившее лес, направлялось к обрыву, — и вот по всей округе были разосланы гонцы сообщить об этом историческом в жизни тех людей событии. Лишь бы собрать достаточную силу, и богатая добыча была обеспечена, но необходимо было действовать быстро, а сама охота могла повлечь за собой трагические случаи. Как пчелы жужжат и собираются, когда тревожат их улей, так зашевелилось племя рыбаков, когда среди него появился Аб с своей вестью. Поднялся шум, бросились за оружием и скоро были готовы все, собирающиеся принять участие в охоте. Через полчаса, потребовавшиеся на все при-

готовления, Аб уже мчался обратно к своей пещере, а за ним следовали до полсотни охотников, вооруженных довольно внушительно, по их мнению, но совершенно несерьезно, по мнению жителей холмов. И древки и наконечники копий у племени рыбаков были иные, чем у пещерных жителей, да и употреблялись иначе. Привыкшие копьями ловить рыбу и охотиться с ними за водяными животными, как, например, за маленькими гиппопотамами, еще населявшими тогда реки полуострова, они с большим искусством бросали свои копья, не уступая в этом жителям холмов, но никогда не схватывались грудь с грудью с врагом, как то делали жители холмов, пуская в ход каменные топоры и палицы, а просто отбегали прочь, издалека бросали копья и снова отбегали, как того требовали обстоятельства. Но они и действительно были мужественны, — необходимость заставляла иметь долю этого свойства всем, жившим в ту эпоху, а благодаря своей численности были полезны в этой редкой охоте на мамонта.

Когда маленький отряд достиг пещеры Аба, здесь уже собирались до двух десятков пещерных жителей, а придя, согласно условию, к пещере Хильтопа*, жившего на краю плоскогорья и первого разнесшего весть о мамонтах, там нашли уже большую толпу, более сотни человек, готовившихся напасть на громадных животных и, если удастся, загнать их к обрыву в пропасть. Среди этой сотни людей самыми радостными были Аб и Ок, немедленно разыскавшие один другого и походившие на рвавшихся со своры, в жажде травли и добычи, собак.

Охота на стадо мамонтов было небезопасное предприятие даже для отряда в сотню хорошо вооруженных людей пещерного века. Будучи громадных размеров и, вероятно, не обладая такой сообразительностью, как современный слон, мамонт в раздражении делался демонски зол, проявляя силу, которой ничто не могло противостоять. Единственным оружием на охоте против него служила — хитрость. Необходимо было установить постоянное наблюдение за плос-

* От англ. hilltop — вершина холма.

которьем треугольной формы и, собрав возможно больше народа, захватить мамонтов в удобный момент. Но даже в том случае, когда стадо паслось на скате, ведущем к пропасти, пещерный человек с одним оружием и криком, без других средств, был бы беспомощен. На охотника, вооруженного одним копьем, мамонт обращал внимания не больше, чем на пасшихся иногда вблизи него маленьких лошадей. Присутствие пигмей его не беспокоило, но если бы это крошечное существо осмелилось напасть, то его ждала короткая и жестокая расправа; схваченный громадным хоботом, он был бы немедленно раздроблен и истерзан ударом о скалу или дерево или же свирепо затоптан ногами. Но, несмотря на свою громадность, мамонт не выносил вида огня, в ужасе бежал от него, и этим умели пользоваться пещерные люди. Не осмеливаясь атаковать лицом к лицу, они могли загнать мамонта, и перевес был на их стороне.

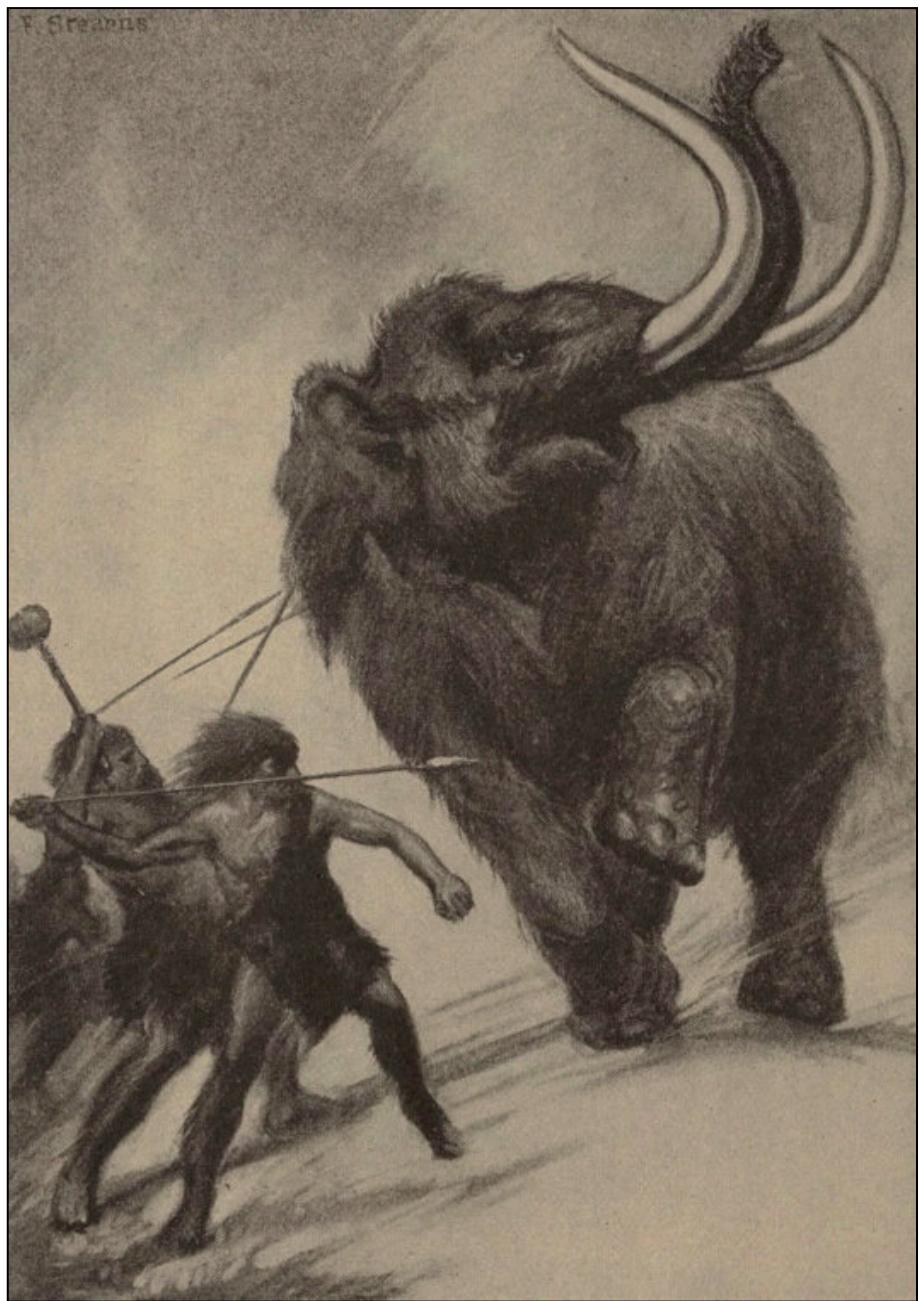
Под руководством старого охотника Хильтопа, открывшего местопребывание мамонтов, были сделаны приготовления для опасного предприятия; первым делом наломали сухих корней от павших и вывороченных ветром смолистых сосен и набрали сучьев этого дерева, с маленькими ветками для факелов. Эти корни и сучья, раз зажженные, могли гореть в течение целых часов и представляли прекрасные природные факелы. Полосы коры некоторых других древесных пород, связанные вместе пучком и зажженные с одного конца, горели так же долго и светло, как корни и сучья. Каждый человек, кроме своего оружия, нес еще один незажженный факел того или другого сорта, и, когда все приготовления были окончены, толпа, вытянувшись в длинную линию, молчаливо потянулась через лес. Стадо мамонтов состояло из 19 штук, предводимых самцом чудовищных размеров и, как сообщили наблюдавшие всю ночь и утро охотники, стадо теперь паслось в лесу, вблизи опушки и недалеко от ската, ведшего к пропасти. Скат был покрыт слоем льда, и все обещало прекрасный охотничий день. Чтобы оценить мамонтов, необходимо было иметь линию в пятьсот шагов, и для этого было совершенно достаточно участвовавшей сотни людей. Огонь сохранялся в тлевшем-

ся, но не дававшем запаха труте, и наступление началось.

То была необыкновенно оживленная сцена, когда собрались все охотники, и приготовления были в полном разгаре. Сборный пункт был так далек от места предстоявшей охоты, что не представлялось нужды в особенной осторожности, и все было оживлено разговорами, смехом и шумной радостью от предвкушаемой победы. Легкий снег, только прикрывавший землю, блестел на солнце, и охотники, нечувствительные к легкому холоду, были почти по-детски веселы; но особенно возбужденными чувствовали себя Аб и Ок, которые впервые охотились на этом скалистом полуострове и с нетерпением ожидали предстоящей охоты. Кругом слышался оживленный говор и смех, делавшийся всеобщим, когда кто-нибудь из охотников обрывался с дерева или проваливался в яму у вывороченных корней. Все было весело и шумно в это холодное осеннее утро, когда отряд дикарей готовился охотиться на мамонта.

Но картины сразу изменились, как только охотники вошли в лес и, вытянувшись в линию, стали приближаться к месту предстоящей охоты. Пещерный человек на охоте умел ходить с легкостью и беззвучностью диких животных, на которых он походил во многих отношениях. Лишь изредка слышался легкий треск сломанной ветки или едва заметное шуршание листьев под стопой и, когда вся линия вошла в лес, там воцарилась мертвая тишина; охотники двигались совершенно беззвучно, а шум лесной жизни, стук дятлов и соек прекратились с их приближением. Итак, через лес, достаточно оцепленный, темная линия тихо плыла вперед, пока не послышался внезапно сигнал; дальше движение совершилось еще осторожнее, и линия стала укорачиваться, так как полуостров суживался, и животные показались на виду у всех.

Почти на самом краю ската и отделенная от настоящего леса небольшой прогалиной, была вечнозеленая рощица, где и паслось стадо чудовищных животных. Большой самец с длинными, загнутыми вверх бивнями возвышался над всем стадом и дальше всех углубился в рощу. Охотники без шума и без движения лежали, притаившись, на зем-

ле, пока старики обсуждали план атаки, после чего от одного к другому было передано приказание зажигать факелы.

Вдоль всей опушки леса засверкал ряд огоньков. Они постепенно росли, пока линия огня не пробежала через лес, а ближайшие мамонты подняли вверх свои хоботы, выказывая знаки беспокойства.

Вдруг послышался сигнал, дикий крик, и вот, сопровождаемая воплем, на поляне показалась целая линия огней, — каждый охотник, крича во все горло, махал факелом и бежал к стаду.

Бывали случаи, что все стадо охватывалось паникой, но это случалось очень редко. Мамонт, хотя и подверженный панике, однако, не был лишен сообразительности, а, будучи в стаде, вполне сознавал свою силу. Когда поднялись крики, то обеспокоившиеся животные сперва бросились в глубину рощи, но, увидев перед собой скат, повернули обратно и слепо бросились вперед все, за исключением большого самца, пасшегося на другой стороне рощи. Они мчались вперед, но, видя перед собой наступавшую линию огня, уклонились в сторону и бесцельно заметались направо и налево. Тогда огромный самец, охваченный ужасом и почувствовав боль от удара копьем, нанесенного одним из охотников, бросился вперед, через линию огня, и все стадо последовало за ним. Три человека были ими раздавлены во время бегства, и все стадо спаслось, за исключением большого самца, который в страхе стремился догнать своих товарищей, но не успел; теперь он бешено носился взад и вперед по роще, потерявшись и злобно трубивший хоботом. Немедленно охотники стянулись и образовали непрерывную линию огня.

Животное быстро выбежало из рощи и стояло, вырисовываясь всей громадой: великолепное создание, вне соперничества по размерам и величественности. На целой горе темной грубой шерсти резко белели громадные бивни. Его маленькие глазки злобно блестели; он поднял свой хобот и трубил в него не то призыв на помочь, не то вопль отчаяния. В один момент он, казалось, готовился броситься на плотную массу его мучителей, но, испуганный факелами,

которыми его встретили охотники, позабывшие в возбуждении всякую осторожность, и почти взвихнув от раны, нанесенной ему в хобот брошенным копьем, мамонт повернулся и снова бросился в рощу. Почти по пятам за ним следовала сотня человек, крича, как демоны, и в пылу преследования забыв об опасности. Громадное животное ломилось прямо через рощу и, выбежав на другую сторону ее, к открытому скату, наполовину обернулось к своим преследователям. Рядом с ним бежал молодой отважный охотник, напрасно стараясь нанести ему рану в живот своим копьем и, когда животное несколько замедлило свой бег, его острые глазки заметили пигмея; громадный хобот вытянулся вниз и вперед, схватил смельчака, и тот, брошенный в дерево, отстоявшее в нескольких шагах, упал на землю безжизненной массой, потерявшей всякое сходство с человеком. Но огонь сзади животного, казалось, превратился в сплошное пламя; бесчисленные копья, брошенные могучими руками, пробили его толстую кожу, и мамонт бросился по скату к пропасти; он был вплотную окружен огнем и полупомешанными людьми.

Он несся вперед, скользил по гладкой, замерзшей поверхности земли, пробовал повернуться к своим столпившимся врагам и встретить лицом к лицу огненное кольцо, но снова отшатывался, спотыкался, двигался с быстротой, удивительной для его размеров, и не знал, куда броситься; загнанный к самому обрыву, бесплодно карабкаясь и увлекая за собой массы льда, снега и кустарника, он с пятидесятисанной высоты с грохотом рухнул в пропасть.

Глава XVI

ПИР ПОСЛЕ ОХОТЫ

По левую и правую стороны крутого обрыва в пропасть, где погиб мамонт, спуск в долину был гораздо отложе и удобнее, и вот охотники с громкими криками бросились

туда; одни, более смелые, пользовались коротким путем, где обрыв был круче, и спускались вниз, цепляясь за кустарники и выющиеся растения; другие в это время побежали к более пологим и удобным местам и там спустились вниз. В короткий до невероятности промежуток времени, в роще и кругом нее, где только что разыгрывалась полная свирепости и оживления сцена, воцарилась полная тишина. Дикие крики теперь наполняли долину внизу.

Это событие имело громадное значение в жизни пещерных людей, — только и слышались разговоры о ценности добычи. Даже старики не помнили о более удачной охоте; добыча была достойна потраченных на нее трудов и, по мнению тех людей, вполне искупала смерть погибших товарищей. Громадное животное мертвое лежало у подножия обрыва; один желтовато-белый изогнутый бивень сломался и белел на траве, в нескольких шагах от огромного, возвышавшегося горой трупа мамонта, еще недавно полного жизни. Зрелище заслуживало любопытства, потому что в отношении своей величины мамонт хотя и уступал некоторым животным более древней эпохи из отряда пресмыкающихся, но среди сухопутных животных оставлял своими размерами наиболее грандиозное впечатление даже теперь — мертвый и лежавший на земле.

Но у наших охотников наполнявшая их радость затмевала все другие чувства. В их распоряжении было теперь такое обилие мяса, что они могли устроить большой пир для всех окрестных жителей и сверх того были еще обеспечены на много дней пищей. Наших охотников охватило шумное возбуждение. Несколько человек набросились на сломанный бивень, представлявший большую ценность при сооружении пещер, и уже готова была завязаться борьба, но суровый окрик удержал ссору, и эта часть добычи была отложена в сторону, чтобы поделить ее позже. Теперь же занялись обсуждением программы празднества.

Снова быстрые вестники пустились вдоль лесных тропинок, переплывали реки, пробирались через лесные чащи и густой кустарник, — на этот раз с приглашением на праздник охотников и их семейств, — всех, кто мог явиться на ме-

сто охоты на следующее утро, когда предполагался пир. Отправив гонцов, приступили к громадному животному, и острые кремневые ножи, управляемые опытными и сильными руками, скоро отняли от тела толстую кожу, которая была разделена между руководителями охоты. Хильтоп, старый охотник, ввиду его особенных заслуг имел главную роль в этом деле. Из туши были вырезаны длинные куски, изжарены на разложенных кострах, и охотники, наевшись до отвала и оставив нескольких часовых, погрузились в глубокий сон. В наши дни такое поглощение пищи накануне праздника вряд ли сочли бы благоразумным, но пещерные люди не страдали болезнями желудка и печени, и потому без всяких дурных последствий могли наедаться несколько дней подряд.

Настало утро, холодное и ясное, и со всех сторон появились быстро двигавшиеся люди, мужчины и женщины, надменные, голодные и полные ожидания. Здесь собиралось все общество той местности, в том числе и лучшие фамилии, для выполнения величайшей общественной функции того времени. Кое-кто уже начал проявлять свое усердие, было зажжено десятка два костров, и всюду сталноситься благоухающий запах жареного мяса. Охотники встречали свои приходившие семьи, и началось празднество, число участников которого увеличивалось с каждым часом новыми группами. Семьи Аба и Ока прибыли одними из первых; Барк и Буковый Листочек были впереди и торжественно встретили Аба. Кругом слышался клохтающий, гортанный говор и смех, отдельные крики и треск разбитых костей мамонта, из которых добывался мозг.

Царило самое непринужденное веселье, хотя все общество инстинктивно разбилось на две группы. Племена пещерных жителей и рыбаков, бывшие теперь в мире, однако, как уже было указано, во многих отношениях не походили одно на другое и во вкусах, и в обычаях, а также и в наружности. Пещерные жители, привыкшие, подобно оленям, бегать по лесным тропам, влезать на деревья, избегая опасности, и перелетать с одной вершины на другую, были худощавые и мускулистые по сравнению с рыбаками, а их

лица носили более смелое и доверчивое выражение. Люди из племени рыбаков были, сравнительно, ниже ростом, но сложены так же могуче, хотя и были менее подвижны. Они ежедневно в течение многих часов проводили время на своих грубых судах в виде паромов, или тихо двигались по берегам реки с поднятым наготове копьем, или, согнувшись, откапывали громадных великолепных моллюсков, служивших им пищей. Их стихией была вода, а пещерных жителей — лес. Естественно, что, добрые друзья и союзники на охоте, они на празднике разделились на две группы согласно своим вкусам. Когда голод был утолен, всюду завязались разговоры о наиболее интересных моментах окончившейся борьбы, и вспоминали о прошлых охотах. Число пирующих все увеличивалось, и к середине дня составилось очень многочисленное собрание, и много нужно было мяса, чтобы его накормить, но туша была так велика, что ее свободно хватило бы и на большее число людей, обладавших таким необыкновенно здоровым желудком. Дым столбами поднимался кверху, а вокруг костров собирались эти грубые создания, если и были счастливы.

Но наступило время, то было уже за полдень, когда пировавшие почувствовали некоторое довольство; то один, то другой начали оглядываться вокруг, и стала проявляться потребность общительности. Ветераны сходились вместе и вспоминали о прошедших днях, когда такой же мамонт был свергнут с того же самого обрыва; молодежь собиралась вокруг костров; слышались рассказы о подвигах силы и отваги, и иногда поднималась дружеская борьба. Стройные, мускулистые девушки, державшие себя так же, как и девушки нашего времени, находились в отдельной группе, если и осматривались кругом кокетливо и безбоязненно, потому что явились сюда со своими естественными защитниками. Редко в истории пещерного человека бывали случаи таких больших и торжественных собраний, где за доброй едой последовало доброе товарищество. Целые столетия могли пройти, прежде чем случилось бы событие подобного же важного общественного значения. Опасные, коварные создания — люди — были веселы и доверчивы, а молодежь пере-

глядывалась между собой.

Конечно, Аб и Ок были в одной компании. Они сильно рисковали в битве, но отделались без повреждений и теперь, важные молодые люди, занялись удовлетворением своего аппетита, отвечавшего их физическим трудам, которым они отдавались всей душой. Количество поглощенной ими до сих пор пищи могло бы удовлетворить желания обжоры самого грубого времени Римской империи, а они все еще продолжали есть, хотя уже с гораздо меньшим увлечением. Каждый из них держал в руке кусок мяса из самой изысканной части мамонта и с большим удовольствием набивал им полный рот. Внезапно Аб перестал жевать и замолчал, внимательно смотря на красивую картину в нескольких шагах расстояния.

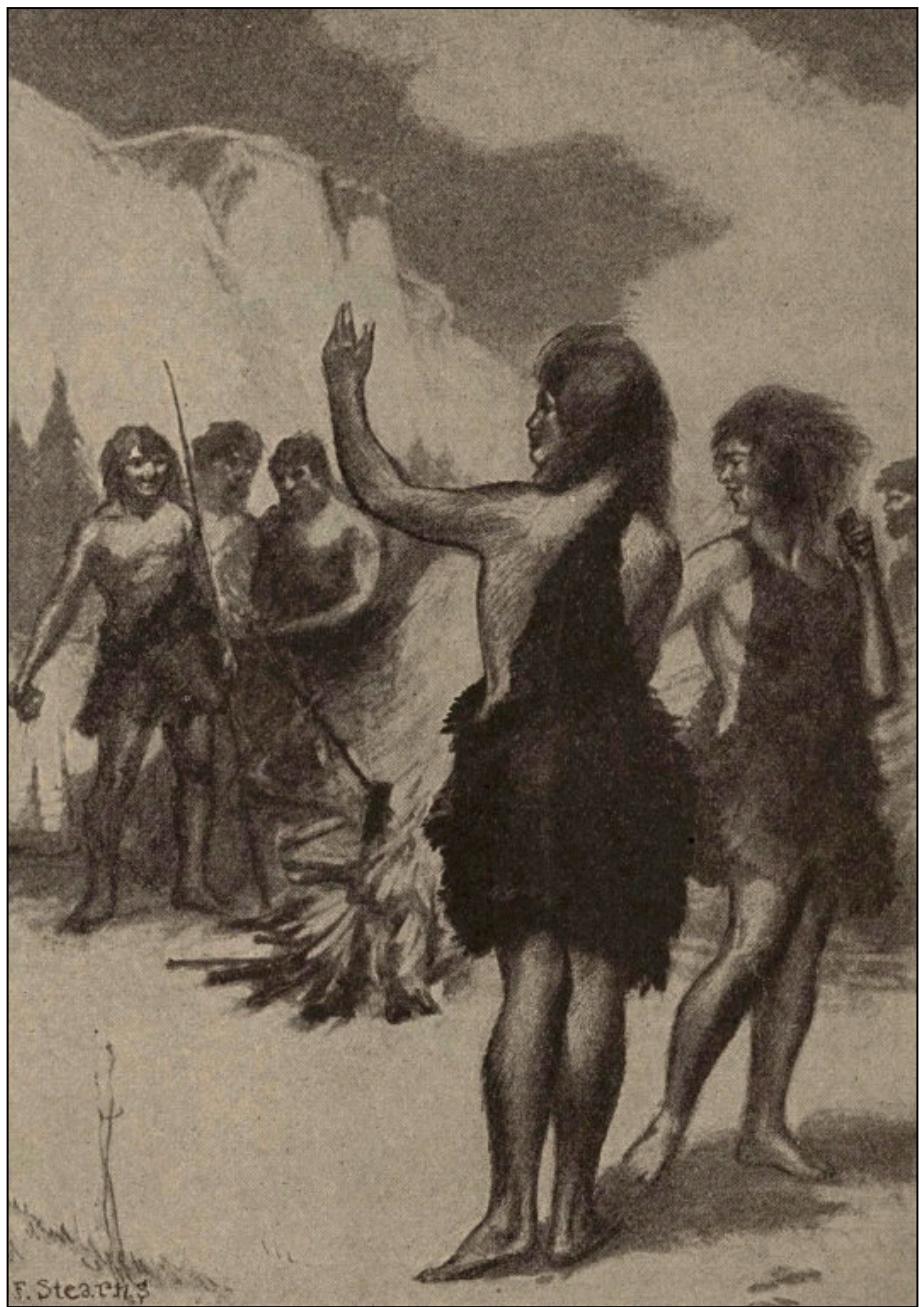
Вблизи костра, около которого собралась группа человека в десять, стояли две девушки. Обе они были заняты едой и хотя, не набрасывались с жадностью, но ели с очевидным удовольствием, так как были из числа запоздавших. На них-то упал блуждавший взгляд и остановился, и в этом не было ничего удивительного. Каждая из этих девушек была способна привлечь внимание, хотя они были совершенно не похожи друг на друга. Одна из них производила впечатление нежного создания, другая же как раз обратное, но обе были привлекательны.

Они стояли в позе, которую зачастую принимают и современные девушки: рука одной из них беспечно обвивала талию другой. Обнимавшая — ниже ростом, могучего сложения, — вся сияя от радости, бойко смеялась, а ее нежная подруга слушала с беззаботным выражением на лице. Болтовня первой девушки прерывалась только бормотанием, когда в ее рот попадал особенно сочный кусок мяса. Очевидно, их аппетит был еще не удовлетворен, и они с удовольствием предавались насыщению. По-видимому, стройная девушка мало интересовалась разговором, зато ее подруга болтала без умолку. Эта была самым счастливым существом; сложенная прекрасно, конечно, с точки зрения любителей силы, она имела широкие бедра, сильные руки и мощную, коренастую фигуру. В ней было много качеств,

очень ценных в жизни обыкновенного пещерного человека, занятого только добыванием пищи, но и ей не хватало чего-то, что позволило бы причислить ее к лучшему обществу. Она носила обычный меховой костюм, но была так обильно покрыта волосами, что в теплую погоду смело могла обойтись и без него; только подчиняясь требованиям моды или удобства, она носила меховую одежду в добавление к своим собственным волосам, представлявшим природную и очень изящную защиту от холода. Она была Исавом своего времени, эта рослая, сильная, честная и с добрым сердцем пещерная девушка, принадлежавшая к тому подчиненному и послушному классу людей, который получил началио за целые тысячелетия до нашей истории, — признававшая в стоявшей с ней рядом девушке более сильный и повелительный дух и отдававшаяся ей, как верный друг и послушный помощник. Такие отношения бывают и в настоящее время, даже между существами, не имеющими, как говорят, души, особенно же между собаками. Но наша девушка, кроме силы, обладала также и быстрой, свойственной животным, сообразительностью; она была дочерью пещерного человека, жившего недалеко от старого Хильтопа, и называлась Лунным Ликом; ее физиономия была так широка и беззаботна, что это название явилось самой собой еще в ее веселом раннем детстве.

Сильно отличалась от Лунного Лика ее стройная подруга, которая, покончив с мясом, теперь была занята доставлением мозга из брошенной ей отцом кости. Ее отец был Хильтоп, старейший обитатель той местности и герой истекавшего дня, и называлась она Быстрой Ножкой, потому что никто в окрестности не мог бегать по земле с такой быстротой, как она. На Быструю Ножку и был устремлен взор Аба.

Молодая женщина представляла собой прелестную картинку, способную обворожить наилучше утомленного жизнью и рассеянного человека нашего времени. Она стояла в спокойной и грациозной позе, а ее руки, шея и ноги ниже колен ясно выступали из-под меховой одежды. Темные волосы, связанные полоской из крепкого лубка какого-то дерева

F. Stearns

ва, висели, спускаясь посредине спины. Она не походила ни на одну из окружавших девушек: ее глаза были и больше и нежнее, в них было больше мысли и выражения. Руки и ноги были так же длинны, как у ее подруг, а сильные и быстрые пальцы на них, при всей упругости и гибкости, были тоньше и округленнее. Волосы на ногах ниже колен и на руках были светлые и мягкие, как шелк.

В лице этой девушки, наружность которой свидетельствовала о ее принадлежности к высшему обществу и вполне отвечала занимаемому в нем положению отца, — видны были и надменность и веселая беззаботность. Без сомнения, — то было самое милое и достойное любви создание, и Аб, потрясенный до глубины души, почувствовал это с первого взгляда. По своей стройности и гибкости она походила на лесную леопардовую кошку, самое грациозное животное леса, а глядя на ее полное ума лицо, ему казалось, что он видит перед собой какое-то высшее существо. Несмотря на свою отвагу, он почувствовал некоторое почтение; до этого момента в своей жизни он безбоязненно и без особых размышлений добивался, — если только это было возможно, — всего, в чем чувствовал нужду. Теперь же им овладело смущение.

В это время Быстрая Ножка подняла глаза, и их взгляды встретились. Один момент молодые люди внимательно смотрели друг на друга, и затем девушка отвела свой взор. Тем временем, Аб успел овладеть собой и справиться. Он снова принялся за еду, задумавшись, с далеко бродившими мыслями и держа в руках кусок самого отборного мяса. Теперь он его разорвал на две части и внимательно следил за девушкой. Когда она снова подняла глаза, он бросил ей одну половину дымившегося мяса. Девушка видела движение и, когда мясо долетело до нее, ловко схватила его одной рукой, взглянула на Аба и засмеялась. Тогда еще не существовало чувства ложной скромности, и она с удовольствием принялась за отборный кусочек. Таким образом между ними, по-своему, завязалось формальное знакомство.

Молодой человек не воспользовался сейчас же своим видимым успехом, достижение которого потребовало от не-

го больше усилий и отваги, чем при схватках со многими дикими зверями. Он ни слова не сказал молодой женщины, но горячая кровь кипела в его жилах, и он думал про себя, что найдет ее снова, найдет в лесу! Девушка в это время была окружена своими родственниками и уже более не смотрела в его сторону. Аб очнулся от хриплого крика; на него с бешенством глядел Ок. Он не испустил больше ни звука, но упорно смотрел на то место, где только что была девушка, теперь скрывшаяся среди собравшейся около нее группы. Инстинктивно, по тому чувству, которое всегда и во все времена предупреждает человека, Аб понял, что имел соперника: Ок также заметил и полюбил эту стройную обительницу страны холмов.

Приступили к дележу добычи мяса, шкуры и бивней. Аб употреблял все усилия получить кусок бивня для старого Мока и в конце концов достиг своего, так как старики нашли эту награду вполне заслуженной отважным поведением молодых охотников, а Ок соглашался со всем, что делал Аб, хотя взгляд его был полон угрозы. Солнце уже склонялось к западу, и пировавшие разделились на партии, чтобы отправиться домой по опасным лесным тропинкам. Наши молодые люди отправились вместе.

Аб ликовал, хотя его смущало мрачное настроение Ока. У обоих на сердце было тяжело.

Глава XVII

ДРУЗЬЯ

Отправляясь в разных направлениях по домам, пировавшие инстинктивно держались группами. В те времена всякие общественные собрания оканчивались перед темнотой, а участники их, приходя на собрание и покидая его, держались вместе для взаимной защиты от пещерного медведя и других хищных зверей. Но на этот раз особенные предосторожности были излишни. Под охраной двух десятков

отважных, хорошо вооруженных охотников, женщины могли путешествовать и в темноте, уверенные в безопасности от нападения хищников; конечно, за исключением тигра, если бы тот случился поблизости; но он обыкновенно встречался реже других животных. Он появлялся, как молния, а следом за ним шли смерть и печаль. Путь по лесным тропинкам, когда спустилась темнота, совершался с большой осторожностью. Мужчины зорко осматривались по сторонам, а женщины крепко держали детей в руках. Время от времени от общей компании отделялись отдельные семьи и углублялись в лес по тропинкам, ведшим к их пещерам; таким образом и Хильтоп со своей семьей оставил общество, в котором были и Аб и Ок, и долго еще блестели их удалявшиеся огоньки. Обе девушки, Быстрая Ножка и Лунный Лик, шли рядом и болтали, как сороки; нанизав красные ягоды на стебли травы, они украсили ими волосы и шею и были очень красивы. Быстрая Ножка, по своему обыкновению, капризно смеялась, когда ей что-либо нравилось, и ее веселое настроение всегда находило отклик в ее сильной подруге. Однако, были моменты, когда даже беспечная Быстрая Ножка становилась задумчивой и такой тихой, что возбуждала удивление своей спутницы. Стойкая девушка была слегка увлечена той не имеющей названия силой, которая всегда так могуче влияет на жизнь человека. Задумчивый образ Аба не оставлял ее души. Конечно, она не понимала своего настроения, да и не пыталась его определить. Чувство страха не покидало ее, но она снова и снова твердила себе, что ничего не боится. Все время она могла видеть лицо Аба, выражавшее и страсть и желание; но, встречая ее взор, его взгляд менялся, и в нем появлялось такое выражение, которое действовало на нее успокоительно, хотя она не могла его ни понять, ни объяснить. Что-то ей мешало говорить о нем, но Лунный Лик не чувствовала над собой никакого влияния, которое заставило бы ее замолчать.

— Они очень похожи, — сказала она.

Быстрая Ножка согласилась, понимая, что это говорилось о друзьях.

— Но Аб выше и сильнее, — продолжала Лунный Лик, и Быстрая Ножка опять согласилась, хотя и несколько равнодушно, потому что из двоих заметила только одного. Но теперь она сделалась смелее в своих размышлениях. «Что, если он вздумает увести меня в свою пещеру?» И, чтобы избавиться от этой мысли и от всех окружавших, она бросилась вперед.

Далеко опередив всех, она, смеясь, стояла у входа в пещеру, когда приблизилась вся семья и Лунный Лик, оставшаяся в гостях у подруги.

И Аб, сильный и обыкновенно беззаботный, был теперь сам не свой, когда вместе с остальной компанией направлялся домой. Его настроение изменилось; он покинул Ока и примкнул к хвосту маленьского отряда, направлявшегося через лес. Через короткое время все уже видели его мрачное настроение и, зная его тяжелую руку и вспыльчивый характер, предоставили ему шагать в одиночестве, с сердитым видом. Он чувствовал тяжесть в груди; там горело огненное пятно. В нем поднималось странное раздражение против Ока, осмелившегося смотреть так горячо на Быструю Ножку. «Он осмелился, когда он должен был знать, что Аб также смотрел на нее!» В его сердце бушевала ярость, но мысль о девушке пробуждала в нем печаль и замешательство. «Как мне завладеть ею?» — бормотал он про себя, медленно шагая вперед.

В то же время, среди остальной компании царили шум и веселье. Возбужденные многолюдством, свободные от страха нападения хищников, вполне удовлетворенные едой и, отдаваясь всеобщей болтовне, все были в самом лучшем расположении духа. Особенно веселилась молодежь и вела себя необыкновенно свободно и непринужденно. Однако, их игры были довольно суровы и опасны. Они дрались, боролись, схватывались врукопашную и бросали друг в друга каменные топоры, правда, предостерегая криками, но бросали с такой дикой и бессознательной силой, что подобный удар, попади в цель, непременно повлек бы за собой смерть. Аб, весь занятый своими мыслями, далеко унесшиими его от этих суровых игр, сделался нервно нетерпелив.

Желая, подобно девушке, спастись от мучительного настроения, он бросился вперед, смешался с отважной, разгулявшейся молодежью и скоро был достойным вожаком в их до сумасшествия опасном спорте, сделался центром всего движения. Достаточно было одному бросить в дерево свой топор или кремневое копье, как все, один за другим, бросались подражать ему, пока не покрывался торчавшими топорами весь ствол; тогда давали сигнал, и все бросались вперед, чтобы вытащить свое оружие раныше других. Это был веселый, но и опасный спорт, во время которого легко могло случиться несчастье. Последовал целый ряд таких же диких игр, и старики усмехались, слыша могучие удары, и старались идти быстрее, чтобы ближе держаться к толпе молодежи.

Аб показал свою ловкость во всех играх. То он бежал победителем впереди всех, чтобы вытащить свое копье, то возвращался обратно рядом с тропинкой, чтобы смешаться с главной массой путешественников, стараясь держаться в самом центре и впереди других во всех играх. Вот снова бросали в цель, снова слышался сигнал, и, выскочив вперед, Аб снова пытал свое счастье с копьем в поднятой руке. Посреди тропинки стоял громадный дуб, и в него уже былоброшено два или три копья в цель, намеченную первым копьем, — белый нарост, выступавший на дереве. Аб выскоцил вперед и бросил свое копье. Он видел белые щепки, отлетевшие от нароста, видел содрогание древка копья, когда наконечник глубоко ушел в дерево, и вдруг почувствовал удар и боль в одной ноге. Он упал рядом с тропинкой, за кусты, и мимо него пронеслась вся банда, — и старики и молодежь. Аб был ранен и не мог идти; он закричал изо всей силы, но никто его не слышал среди шума в этой беззаботной толпе. Он силился подняться на ноги, но одна из них отказывалась ему служить; упал обратно и лежал ничком как раз около лесной дорожки, почти безоружный и представлявший удобную добычу диким зверям. Брошенное с дикой яростью сзади него копье ударилось о гладкий ствол дерева и отскочило в сторону, причем острие наконечника ударило молодого человека как раз в середину ноги, нес-

колько проникло в кость и возбудило страшную боль. Истинная опасность заключалась в беспомощности раненого. Он был один и представлял удобную добычу для лесных хищников, обладавших невероятно тонким чутьем. Человек силялся подняться, но снова печально ложился. Вдалеке он слышал становившиеся все слабее и слабее взрывы смеха веселившейся толпы.

Сильный молодой человек, покинутый таким образом на почти верную смерть, однако, не потерял еще надежды: — при нем были добрый каменный топор и длинный острый кремневый нож. Он мрачно думал про себя, что недешево отдаст свою жизнь. Положив листьев на рану, Аб лег обратно на траву и стал ждать.

Никто лучше его не знал, как наполнен лес хищниками, любителями человеческого мяса. Он решительно терялся, что делать, когда вскоре его острый и опытный слух схватил звуки приближавшихся издалека шагов. «Волки», — сказал он себе сперва. «Гиены», подумал он потом, потому что шаги были тяжелы. Аб был в нерешительности. Шаги отличались правильностью и слышались не в лесу, а на самой дорожке. Охваченный ужасом, он старался уползти вглубь, в темноту, когда заметил, что шаги сперва стихли, а потом возобновились, но были нерешительны, как на поисках. Вдруг раздался сильный голос, звавший его по имени, — то был Ок. От волнения Аб не мог издать ни звука, но через мгновение радостно откликнулся.

Находясь в передней группе, Ок видел падение друга, но, не слыша никакого крика, думал, что это было несерьезно, и шел вперед вместе с остальной компанией. Однако, заметив его отсутствие, обеспокоенный, он стал расспрашивать о нем и наконец, предупредив некоторых спутников, чтобы они позамешкались и подождали его, бегом бросился назад к тому месту, где в последний раз видел Аба. Теперь можно было наложить на незначительную сравнительно рану слой влажных листьев. Потом, опираясь на своего друга, хромая с жалобным стоном, Аб приподнялся, и оба, с оружием в руках, пустились догонять ожидавших их с ворчанием товарищей. Теперь Аба поддерживали с обеих

сторон, и осталной путь был совершен сравнительно легко. Ок сопровождал раненого до самой пещеры и провел вместе с ним ночь.

Лежа у себя в постели рядом с Оком, Аб, к своему удивлению, нашел, что его покинула не только физическая боль, но и другая, более сильная. Тяжесть спала с его души, и он уже не чувствовал больше злобы против Ока. Его мысль работала, и хотя бессознательно, но приходила к правильным заключениям. Он почти желал убить Ока, потому что оба видели стройную прекрасную девушку и желали ею обладать. Потом он подвергся опасности, и тот же Ок, его друг, смерти которого он желал, вернулся назад и спас ему жизнь. Чувство, называемое теперь благодарностью и отличное от того, что называется честью, зародилось в душе молодого человека. Усталый, бессонный, он думал о многом, и его мысли были особенно ясны, быть может, благодаря легкой, возбуждающей лихорадке от раны. Он вспоминал о том, как они вместе составляли смелые планы и вместе рисковали; вспоминал об их детских забавах, успехах и неудачах; вспоминал о том, как часто ему за последнее время помогал Ок и как один раз он спас Оку жизнь, вытащив его из сыпучего песка, — и вот теперь Ок заплатил свой долг, спасши его от верной гибели среди диких животных. Аб знал многих из пещерных жителей и был уверен, что никто из всей беззаботной, веселой компании, за исключением Ока, не вспомнил бы о нем. Не зная почему, но он был рад, что уже раньше заплатил за эту услугу, и что перевес в этом отношении был все же на его стороне. Ему также доставляло удовольствие сознание, что он обладал секретом нового оружия. Он должен поделиться им с Оком! Поздно ночью, когда огонь уже погасал в пещере и когда удобнее было говорить шепотом, Аб поведал историю нового оружия; как он его открыл, как его употреблять, и какие выгоды оно представляло для охотников и воинов. Больше того, он достал свой лучший лук и лучшие стрелы, подарил их Оку и обещал наутро идти с ним упражняться. Удивленный и обрадованный товарищ не знал, что сказать на это открытие. Несмотря на охватившее его нетерпение, он вытянулся на ли-

стях и уснул; через несколько времени уснул и Аб, бывший в легкой лихорадке.

Настало утро, и пещерные жители были на ногах. После короткого, но плотного завтрака Аб, Ок и старый Мок, с которым Аб долго говорил в стороне, вышли из пещеры и углубились в лес.

Здесь Ок узнал чудесные свойства нового оружия, — его смертоносность и гибельное действие на большом расстоянии, причем стреляющий был в безопасности от нападения хищного зверя. Это было великолепное утро для всех троих, не исключая даже сурового и критически смотревшего старого Мока, когда они достигли леса, и секрет двоих был открыт третьему лицу. Что касается Ока, то он был охвачен огнем возбуждения, сразу оценив несравненную выгоду нового средства борьбы с дикими зверями; он горел желаниям немедленно пустить его в ход. Перед полуднем он отправился домой, унося с собой и лук, и лучшие стрелы. Глядя ему вслед, когда он исчезал в лесу, Аб молча думал про себя: «Пусть и он владеет новым оружием: он может теперь делать и лук и стрелы, — но Быстрая Ножка будет принадлежать мне».

Аб и Мок отправились обратно в пещеру, причем Аб держал наготове лук и одну стрелу. Вдруг в лесу, совсем близко от них, послышались звуки шагов по листьям. Мгновенно лук был натянут, а старый Мок, с изуродованными ногами, но здоровыми руками, поднял свое копье. Оба не думали в этот день охотиться на животных, но всегда были готовы к самозащите. Теперь они были приведены в замешательство этими схваченными их острым слухом звуками. «Шаги, шаги», — указывали они в глубину леса, где слышалось шуршание какого-то угрожавшего преследователя.

Нервы охотников были напряжены. Старый Мок, сильный и бессознательно-фаталистичный, был сдержаннее юноши, приготовившегося встретить опасность с оружием наготове. Наконец была достигнута открытая поляна, через которую лежала хорошо проторенная тропинка. Теперь должна была выясниться опасность. Охотники выскочили на поляну, а моментом позже к ним бросились, играя, визжа и ма-

хая хвостами, волчата, так долго жившие около пещеры, оторванные от своего племени и теперь предпочитавшие близость к человеку. Охотники разразились смехом и опустили поднятое оружие.

Глава XVIII

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Настроение Аба резко изменилось; охота за дикими животными перестала привлекать его мысли, занятые теперь чем-то другим; сперва бессознательно, но уже вскоре намеренно, он избирал для своих охотничьих экспедиций северо-восточное направление. Он должен был снова увидеть Быструю Ножку! С той поры он охотился в горах, и никогда еще его глаза не были так остры при выслеживании добычи и так бдительны при приближении опасного животного, как теперь при виде всего, что ему напоминало стройную фигуру пещерной девушки. Вся местность около жилища Хильтопа была очищена от дичи и опасных животных; недаром же он был одним из храбрейших и мудрейших охотников и давно поселился в этой местности, что хорошо было известно диким животным. Сравнительная безопасность позволяла Быстрой Ножке удаляться от своего дома гораздо дальше, чем то было возможно для других девушек той эпохи. Это, конечно, было известно и Абу, потому что слава об опытности и отважности Хильтопа была распространена на далекое расстояние между пещерными жителями. И вот Аб, внутренне несколько стыдившийся, охотился в этой бедной дичью местности и высматривал девушку, которая могла появиться где-нибудь на лесной тропинке, уверенная в том, что ей не грозит опасность от внезапного нападения проголодавшегося хищника, «пожирателя людей».

Однако, не все свое время влюбленный дикарь тратил лишь на возможно частое посещение мест отдыха и прогулок так горячо желаемой им девушки. Вместе с любовью к

нему пришли те мысли и чувства, которые с тех пор посещали миллионы людей, охваченных пылкой любовью. Как он будет жить с Быстрой Ножкой, если ему удастся завладеть ей? Хотя он был уже взрослый мужчина, воин и охотник, но еще до сих пор почти каждую ночь он спал в углу отцовской пещеры на кровати из сухих листьев. С приобретением жены он должен был позаботиться и об отыскании собственной пещеры. Сравнительно с первыми побуждениями, влекшими его к девушки, то был новый ряд мыслей, — и, по мнению людей нашего времени, мыслей более благородного характера. У него явилась мысль о собственности, — явилось желание иметь пещеру, достойную быть жилищем этого нежного и гордого создания, жилищем Быстрой Ножки, дочери Хильтопа, обитателя лесистых холмов.

Далеко вверх по течению реки, далеко за жилищем отца Ока, за сверкавшими на солнце болотами и за покрытым пурпурными листьями кустарником, украшавшим подножия холмов, тянулся на берегу реки далеко выступавший мыс, живописный, заросший густым прекрасным лесом. Этот большой участок земли был приподнят силами природы во время какого-либо страшного переворота; на его почве выросли гигантские леса и в то же время образовались обширные пещеры, послужившие жилищем для существа, назвавшего себя потом человеком. В лесу появлялись травоядные животные, питавшиеся плодами деревьев, орехами, фруктами и пасущиеся на роскошных лугах; за ними же последовали и все хищники, питавшиеся мясом травоядных животных, а также и людей, если они попадались. Этот уголок земли, изобиловавший и дичью, и орехами, и фруктами, был в то же время и наиболее опасным для человеческого поселения. В пределах его были глубокие сухие пещеры, но ни одной из них до той поры человек не осмеливался сделать своим жилищем. К этому-то мысу молодой дикарь с любовью обращал свои взоры. Неужели и он, подобно другим, побоится поселиться в этой возвышенной и уединенной местности? Пищи там было в изобилии, а если придется много бороться, — тем лучше! Разве он не был сильным

и ловким воином? Разве он не владел лучшими копьями и топорами? И, наконец, разве он не владел новым оружием, благодаря которому далеко превосходил всех животных? Здесь, и именно здесь, должно быть жилище человека, способного выделиться среди всех пещерных жителей, подняться над толпой. И дичи, и растительной пищи всякого рода здесь было в изобилии. Конечно, жить в таком месте мог бы только мужественный человек, да и женщина не должна была ему уступать в храбрости; но разве он и та девушка, которую он решил привести с собой, разве они не способны были встретить всевозможные случайности? Он пришел к окончательному решению.

Аб нашел пещеру, чистую, сухую и со входом, глядевшим на открытую, безлесную поляну, и влюбленный, стремившийся улучшить условия жизни той женщины, которая, как он решил, разделит его жизнь, старательно устраивал внутренность своего будущего жилища. Он питал мечты, свойственные влюбленным всех времен, и тех, когда плезиозавр плавал в теплом море, зыбкой колыбели рождения и первого воспитания детенышей их странного племени, — и теперь, когда человек расточает свои богатства на украшения комнаты, назначенной им для отдохновения любимой женщины. Аб трудился в течение многих дней. С помощью своего каменного топора он обтесал острые неровности на стенах пещеры и сделал пол ее чистым, гладким и почти горизонтальным, выстлав его получившимся от обтески стен и нанесенным им мелким камнем. Сложив каменный очаг, он высек в громадном камне, по счастливой случайности лежавшем около пещеры, впадину, служившую для хранения питьевой воды и для варки мяса; заложил траншею, ведущую в пещеру, оставив отверстие лишь немногим больше размеров своего тела; наносил в пещеру толстый слой сухих листьев, в одном углу устроил обширное ложе и покрыл его принадлежавшими ему мягкими мехами. Потом с помощью большого сука, служившего рычагом, он прикатил большой камень ко входу пещеры и оставил ее совсем готовой служить жилищем. Отсутствовала только женщина, для которой оно было предназначено.

Однажды Аб, нетерпеливый, но настойчивый в своих поисках, убил глухаря, громадную птицу, потомки которой живут теперь в северных лесах; развел огонь, изжарил дичь и плотно поел; осторожный по инстинкту, он влез на толстую, низко стлавшуюся ветвь громадного дерева и там устроился спать сном сытого, удовлетворенного человека. Он лежал на толстой ветви, служившей ему ложем, защищаемый от падения с каждой стороны зелеными, тянущимися вверх ветками, спал час или два и, когда проснулся, чувствовал себя хорошо после еды и отдыха, несмотря на овладевшая им леность и вялость. Было еще не поздно, и солнце еще ярко светило над ним и над всеми живыми созданиями, полными ликования. Природа чувствовала новый прилив бодрости после полуденного отдыха; все было полно оживления, напоминавшего раннее утро. Снова поднялся полный таинственности шум леса. Когда юноша проснулся, он чувствовал в каждом своем члене могучий, возбуждающий призыв к жизни. Все казалось заманчиво-прекрасным. Его слух ловил звуки птичьих голосов, уже начавших вечерния песни, хотя было еще рано и ничто не говорило о близости вечера; аромат тысяч растений и цветов, сильный и упоительный, достигал до его обоняния, когда он, вытянувшись без движения, лежал на своей висевшей в воздухе постели. Окружавшая жизнь невольно привлекала взоры Аба. Лес был в полном расцвете летнего великолепия, и его первнатое и четвероногое население было полно счастья. Ощущение бытия наполняло и растения, и деревья, и всех птиц и животных. Нежное смешение звуков, говоривших об окружающей жизни, действовало почти усыпляюще. Вдоль ложбин покачивался слегка папоротник, когда до него добегал слабый ветерок. То был странный папоротник, не такой нежный, заостренный и причудливый, как растущий в наши дни; он был гораздо сочнее, изрезаннее и с почти округленными верхушками. Но Аб не замечал подробностей, хотя и был полон впечатлений от общей картины окружающего. Смолистый аромат сосны действовал особенно бодряще на этого здорового, полупроснувшегося человека, хотя он лежал спиной на грубом деревянном ложе и уже снова дремал; но

все же жизнь природы овладела его вниманием и не давала снова впасть в глубокий бессознательный сон. Чувство наслаждения глубоким покоем особенно изощряло его наблюдательность. Аб приподнялся, сел и осмотрелся кругом. Вдруг его глаза загорелись, все нервы и мускулы напряглись, и кровь горячей струей хлынула в жилах. Он увидел то, для чего пришел в эту местность, — девушку, так глубоко затронувшую его суровое, беззаботное сердце. Быстрая Ножка была недалеко от него!

Погруженная в задумчивость, она сидела на берегу реки, почти у самой воды, на стволе павшего дерева... Берег был усеян множеством голышей, и молодая девушка, мысли которой были далеко, углубилась в занятие, которое ее, по-видимому, интересовало, тогда как на самом деле она думала о чем-то другом. Нежная, стройная, прекраснее всех своих современниц, она сидела там в одиночестве и забавлялась. Пальчики на ее ножках поражали своей красотой: гибкие, сильные и длинные, они в то же время отличались ровностью и симметричностью; теперь она ими лениво перебирала. На конце береговой отмели возвышался наполовину погруженный в песок большой гранитный камень. Поднимая один за другим мелкие камешки чудными пальчиками ножки, Быстрая Ножка была занята тем, что бросала их в верхний конец камня, двигая при этом только нижней частью, ниже колен, своей смуглой ножки. Это ей прекрасно удавалось, и она часто попадала в цель. Аб с разгоряченной головой, бешено влюбленный, смотрел на нее с восхищением. Как совершенны были ее формы, как прекрасно было ее лицо; и, вне себя, он испустил громкий крик, с быстротой и ловкостью змеи спустился с дерева на землю и прыжками бросился к девушке. Он должен ей овладеть!

Этот крик заставил девушку вскочить на ноги и, когда Аб спустился на землю, она его узнала с одного взгляда. В то же мгновение она догадалась, что их волнуют одни и те же чувства и что он попал в эту местность не случайно. Она чувствовала так же, как и он, поскольку чувства женщины могут походить на чувства мужчины, — но девушка — всегда девушка, — и образ мрачной силы и даже как бы ужаса

пронесся над ней. Она на мгновение замерла, потом повернулась и бросилась бежать вверх, к лесу.

Возбужденный движениями девушки юноша, соскочив с дерева, не терял ни мгновения в нерешительности или промедлении. Кровь билась в нем, и великий природный инстинкт обладания, сильнейший двигатель в его жизни, руководил им теперь. Он горел неистовой любовью и быстро бежал вперед, хотя и не так быстро, как грациозное создание впереди него.

Даже для тех скептиков, что населяют теперь большие города и устраивают всевозможные состязания, было бы интересно взглянуть на этот бег в лесу. Как лань, едва прикасающаяся к земле, бежала Быстрая Ножка; как волк или гончая собака, следовал за ней менее проворный вначале, но более выносливый мужчина. И, однако, в бежавшей девушке таилось желание, чтобы именно этот мужчина, а не кто-либо другой, взял ее; только девичий инстинкт, боязнь грубой силы, заставлял ее теперь спасаться.

Аб, настойчивый и терпеливый, не отставал в этой погоне, направлявшейся к холму и жилищу отца девушки. Предстояло пробежать целые мили, и на этом были построены все надежды мужчины. Они были на тропинке, ведущей прямо к жилищу Хильтопа, хотя были и боковые, более выгодные; но, чтобы избежать своего преследователя, она не могла избрать ни одной из них: там то и дело попадались перекрестки; покинув прямую дорогу, она замедлила бы свой бег. Достигнуть возможно скорее прямой дорогой высокого лесистого холма, где была отцовская пещера, составляло единственную надежду девушки, бежавшей наполовину против своего желания.

Твердо уверенный в победе, наклонившись вперед, глубоко дыша, неутомимый Аб несся вперед, как вдруг заметил, что девушка сделала внезапный прыжок и помчалась вперед с неожиданной быстротой, отклонившись в то же время от правой стороны тропинки.

Виновником этого движения был не Аб; то приближалась к ней новая опасность. С левой стороны почти под прямым углом от главной тропинки отходила боковая; к это-

му мести приближалась Быстрая Ножка и, как предполагал Аб, должна была миновать его; но та, добежав до него, с очевидным ужасом устремилась влево, и вот, ломая ветви, из леса с правой стороны показалась человеческая фигура, бросившаяся за девушкой вдикую погоню. Новый преследователь был — Ок.

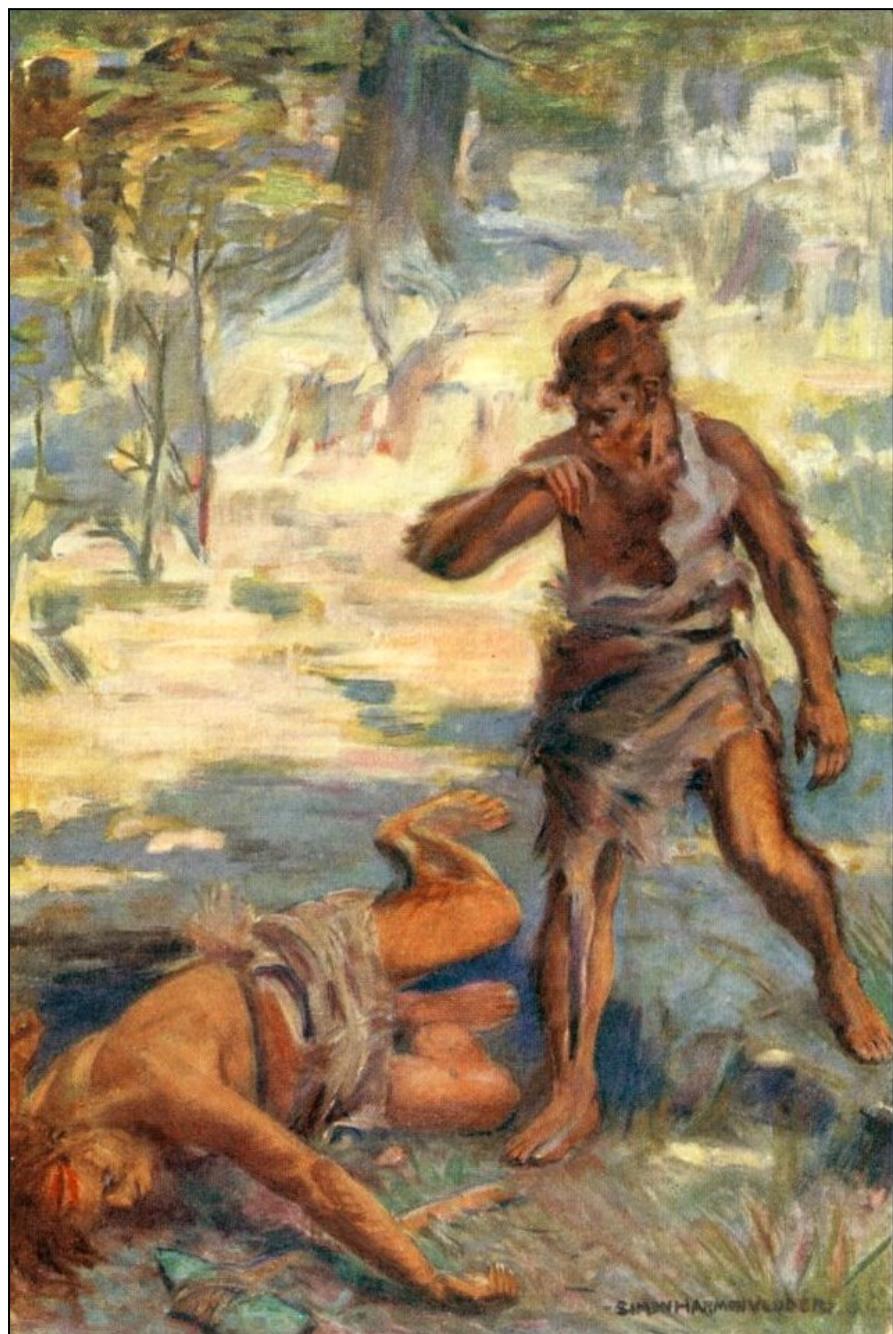
Нельзя лучше представить себедискую ярость, поднявшуюся в сердце Аба, когда он увидел случившееся, как вообразив залегшего в джунглях тигра. Он видел другого, — то был его друг, — преследовавшего и намеревавшегося взять то существо, обладать которым он так желал и которое ему было всего дороже на свете, дороже обильной пищи, дороже шкур животных, дававших ему тепло, дороже мамонтовых бивней, служивших для вырезания, дороже шкуры пещерного тигра, славного трофея воина, наконец, дороже чего бы то ни было на свете.

Он бросился с тропинки в сторону; он знал другую дорожку, кроме той, по которой бежали Быстрая Ножка и Ок; он знал, что пересечет им путь, потому что расстояние было много короче, хотя бежать было труднее, — но Аб умел бегать! В лесу он и бегал и прыгал почти так же легко и быстро, как и дикие животные. То было страшное напряжение сил, и уже, когда тени заметно густелись, он выскочил на дорожку, где, как он знал, должен был встретить спасавшуюся Быструю Ножку и преследовавшего Ока. Аб рассчитывал их опередить, — но он был не единственным обладателем быстрых ног. Они пробегали мимо как раз перед тем, как он выскочил на тропинку. Увидев их близко одного от другого, в нескольких шагах впереди себя, он с ревом ярости бросился и сам снова в быструю и ужасную погоню.

Теперь вся выгода была на стороне Аба, который следил незамеченным за бежавшими впереди него. Он знал, что Ок, подобно ему, решил овладеть Быстрой Ножкой и теперь с этой целью преследовал ее. Конечно, простой случай натолкнул Ока на бежавшую девушку, но рано или поздно ужасного столкновения было не миновать. Аб видел, что выносливость девушки, показавшей способность к такому удивительному бегу, была меньше, чем у ее уже нагоняв-

шего преследователя. Скоро она будет побеждена. Теперь перед ней возвышался холм, не более мили по линии подъема, где была пещера ее отца и где ждало ее спасение. Аб видел, что у нее не хватит сил с необходимой быстротой взбежать наверх и тем спастись. И вот он видит: девушка оборачивает испуганное лицо к ближайшему преследователю и в то же мгновение замечает его, Аба. Ее бег как бы замедлился, и он почувствовал, что в нем девушка видит до некоторой степени защитника; теперь же она снова повернулась и из всех сил бросилась вперед, к подъему. Но Ок уже догонял ее и вдруг внезапным скачком настиг ее, обхватил руками, и женщина дико вскрикнула. Мгновение спустя к ним бросился с криком Аб. Инстинктивно Ок оставил девушку, — в этом крике ему послышались угроза и очень близкая опасность. Понимая себя свободной, Быстрая Ножка на несколько мгновений остановилась без движения с широко открытыми глазами, разглядывая происходившую перед ней сцену, потом бросилась в сторону и, уже не оглядываясь, побежала далее.

Мужчины стояли, смотря один на другого. Ок, не склонившись в своей выгодной позиции, на гребне небольшого обрыва, пересекавшего скат горы. Так, выжидая, стояли соперники, один вверху, другой внизу, еще недавно самые близкие друзья с детства, насколько то позволяют свойства нашего тела и души, — а теперь настолько чуждые, насколько могут быть чужды между собой человеческие существа. Готовые к прыжку, в позе, принятой ими бессознательно, они представляли прекрасную картину. Солнечные лучи коснулись голубого топора Ока, и тот казался серого цвета. Поднятый топор Аба из светлоокрашенного камня был в тени и, вместо желтого, выглядел темно-коричневым. Эта немая сцена тянулась лишь одну секунду. Ок прыгнул вниз, Аб отскочил в сторону, — и вот они уже стояли на маленькой ровной поляне, и открылась страшная, свирепая битва. Никто не видел, как протекала эта борьба; даже росомаха с горевшими, острыми глазами, вползшая на низко ставшуюся громадную ветвь близ стоявшего дерева, не могла уследить за быстрыми взмахами каменных топоров. Бо-

SIMON HAMMERSHAIMB

рьба длилась недолго. Звуки сталкивавшихся топоров оборвались, послышался более глухой звук удара камня о кость. Ок, несколько выше своего противника, когда они так стояли в борьбе, внезапно склонился вперед; его руки повисли и выронили голубой топор. Он грузно, неуклюже упал вперед, захватил горстями сухие листья и уже лежал неподвижно. Безоружный, в недоумении стоял Аб перед совершившимся; он упустил свой топор, глубоко погрузившийся в череп врага, и рассматривал с любопытством и удивлением свою жертву. Рассудок оставил его. Шагнув вперед, он вытащил топор, поднял его в уровень со своими глазами и выступил на яркий солнечный свет: топор был окровавлен. В то же время девушка бежала к своему жилищу, а тени уходившего дня делались все глубже и глубже.

Глава XIX

ОПАСНЫЙ ПУТЬ

Взоры Аба сперва обратились по тому направлению, куда скрылась Быстрая Ножка, и потом на то, что лежало у его ног. Хотя и формы и черты лица были Ока, но это не был больше Ок. Царила мертвая тишина, и кровь на листьях казалась слишком яркой. Ярость Аба затихла; ему хотелось услышать голос Ока; он стал его звать, но тот был безответен. Тогда ему постепенно пришла мысль, что Ок мертв, и что этой же ночью дикие звери пожрут его там, где он теперь лежит. Эта мысль так возбуждающее действовала на него, что из полной неподвижности он сразу перешел к лихорадочной деятельности. Бросившись вперед и обхватив тело руками, он отнес его в углубление на поросшем лесом скате. Работая, как сумасшедший, он при этом поступал согласно тому, что видел при погребении других пещерных жителей: положил оружие Ока рядом с трупом, снял со своего бедра нож, который был лучше ножа Ока, и вплотную приложил его к руке мертвого; потом, покрыв сперва все

тело буковыми листьями, он яростно стал взрывать нависшую землю при помощи острого сука, — и поверх всего наложил самые тяжелые камни, какие только мог поднять, пока над Оком, которому уже не суждено было больше охотиться, не возвысился могильный холм.

Задохнувшись от отчаянных усилий, Аб сел на камень и, глядя на сооруженный им памятник, стал снова звать Ока, — но ответа не было. Солнце село, и вокруг сгущались вечерние тени. Теперь этого человека объяло такое чувство, которое было страшно по своей новизне, — и с криком, почти воплем он вскочил на ноги и, полный ужаса, бросился в бегство.

Он чувствовал, что боль была внутри его тела и души, но не так, как было с ним, когда он раз наелся ядовитых ягод, а другой раз объелся мясом молодого оленя. Теперь он чувствовал нечто другое. Это была страшная тяжесть, которая была независима от его тела, но производила необычайный ужас, заставляя все думать и думать о мертвом человеке и даже бежать прочь, бежать без остановки. Ему уже много пришлось пробежать в этот день, но теперь он не чувствовал усталости. Казалось, что его ноги стали крепкими, как у оленя, и должны нести куда-нибудь, как можно дальше то, что он нес у себя в груди. Он бросился из густого леса вниз, на запад, к широкому болоту, за которым лежала скалистая страна, куда он редко осмеливался вступать: так вероломны были ее пути. Но теперь он ни о чем не заботился! Он делал громадные прыжки, а его мускулы и сухожилия напрягались, послушно отвечая его мыслям. Чтобы благополучно перебраться через болото, требовались, кроме особенной чувствительности в пальцах ног, также большая сила, умение и отвага.

Но беглец не размышлял — им руководили инстинкт, развившийся от долгого упражнения, и полное отсутствие нервности. Каждый палец его ноги становился так, как того требовали условия, чтобы прочнее держаться на трясине, и, ничего не замечая, оставив всякую осторожность, он несся над грозившим смертью болотом с такой же уверенностью, как бежал по тропинке среди леса. Он не думал, не

знал и не заботился о том, что делал; и только бежал от того, что раньше ему было неизвестно! Что заставляло его теперь бежать? Он и раньше убивал живые существа и беспечно об этом забывал! Почему же его заботит это теперь? В совершенном поступке было нечто, заставлявшее его бежать прочь! Где теперь Ок? Встретятся ли они снова и будут ли опять охотиться вместе? Нет, Ок больше не придет, и он, Аб, был этому виной. Он должен бежать. Никто не следовал за ним, — он это знал, — и все-таки он должен бежать!

Когда болото осталось за ним, уже спустилась ночь, но он все бежал вперед, в лес, наполненный хищными зверями. Ничто, ничто не заставит его забыть ни странное новое чувство, ни то действие, которое его заставляло бежать прочь. Теперь он углубился в лес, совершенно забыв об опасности, нуждаясь лишь в успокоении, в чем бы оно ни состояло.

В ту эпоху и в такой местности человеку, бежавшему ночью по лесу, неизбежно грозила встреча с каким-нибудь голодным хищником, готовым поживиться его телом. Ослепленный своим настроением Аб не заботился о том, чтобы избежать возможной борьбы, хотя бы даже с чудовищным медведем или даже свирепым тигром. Он потерял всякую способность рассуждать и, не сознавая этого, чувствовал себя, как самоубийца, желающий умереть в битве. Зачем ему теперь осторожность? Что для него теперь значила встреча с каким-нибудь голодным животным? Борьба с хищником, защищая свою жизнь, была бы для него спасением.

Казалось, жизнь настолько потеряла для него всякую цену, что ему было безразлично, кто выйдет победителем из этой борьбы, — и в этом проявилось великолепное чувство презрения к смерти пещерного человека. Но все это рисовалось неясно в голове беглеца и представляло лишь малую долю занимавших его мыслей.

Иногда, как бы призывая к себе смерть, он громко кричал на бегу; это было всякий раз, когда среди мелькавших в его воображении видений он видел снова лежавшего мертвым Ока. Так бежал человек, убивший другого.

Впереди послышалось рычание; внезапно раздвинулись кусты, и человек был отброшен назад, оглушенный, окро-

вавленный и пораженный ударом громадной лапой. Безразлично, какое это было животное, но оно было голодно и, по-видимому, нашло подходящую добычу. Но существовала громадная разница между добычей, составлявшей обычное меню хищника (это был медведь) и тем животным, на которое он теперь напал; но медведь не понял этой разницы и, не рассуждая, бросился, чтобы окончательно убить свою жертву, отброшенную назад, на землю, его громадной лапой, — и потом наслаждаться ее мясом.

Человек был ранен лишь слегка: его несколько защищила меховая одежда, а мускулистое тело было так крепко, так закалено, что, отлетев на несколько шагов назад, он не получил серьезного повреждения. Теперь ему угрожала серьезная опасность; необходимо было защищать свою жизнь, и это прояснило его мысли, подействовало отрезвляющее на полупомешанного беглеца. Но и в данную минуту его не покидало настроение отчаяния и презрения к жизни. С силой, на которую способны только маньяки, он бросился на встречу животному, от которого в другое время, не рассуждая, бросился бы бежать; с быстротой молнии взвился его топор и со страшной силой опустился на громадную голову угрожавшего зверя. Почувствовав, как камень врезался в кость, он испустил крик, но в то же мгновение снова был отброшен в кусты ударом в бок громадной лапы. Вскочив на ноги, он увидел большую черную массу, баражавшуюся на тропинке при последнем издохании. Не задумываясь, он снова бросился в быстрое бегство. Благодаря странному капрису счастья, потерявшему рассудок человеку удалось чуть не наполовину вогнать свой топор в громадный череп противника; быть может, никому еще до тех пор не случалось этого сделать так удачно. Убийца дико бежал вперед, но теперь он был безоружен.

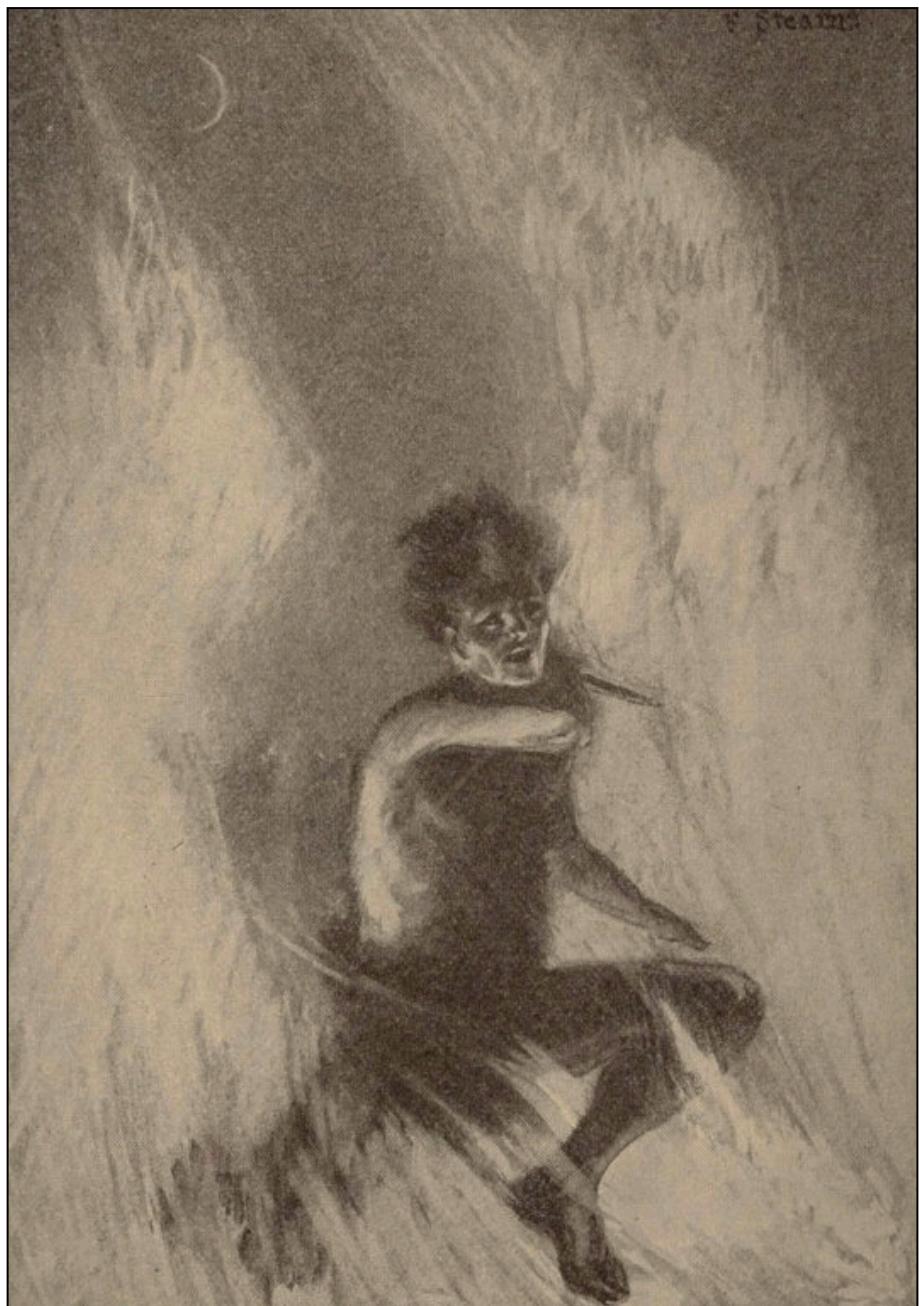
Скоро вся сцена вокруг него изменилась. Деревья понемногу редели, и тропинка была уже не так ясна. Начинался подъем, и он бросился на него, хотя уже и с меньшей быстротой, потому что, несмотря на гнавшую его силу, природа предъявляла свои права, и мускулы были истощены от страшных усилий. Деревья же все редели. Он знал, что те-

перь пробежал скалистое плоскогорье, недалеко от Огненной долины, о которой ему так часто говорил старый Мок. Выскочив из леса на открытую поляну, он увидел над собой звездное небо и в то же время услышал очень близко визг, а вдалеке — вой: за ним гналась стая волков.

Продолжая бежать, он почувствовал охватившую его дрожь. Теперь в нем уже совершенно проснулся инстинкт жизни, так как страшное деяние, заставлявшее бежать, осталось далеко позади. Он сообразил, что стая волков скоро достигнет поляны, и ему уже не удастся вернуться в лес и там спастись на деревьях. Теперь было слишком поздно; необходимо было, не рассуждая, бежать через открытое поле, пока не встретится какое-нибудь дерево. Далеко впереди светился огонек, достигавший до него среди темноты. Он был уже утомлен, задыхался, но звуки сзади него способны были поднять на ноги человека, готовящегося к смерти. Нагнув голову, он понесся с такой быстротой вперед, как никогда еще до той поры во всю свою отважную идискую жизнь.

Волк той эпохи, по сравнению с населяющим в наше время северные страны, был больше ростом, сильнее и кривожаднее, и теперь быстро преследовал человека; но пещерный человек бегал с такой же быстротой, и погоня была не из легких. Спасая свою жизнь, Аб, с трудом переводя дыхание, несся по скалистой почве с быстротой, порожденной последними еще остававшимися силами, и направлялся к свету, когда стая волков, теперь соединившаяся, выскочила из леса на поляну и следовала за ним быстро и безостановочно. Свет впереди человека делался все ярче и ярче, но в то же время постепенно делались слышнее и звуки преследовавшей стаи. Это была тяжелая борьба для бежавшего человека; он уже совершенно забыл о своем недавно совершенном поступке и спасался.

Огонь понемногу, по мере приближения, увеличивался в виде стены, пересекавшей его путь; кой-где, местами эта огненная стена, хотя и сплошная, была ниже, чем на остальном протяжении. Беглец, не колеблясь, направлялся к огню, а за ним теснее и теснее толпились гнавшиеся волки.

Представлялся единственный выход, и он без колебаний схватился за него. Впереди, совсем близко подымалась теперь огненная стена, а сзади уже слышалось щелканье покрытых пеной челюстей в предвкушении добычи. Напряжение дошло до крайности. Не видя другого исхода, Аб несся прямо к тому месту, где огненная стена была ниже, и громадным прыжком перескочил через крутившиеся спиралью гребни желтого пламени.

Человек спасся; одно мгновенье он был охвачен жаром и потом лежал на траве. Обладая еще остатком силы, вызванной отчаянием, он вскочил и оглянулся. Волки исчезли. Взобравшись на лежавший рядом большой плоский камень, он поверх огней ясно видел блестящие глаза своих недавних преследователей. Свирепо жаждая крови и мяса, они бегали взад и вперед, — но, боясь огня, к которому не смели приблизиться, держались от него на далеком расстоянии. Аб вскочил на скалу, задохнувшись, едва веривший в свое спасение, и представлял прекрасное зрелище, освещенный огнем..

Скоро к этому человеку вернулось сознание безопасности. Обратившись к сновавшим и рычавшим животным, теперь для него не опасным, он громко закричал; потом нагнулся, набрал острых камней и с силой стал бросать их в стаю, чувствуя в этом дикое удовлетворение.

Внезапно он упал на землю, издавая стоны от истощения; теперь настал момент для восстановления потраченных сил. Измученный беглец лежал, тяжело дыша, и скоро впал в тяжелый сон. Огонь, давший ему безопасность, дал также и благодетельное тепло в студеную ночь, и едва только тело коснулось земли, как все было забыто, и только поднимание и опускание широкой груди показывало, что лежавший на свету человек был жив. Ветер менялся, причем иногда огненные языки вытягивались по направлению спавшего человека, и жар около него делался напряженным; то ветер поворачивал в другую сторону, и тогда над спавшим пробегала струя холодного воздуха. Привычный одинаково к теплу и холоду Аб продолжал спать целые часы подряд сном, следующим за крайним утомлением у здорового че-

SIMON HARMON VEDDER

ловека, и ничто не могло его разбудить. Иногда лежавшая на земле масса беспокойно шевелилась, и с уст спавшего срывались неясные восклицания: его беспокоили сновидения.

Когда он так лежал, погруженный в глубокий сон, подобно ему, перепрыгнул через пламя Ок и скоро лежал около него, с трудом переводя дыхание. Аб вспомнил об этом, когда проснулся, и потом в течение долгих лет много раз вспоминал с удивлением. Вспышки огня, рычавшие голодные волки и знакомый голос Ока, все неясно мешалось в его ушах; он снова бегал с Оком, боролся, играл, как они боролись, бились и играли раньше целые годы. Время бежало, ветер изменился, пламя почти опаляло его, и Аб вскочил, оглядываясь кругом на дикую картину Огненной долины. Ночь прошла, солнце стояло наверху и уже снова садилось с тех пор, как истощенный человек упал на землю и потерял сознание.

Инстинктивно Аб откатился немного в сторону от огненной стены и, приподнявшись на руки, стал взглядом искать Ока. Никого не было. Он дико бросился бегать между скалами, отыскивая друга и безнадежно, громко призывая его по имени. На мгновение его голос хрипло прокричал: «Ок», и тогда в памяти снова восстало и ожило все, что случилось. Он стоял, освещенный красным светом огня — истинное олицетворение отчаяния. Ок был мертв; он убил его и похоронил собственными руками и, однако, видел его всего минуту тому назад! Ок перескочил через огонь, боролся, бегал наперегонки с ним, Абом; они разговаривали, и, однако, Ок должен был лежать в земле, далеко в лесу, у маленького холма. Ок был мертв. Как же он мог выйти из земли?

Ноги затряслись у охваченного ужасом Аба. Подобно гончей собаке, потерявшей свою стаю, он застонал и подполз вплотную к благодетельному огню. Рассудок мутился под давлением нового странного впечатления. Ему вспомнились некоторые заговоры и заклинания старого Мока, когда видели мертвых после того, как они были погребены глубоко в земле; но он знал также, что и думать и говорить об этом было нехорошо. Аб снова вскочил на ноги. Он не хо-

тел закрывать своих глаз, потому что тогда ясно видел в темной земле, в неглубокой впадине лежавшего Ока, видел его лицо, которое поторопился прежде всего закрыть листьями, когда хоронил своего друга. Так провел он всю ночь, прерывавшуюся иногда беспокойным сном, не имея возможности исследовать свое убежище при странном свете огня и не рискуя на обратное ночное путешествие через переполненную дикими зверями страну. Несмотря на животный голод, усиленный ужасной работой, он принужден был ждать до утра. Ночь казалась бесконечной. Он не знал, куда деться от терзавших его мыслей, но наконец забрезжило утро, и тогда в движении он нашел так страстно желаемое облегчение.

Глава XX

ОГНЕННАЯ ДОЛИНА

Было уже светло, и солнце ярко освещало убежище Аба, когда он вполне очнулся и с удивлением оглянулся на окружавшую его картину. Местность представляла очень узкую поляну, почти долину; кругом нее с трех сторон поднималась колебавшаяся, подвижная стена огня, которую он перескочил накануне, хотя местами ее высота была очень незначительна. С юга и немного заворачиваясь к востоку, возвышалась каменная стена — конец лесистого мыса; на вершине ее деревья росли очень густо, и их длинные ветви нависали над крутым обрывом. Через всю долину протекал шумный ручей, появляясь из одной расщелины скал с восточной стороны и исчезая в другой на западном конце. Внутри этой площади, таким образом окаймленной огнем и скалами, не появлялось других живых существ, кроме птиц, пение которых слышалось по берегам ручья, бабочек, висевших на цветах, и насекомых тогдашнего мира, сливавшихся в нежный, жужжащий утренний хор. Все это представляло чудную картину, на которую с удивлением смотрел оча-

рованный Аб, и легко объяснялось одним из многочисленных подъемов земли, когда ее охлаждавшаяся кора была несколько тоньше и землетрясения производили разрушения, менявшие лицо природы. Простираясь за линии обрывистых скал, в земле в виде полуокружности образовалась трещина, из которой выходил и распространялся на поверхности земли естественный газ, продукт гниения растительности тысячи предшествовавших столетий. Благодаря какому-нибудь случаю — удару молнии, зажегшему дерево, или костру, разложеному кем-нибудь из пещерных жителей, газ воспламенился и образовалась огненная стена. Все было просто и обыкновенно для того времени. В той же местности существовали и другие всегда горевшие огненные стены, как в наше время на севере Азии, — но Аб знал об этих огнях только из рассказов старого Мока. Пораженный удивлением, стоял он, глядя на развертывавшуюся перед его глазами картину.

Но тело этого молодого и сильного человека требовало подкрепления, — внутри него говорил настойчивый голос. Ему необходимо было есть. Бегая назад и вперед, озабоченно присматриваясь, он скоро открыл на западной стороне выход из защищенной долины, в том месте, где ручей падал со скалы. Спустившись вдоль изрытого берега ручья, он нашел более удобный скат и оттуда выполз на высокий берег к большому лесу. Ему казалось, что здесь он легче всего найдет добычу, даже вооруженный только одним ножом Ока. Скоро он был в лесу между серых, покрытых темными пятнами стволов буков и грубых темных стволов дубов. Здесь, под слоем опавших листвьев, земля была усеяна орехами и, хотя они составляли довольно хорошее дополнение к пище пещерного человека, — но теперь это было для него слишком скучно, и Аб, утолив ими немного свой голод, поднялся и осмотрелся вокруг.

Он был безоружен, не имея при себе ничего, кроме ножа, но кремневый нож мог служить лишь при борьбе грудь с грудью; невольное сожаление поднялось в нем при мысли о его топоре, копье и далеко стреляющем луке. Но у него было другое оружие под руками — дубина. Бродя среди

вершин павших деревьев и ломая их сухие ветви, ему удалось найти и отломить с большими усилиями толстый сук, что могло служить хотя и грубым, но нешуточным оружием. Теперь он пустился, не останавливаясь, бежать в поисках живой добычи. Весь лес был изрезан неясными тропинками, проложенными дикими зверями, и Аб бежал по ним, погруженный в глубокую думу.

Он думал об огненной стене, и, несмотря на все усилия, не мог понять причины ее появления и существования и старался позабыть об этом, как о предмете, недоступном пониманию. Но после этого, представлявшегося первым в его уме, предмета в быстрой смене следовали и другие. Так бежал он с быстротой гончей собаки, не испытывая страха, и хотя был безоружен, но его глаза были зорки, а лес пронизывался солнечными лучами. С дубиной в руках он был достаточно силен для борьбы с небольшим животным, а в случае встречи с крупным хищником мог спастись на дерево. И, продолжая бежать, он отдавался своим думам.

Много, много думал в этот день выбитый из колеи, впавший в замешательство человек, наш праотец со многими «пра» впереди. Углубившись в свои мысли, он не замечал пути, по которому направлялся к родной пещере, не смотрел, где стоит солнце, — не замечал, в каком направлении текли ручьи и с какой стороны мох покрывал стволы деревьев; он бежал по лесу, руководясь одним инстинктом, почти необъяснимой способностью, которой обладают обитатели леса, и волк, и краснокожий индеец, иногда белый человек нашего времени.

Продолжая свой бег, Аб все более и более погружался в глубокие и серьезные думы. Он был один, — новые и странные картины природы расширили его знания, а быстрая смена впечатлений обострила восприимчивость его чувств. На много дней все его существо было потрясено встречей с Быстрой Ножкой на празднике после охоты и событиями, быстро следовавшими одно за другим после этой встречи. Трагическая смерть Ока обострила его чувства, а последовавшие за тем события еще больше обратили его внимание на внутренний смысл вещей. Мудрецы признают, что

как сильное возбуждение, так и большие лишения заставляют одинаково сильно работать мозговые узлы, хотя лишения в этом случае влияют энергичнее. Аскетизм Марка Аврелия был продуктивнее великими результатами, чем глубокое пьянство какого-нибудь галантного молодого литератора, его подданного. Литература пирующих мыслителей представляет нечто утонченное. После крайнего напряжения сил Аб еще не ел мяса, и сильные впечатления на него обрушились, когда он был совершенно голоден. На некоторое время суровое дитя природы унеслось в область чувства и воображения. Это был опыт, существенно повлиявший на всю его дальнейшую жизнь.

Все время бежавшего человека наполняли мысли, которые являлись следствием бешеної любви, совершенного убийства и боязни чего-то неопределенного. Он снова видел и лицо и фигуру Быстрой Ножки, снова переживал окончившуюся смертью борьбу со своим другом детства и юности; смутно припоминались и полусумасшедший бег, прыжки через грозившее смертельной опасностью болото; несколько яснее рисовалось преследование волков, и совершенно отчетливо он помнил картины Огненной долины и все, последовавшее за его пробуждением. Он был подавлен тяготившими его впечатлениями.

Но над всем постоянно поднималось и давило воспоминание о человеке, которого он убил и похоронил, прикрыв при этом прежде всего лицо, чтобы тот не мог на него смотреть. «На самом ли деле Ок мертв?» — спрашивал он себя. Разве он, Аб, во время сна не видел его живым и здоровым? Видение его преследовало. Все его мыслительные способности были до крайности напряжены.

Когда он так боролся, чтобы выяснить себе все произшедшее, его воображение было затронуто другими предметами, имевшими связь с тайной смерти, глубоко смущавшей его и весь его род. Должно быть, существовало нечто, быть может, какое-нибудь существо, заставлявшее реки подниматься и падать и лесные деревья приносить плоды, или делавшее их бесплодными. Кто и что могло бы это быть? Что необходимо было сделать ему и его друзьям, чтобы вой-

ти в сношения с этим неизвестным существом, двигателем жизни?

Уже давно, задолго до этого дня и часа, у Аба зародились мысли о том, что ему и людям его племени казалось сверхъестественным; он и прежде не мог удержаться, чтобы не думать о тени и эхо. Ему припомнились разговоры с Оком по поводу эхо и свои усилия отдалась от того, кто назойливо заставляет возвращаться назад через долину их крики; это прятавшееся создание насмешливо повторяло каждый громко выкрикнутый звук, и они не знали, к кому обратиться за помощью. Раз они вооружились с головы до ног и в припадке отчаянной храбрости решили найти обладателя этого голоса и вступить с ним в битву. Они перешли долину и стали на опушке леса, откуда, казалось, исходил голос, но их поиски ни разу не увенчались успехом.

Преследовавшая в солнечные дни, тень поражала их воображение другим путем; этот плоский, темный, ползущий по земле и кривившийся предмет настойчиво следовал за ними. Что это такое, этот черный, бесстелесный предмет, отвечающий движением на всякое движение человека, неотступно держащийся у ног человека своими ногами, пока тот не вступает в тень от другого, большего предмета.

Но и эхо и тень были ничто в сравнении с тем, что посещает человека ночью. Что это были за существа? Почему они посещают человека только во сне, когда он беспомощен, и исчезают вместе с рассветом, когда спавший приходит в себя и хватается за топор?

Солнце поднялось высоко и теперь тихо спускалось к западу, где был далекий океан; тени удлинились, но свет еще царил на тропинках, и, еще не уставший, человек торопился вперед. Теперь он находился вблизи обитаемой им местности и сделался спокойнее и беззаботнее. Но воображение деятельно продолжало свою работу, и он не мог освободиться от воспоминаний. Ему все еще чудился его убитый друг, лицо которого он так торопился спрятать. В нем снова загорелось бешеное желание узнать, проникнуть в тайну. «Где теперь Ок?» — обращался он с вопросом к себе и ко всей природе. «Где Ок?» — взывал он к знакомым де-

ревьям, окаймлявшим тропинку; но даже пещерному человеку, стоявшему в таком близком общении с ней, природа не могла дать ответа.

Так пещерный человек, вступив на неясный, неизвестный путь, боролся с разрешением вечного вопроса: «Если человек умрет, будет ли он снова жить?» Эти усилия человеческого разума после сотен тысячелетий содействовали его развитию. Преграда, более непроходимая, чем та огненная стена, через которую перeskочил недавно Аб, еще поднимается между нами и теми, кто уже покинул землю. Мы стремимся что-нибудь узнать от тех, что умерли раньше нас, но все наши отчаянные усилия бесплодны. Ненарушимое молчание, непроницаемая темнота охраняют тайну смерти. В течение долгих лет, с того дня, как бежал этот человек, любовь и надежда, в соединении с верой, воздвигли в душе прекрасный храм обещания и утешения; но строгие исследователи природы еще ничего не узнали достоверного из того, что таится за этой глухой стеной. Наши отчаянные мольбы, обращенные к мертвым, остаются без ответа. Так Аб шел ощупью и боролся одиноко в лесу в пору юности и неведения своего и всей нашей расы.

Наконец Аб появился на тропинке, бежавшей вдоль берега реки. Все теперь ему было знакомо. Здесь, около купы деревьев в плоской долине, они вырыли яму, когда были еще мальчиками и только что приступали к серьезному изучению жизни среди леса. Вскоре показался и вход в пещеру его семьи. Он был снова дома, — но за эти три дня отсутствия в нем совершилась сильная перемена. Пещеру покинул юноша, а вернулся мужчина, — серьезное, страдавшее и думавшее существо.

Глава XXI

СВАДЬБА БЫСТРОЙ НОЖКИ

С быстрой зайца спасалась Быстрая Ножка от рассвирепевших врагов и поспешило углубилась в лес. Теперь у нее была новая причина бояться и, не оглядываясь назад, не замедляя своего бега, хотя уже задыхавшаяся и измученная, она быстро неслась вперед, оправдывая свое имя, и остановилась лишь у входа в пещеру ее подруги, Лунного Лика, жившей на расстоянии часа от ее собственного жилища.

Показавшись на поляне, бежавшая девушка, по счастливой случайности, немедленно увидела свою подругу; та в это время после обеда наслаждалась ничегонеделанием, лениво вытянувшись, лежала на ложе из выющихся растений и сонливо посматривала на солнце, когда Быстрая Ножка выскочила из леса. Лунный Лик узнала своего друга, испустила радостный, дрожащий крик и опрометью, совершив не остерегаясь, спустилась на землю ее встретить. Быстрая Ножка не произносила ни слова; она стояла почти без дыханья, и Лунный Лик скорее донесла, чем довела ее до обычного места своих отдохновений; то был выложенный мхом раздвоенный корень дерева. Обе опустились на него, одна, истощенная пережитым страхом и усталостью, другая, вся поглощенная мучившим ее любопытством. Она была не в силах спокойно дожидаться, когда к подруге вернутся дыхание и способность говорить, и с криком нетерпения, требуя ответа, толкала и щипала Быструю Ножку. Это было не только великое, но даже величайшее событие в жизни Лунного Лика: перед ней был ее друг и диктатор, измученный и исполненный ужаса подобно слабому, загнанному лесному зверю. Это было чудо. Наконец Быстрая Ножка смогла говорить.

— Они боятся у подножия холма, — сказала она, и Лунный Лик сразу отгадала все происшествие, потому что она была не слепа, это создание с широким ртом.

— Почему же ты убежала? — спросила она.

— Я была очень испугана. Один из них теперь уже, наверное, мертв. Я рада, что сама осталась жива, — с трудом проговорила Быстрая Ножка. Девушка закрыла руками свое лицо, когда вспомнила искаженное страстью и смертельной ненавистью лицо Аба и бешеный взгляд Ока, когда он с такой силой схватил ее, что его пальцы оставили синие пятна на ее руках, гибкой талии и шее.

Теперь, чувствуя возвращение своих сил, Быстрая Ножка с трепетом стала передавать историю всего прошедшего, понемногу приходя в себя от спокойного, без следа испуга взора и успокоительных слов своей лишенной воображения, веселой и верной подруги. Она осталась гостить на ночь и следующее утро и домой отправилась в сопровождении Лунного Лика. Иногда к ней на этом пути возвращалось ее обычное настроение духа и даже отчасти ее беззаботное легкомыслие, но когда они достигли пещеры, отдохнули, поели, и когда она услышала свой рассказ из уст Лунного Лика, передававшей его Хильтопу и его двум сильным сыновьям, слушавшим с интересом, но без возбуждения, к ней вернулись дикая тревога, ужас и неизвестность, которые она впервые почувствовала, когда бежала от того, что ей казалось таким ужасным. Она выползла из пещеры, где остальные наслаждались прекрасным летним вечером, и дала знак одному из братьев следовать за ней. Взрослый юноша сделал это без всякого вопроса со своей стороны, потому что Быстрая Ножка почти с раннего детства была самым влиятельным лицом в семье, и даже сильный отец, вопреки нравам той эпохи, восхищался своей дочерью и уступал во всем, не стараясь доискаться причины этого. Высокий, хорошо вооруженный и готовый ко всему юноша присоединился к ней безропотно, и оба, подобно теням, исчезли в глубине леса.

Быстрая Ножка вела хозяйство в пещере своего отца Хильтопа, самого знаменитого охотника в этой области, еще молодого, несмотря на прожитые им годы, и отца двух мальчиков, представлявших прекрасные образчики лучших представителей человеческой расы того времени. Они были прекрасные мальчики, и это слабое создание, о котором они

заботились в пору ее детства, легко господствовало над ними, хотя в ту эпоху семейная привязанность была слабо развита, а рыцарство и совсем еще не существовало. Жена Хильтопа умерла два года тому назад, и ее место, повинувшись бессознательной силе, было занято Быстрой Ножкой. Некому было, кроме нее, нести обязанности хозяйки в этой защищенной скалами, пещере, на открытом всяким ветрам холме. За последнее время Хильтоп частенько об этом задумывался и посматривал на веселую, смуглую и хорошо откормленную подругу своей дочери, и сегодня он ее слушал не с тем вниманием, которого заслуживал рассказ. Случайная смерть, хотя это было убийство одного пещерного человека другим, не составляла события значительной важности. Он остался совершенно равнодушен к рассказу, но, слушая и разглядывая говорившую молодую девушку, постепенно поддавался мысли, появившейся, быть может, под влиянием инстинкта любви и заботы о домашнем очаге, что девушка ему могла быть прекрасной подругой и представляла лучшую партию во всей ближайшей окрестности. Мысль этого славного охотника, пользовавшегося всеобщим уважением в области лесистых холмов, всегда шла прямо к цели и, созрев, немедленно приводилась в исполнение. Несмотря на пятьдесят пять лет, его кровь еще не охладела и не замерзла в сильно выступавших жилах. Он немедленно приступил к исполнению задуманного плана. Чтобы никто не помешал, он приказал остававшемуся дома старшему сыну, Каменной Руке, сидевшему рядом на камне и слушавшему с раскрытым ртом рассказ Лунного Лика, присмотреть за братом и Быстрой Ножкой. «Могут встретиться хищные звери, и двое мужчин лучше одного», — сказал лукавый отец.

Юноша, более ловкий в отыскании следов, чем краснокожие индейцы или австралийцы нашего времени, скоро нашел тропинку, по которой направились его брат и Быстрая Ножка, и, присоединившись к ним и услышав их разговор, обрадовался, что был послан следовать за ними. Они торопились к долине. Деревья начинали отбрасывать уже длинные тени, когда втроем они пришли к крутому скату

холма, где взрытая земля, поломанные ветви и глубокие отпечатки ног ясно говорили о происходившей накануне борьбе. Но, кроме этих признаков, на одном конце этого поля битвы был слой желто-коричневых листьев, обитых дождем и плотно слежавшихся, на чистой поверхности которых виднелись следы, потускневшие, и из ярко-красных сделавшихся темно-малиновыми. Поверхность земли в этом месте была в беспорядке, и даже виднелась легкая впадина. Все трое поняли, что человек умер здесь, на этом месте.

Они стояли молча, не произнося ни слова; мужчины были удивлены, женщина же лишь наполовину понимала прошедшее; руководимая верным инстинктом, она, не колеблясь, без поисков, нашла место, где возвышалась искусственно насыпанная земля, под которой был погребен человек. Груда камней, наваленная на сырую землю, ясно говорила о прошедшем. Кто-то был здесь похоронен, но кто именно? Ок или Аб?

— Хочешь, я отрою? — сказал Каменная Рука, готовый приняться за работу, равно как и его старший брат Бранч (ветвь).

— Нет, нет, — закричала Быстрая Ножка. — Он лежит глубоко, и над ним тяжелые камни. Скоро будет темно, и прежде, чем мы успеем уйти, здесь появятся волки и гиены. Оставим все, как было. Мертвец погребен здесь тем, кто был его убийцей. Он еще вернется назад.

Юноши хранили молчание, и Быстрая Ножка направилась обратно домой.

Когда они вернулись в пещеру, солнце уже село. Что-то случилось в пещере, но нет нужды входить в подробности события. Хильтоп, отважный охотник, не был склонен на ласки, а Лунный Лик нельзя было назвать нервной молодой особой. Когда остальные члены семьи вернулись в пещеру, Лунный Лик уже водворилась в ней в роли хозяйки. Что касается ее семьи, то с этой стороны можно было не бояться мести. Девушка жила со стариком-отцом, которому она служила поддержкой, и он мог переселиться в пещеру Хильтопа, чтобы провести там последние дни своего беспокойного существования. Новый порядок вещей был немедленно уста-

новлен.

Быстрая Ножка была довольна. Неожиданная мачеха была ее верным и скромным другом, в отношении которой она, обладавшая духом господства, всегда играла руководящую роль и знала это, хотя сама преклонялась перед силой, как единственным законом того времени. Как бы то ни было, она знала, как идти своей дорогой. Она знала, что прекрасно уживется с Лунным Ликом, и ей даже понравилось, что другая молодая женщина неожиданно сделалась главой той пещеры, где она родилась и провела всю свою молодую жизнь. Когда девушки встретились и новое положение было коротко объяснено Хильтопом, то выражение их лиц заслуживало интереса. Тревога и надежда виднелись на лице Лунного Лика; внезапное удивление и негодование, за которыми следовало размышление — на лице Быстрой Ножки. После нескольких моментов задумчивости обе девушки радостно рассмеялись.

Рассказ о вновь найденной могиле произвел, впрочем, слабое впечатление на всех, и Быстрая Ножка была единственной, которая много думала об этом, но думала молча, про себя. Ее интересовал единственный вопрос: «Кто там лежит?» Остальные члены семьи не видели ничего странного в том, что один человек убил другого, и никто не думал о порицании или наказании убийцы. Иногда случалось, что на него сваливался неожиданно тяжелый камень или среди чащи его поражал удар каменного копья, но это дело было делом рук разъяренного отца или брата убитого, но ни в каком случае делом правосудия; и даже такая попытка возмездия не составляла правила.

Но в груди Быстрой Ножки на сердце лежала тяжесть, казавшаяся ей такой же тяжелой, как один из тех камней, что лежали поверх сырой земли над телом человека, убитого и зарытого за то, что осмеливался ее преследовать. Кто это был? Быть может, Аб? И всю эту ночь и много последовавших девушка беспокойно ворочалась на своей постели из листьев.

Что касается Лунного Лика, то кто может сказать, что думала эта плотная, обросшая волосами особа, когда семья

признала изменившийся порядок вещей и она вступила в отправление обязанностей хозяйки ее нового дома? Она по-прежнему была радостна и сияла. Но кто поручится, что в ней, при виде горящего взгляда и задумчивого лица Быстрой Ножки, не мелькнуло мысли о двух молодых людях, которые накануне встретились с такой силой и отвагой, невольно привлекавших к себе взоры девушек? Но она была теперь женой и принадлежала человеку совсем другого рода. Даже наиболее утонченные писатели эротических новелл еще не открыли, что думает молодая,правляющая медовый месяц женщина о своем старом муже. Как бы то ни было, Хильтоп был хорошим защитником семьи и великим мастером добывать пищу; да и, кроме того, это был сильный, прекрасно сложенный человек.

Быстрая Ножка теперь мало оставалась в пещере. Она проводила время или около нее, на открытой поляне, или в ближайшем лесу. Женский инстинкт подсказывал ей быть как можно меньше в пещере. Она знала, что кто-нибудь придет ее искать; но при этой мысли на нее находил ужасный страх. Кто это будет? Раз после обеда она его увидела.

Через открытую поляну в ближайшем к пещере лесу показалась бежавшая девушка и в одно мгновение была на вершине дерева. Дальше последовало нечто неожиданное. Немедленно за девушкой показался мужчина, вполне вооруженный, прямой, пылкий, готовый ко всему, с глазами, перебегавшими с предмета на предмет и напряженно исследовавшими всю поляну около пещеры Хильтопа. Это был Аб.

Девушка испустила радостный крик и, испугавшись звука собственного голоса, присела между листьев и ветвей. Ее радость не имела границ: она получила ответ на мучивший все время вопрос. То Ок, а не Аб, лежал в земле на скате холма. Этим моментом, когда она вся отдалась охватившей ее радости, воспользовался мужчина, быстро взобрался на дерево и сел на ветвь с ней рядом. Девушка на этот раз не бежала. Выражение ее лица было так красноречиво, что все сомнения Аба мгновенно рассеялись, и он теперь знал, что эта прекрасная девушка принадлежит ему. Они теперь переживали то счастье, которое посещает всех любовников, будь то

человек, птицы или животные, — и быстро пришли к решению. Он сказал ей, что она теперь же должна с ним идти, — сказал о ее новом жилище и о всем, что приготовил; но девушка, хорошо знакомая со всеми опасностями населенной дикими зверями области, где была ее новая пещера, казалась серьезно встревоженной. Тогда Аб рассказал ей о маленьких летающих копьях, сделанных для него старым Моком, и чудесном луке, посылающем их к намеченной цели, и девушка почувствовала себя не только успокоенной, но даже необычайно храброй и гордой своим доблестным возлюбленным.

Хильтоп вполне признавал силу и достоинства Аба, и потому последнему не пришлось прибегать к силе для поддержки своих притязаний. Молодая пара пришла вместе в пещеру, участвовала в общей еде, и позднее одетые в шкуры мужчина и женщина отправились вдвоем через лес. Их путешествие было продолжительно и требовало осторожности, пока им приходилось бежать по тропинкам опасной местности. Но наконец пещера была достигнута, как раз в то время, когда солнце сделалось багровым и на всем лежала розовая дымка.

Молча вышли они на открытую поляну, расстилавшуюся перед их будущим укреплением и жилищем. Вход был узок, а приваленный к нему камень — тяжел. Красивой спиралью вился дымок над тем местом, где еще тлел огонек, накануне разложенный Абом. Быстрая Ножка все оглядела и радостно засмеялась, хотя внутренне трепетала: теперь она отдавалась мужчине, и он ее привел в свое жилище. Что касается мужчины, то он радостно смотрел на девушку. Его пульс бился твердо. Он обвил ее своей рукой, и они вместе вошли в пещеру. Брак совершился, но без всяких церемоний.

Спустилась темнота; жарко горел огонь у входа в пещеру, а Быстрая Ножка и Аб были у себя дома.

Глава XXII

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Ярко светило солнце, пели птицы, и ели на далекое расстояние испускали утренний аромат, когда Аб и Быстрая Ножка показались из пещеры. Они вдоволь поели и теперь вышли радостные, сознавая себя владетелями окружавшего мира. До их слуха с реки смутно достигал гул птичьих голосов, листья шелестели от слабого ветерка, слышалось жужжание толпившихся в воздухе насекомых, и во всей природе ощущалась полнота и энергия жизни. Аб гордо нес новое оружие, жадно мечтая о любви и лестном для него восхищении молодой девушки, сгорая нетерпением показать могущество оружия и свою ловкость. В руке он держал ненатянутый лук, а за спиной висел колчан из мамонтовой кости. На обширной открытой площадке перед пещерой росли отдельные деревья, а приблизительно в двухстах шагах начинался лес. Недалеко от входа в пещеру через поляну лежал павший гигант хвойной породы с массой поломанных ветвей; его громадный ствол и толстые ветви понемногу, частями сгнивали и, высохнув, представляли обширный запас топлива, ценность которого признал Аб, когда выбирал место своего жилища. В конце маленькой, самой природой устроенной, поляны сел Аб на дерево; притянув к себе Быструю Ножку, посадил ее рядом и с энтузиазмом пустился в объяснение чудесных свойств изобретенного им оружия, которое было усовершенствовано им и старым Моком и представляло нечто поразительное по своим боевым качествам.

Возможно, что Быстрая Ножка не вникла, как следует, во все усердные объяснения молодого охотника. Она гордилась им, с любопытством дотрагивалась пальцем до стрел с острыми кремневыми наконечниками, но, казалось, была скорее заинтересована самим молодым охотником, чем его оружием. Но когда, наметив большой сук стоявшего поблизости дерева, он необыкновенно метко послал стрелу в эту

цель, и когда Быстрая Ножка, несмотря на все усилия, не могла вытащить стрелу обратно, она была поражена диким удивлением и восхищением и усиленно стала просить выучить ее употреблению нового оружия, которое, как она сразу признала, было так же убийственно и в более слабых руках. Переполненный радостью влюбленный, конечно, не меньше ее самой желал, чтобы она постигла это искусство. Он передал ей в руки лук с навязанной тетивой, перебросил через ее плечо костяной колчан, полный лучших стрел старого Мока, и прежде всего показал ей, как завертывать и натягивать тетиву. Ряд успехов и неудач сопровождался смехом веселой Быстрой Ножки. В конце концов Аб был недоволен качествами стрел, отобранных им для употребления Быстрой Ножки. Он достал одну из них, гибкую, со светлым кремневым наконечником, но что-то его не удовлетворяло в прикреплении этого наконечника. Вынув из кармана своей меховой одежды тонкий, из твердого камня скребок, он стал обделять конец стрелы, чтобы лучше его приспособить к шнуркам, удерживавшим наконечник, а Быстрая Ножка это время стояла с натянутым луком возле него. Устав держать оружие в руках, она занесла его через голову и повесила на плечо и теперь стояла с обеими свободными руками, а мужчина был занят работой, имея в своем распоряжении только кремневый нож и останавливаясь время от времени, чтобы посмотреть, с каким успехом закруглялась головка древка, сделанного из дерева твердой породы. Как раз в то время, когда он так держал у своих глаз стрелу, теперь вполне отвечавшую его идеалу, до слуха их обоих ясно донесся такой зловещий звук, что на один момент они были поражены тем припадком ужаса, когда и нервы и мускулы готовы потерять чувствительность и подвижность до полного столбняка. Совсем близко от них слышалось рычание, почти хрюканье громадного пещерного медведя!

Повинуясь инстинкту, развившемуся после целого ряда поколений, они бросились, независимо один от другого, к ближайшим деревьям и с бессознательной силой и быстрой, появляющейся даже у диких животных в минуту смертельной опасности, взобрались на вершины деревьев преж-

де, чем было произнесено хоть одно слово. Едва они покинули землю, как на открытой поляне появилось темно-коричневое волосатое животное, и следом за ним другое. Когда Аб и Быстрая Ножка высоко взобрались среди ветвей и взглянули вниз, они увидели поднявшиеся у основания каждого дерева фигуры чудовищ, голодное ворчание которых им было хорошо известно. Наши влюбленные, особенно мужчина, были виноваты в беспечности. Хотя он и хорошо знал, как была наполнена дикими зверями вся местность вокруг пещеры, но на короткое время забыл об этом и теперь должен был терпеть последствия своей беспечности.

Он и его жена были принуждены искать убежища на вершинах деревьев, в нескольких шагах от пещеры, где осталось все их оружие!

Лишь усевшись высоко на ветвях, они, испуганные, задохнувшись, оглянулись, чтобы узнать, спаслись ли они оба. Одного взгляда было достаточно, чтобы успокоиться за настоящее и встревожиться за будущее. Подобно своему более слабому и выродившемуся потомку, бурому медведю наших дней, пещерный медведь обладал большой настойчивостью, и Аб и Быстрая Ножка оба хорошо знали, что им придется выдержать продолжительную осаду. Деревья, на которых они нашли убежище, стояли хотя и близко к лесу, но не настолько, чтобы можно было в него перебраться с одной ветви на другую, — да и между этими деревьями было некоторое расстояние. Быстрая Ножка спаслась на ель, высоко поднимавшуюся над могучим буком, среди ветвей которого нашел спасение Аб; между концами ветвей этих деревьев было несколько аршин промежутка, прерывавшего путь всякому, кто захотел бы перебраться с высокой ели на буковое дерево.

Спрятавшиеся на деревьях человеческие существа были безоружны; в распоряжении Аба был только полный чудесных стрел колчан, висевший за его спиной, а поперек груди Быстрой Ножки виднелся сильный лук, шутя повешенный ею на себя. Скоро завязался очень серьезный разговор. Страстно желая присоединиться к тому созданию, которое ему теперь принадлежало, Аб был полуопомешан от ярости, да

и Быстрая Ножка была далека от ее обычной беспечной веселости. Напрасно ломали они головы, — удобного выхода не представлялось, а между тем, время шло утомительно долго — уже спустилась ночь. Положение было мучительно. И мужчина и женщина находились в одинаковой опасности: медведи были голодны и хорошо понимали безвыходное положение своих жертв. Расположившиеся внизу хищники не выказывали ни малейшего намерения удалиться от осажденной на деревьях добычи. Ночь темнела, и люди, посматривая вниз, видели блеск маленьких голодных глаз. Между мужем и женой завязался разговор, в котором сказывались взаимная заботливость и желание быть вместе, как это всегда было и будет в минуту опасности. Эти два человеческих создания, проведшие всю ночь на деревьях, почувствовали еще более сильную взаимную любовь; перекликаясь в темноте, они находили в этом некоторое утешение. Однако, время тянулось, и мускулы стали слабеть, утомленные таким продолжительным напряжением. Усталость туманила рассудок, почти одолевала их, и единственное, что давало им теперь силы, была любовь мужчины и женщины, всегда бывшая источником величайшей силы человека в минуты серьезной опасности. Они довольно бодро переносили испытание. Спать на деревьях представляло для них самую простую и обыкновенную вещь, конечно, при условии необходимых предосторожностей. Каждый из них сплел из свежего лыка веревки и привязал ими себя в том месте, где от ствола отходила толстая ветвь, — и оба спали, как спят усталые дети, пока природа-мать не разбудила их, своих детей. Проснувшись, Аб был озабочен более своей подруги, так как на нем лежала забота и о ней. Он жмурился от света и дивился на окружавшее, но внезапно очнулся. Он заботливо посмотрел на нежное смуглое создание, погруженное в сон и так тесно прижавшееся к дереву, к которому была привязано, что казалось частью его. Потом взглянул вниз и сразу сделался серьезен. Медведи были там! Посмотрев на ясное небо, на все окружавшее, вдохнув полной грудью благоухание леса, он почувствовал прилив сил и теперь знал, что нужно было делать. Он испустил громкий призыв.

Женщина проснулась в испуге; не будь привязана, она неминуемо упала бы. Постепенно она пришла к полному пониманию своего положения и начала кричать. Голод ее мучил, члены окоченели от веревок, а внизу ждала смерть. Но поблизости от нее был мужчина, и его голос постепенно ее успокоил. Теперь им овладела злость, почти бешенство. Он, владелец пещеры, такой же независимый и свободный, как и все ему известные люди, принужден был сидеть на дереве в то время, как его новобрачная была на другом, и мог лишь издалека смотреть на свою подругу, благодаря осаждавшим хищникам.

Он уже решил, что делать, и сообщал свой план жене, говоря с настойчивостью сильного мужчины, который пользовался авторитетом, но зато нес заботы о другом существе. Когда его сила и решимость, при помощи голоса, сообщились и ей, то она оправила свое скучное меховое платье, вытерла слезы и сделалась сравнительно спокойнее и рассудительнее.

Дерево, на котором Быстрая Ножка нашла убежище, имело множество длинных гибких ветвей, спускавшихся к гигантскому буку, где скрывался мужчина. Аб доказывал, что была возможность, правда, только слабая возможность, чтобы гибкая и стройная девушка, спустившись по одной из ветвей высокой ели, перелетела пространство между двумя деревьями и поместилась с ним на ветвях бука. Протянув сильные руки, чтобы схватить ее на лету, он обещал противостоять силе удара и удержать ее и, чтобы подкрепить свой план, он убеждал, что только таким путем они могли спастись, иначе их ждала голодная смерть; в случае же какого-либо несчастья при выполнении этого плана, им грозила страшная, но зато и быстрая смерть. В их распоряжении был только один исход, и нужно было попытаться им воспользоваться. Аб обратился к своей молодой жене:

— Спустись по ветви, висящей надо мною, раскачайся на ней, раскачайся сильнее и бросайся вниз. Я схвачу тебя и удержу. Я сильный.

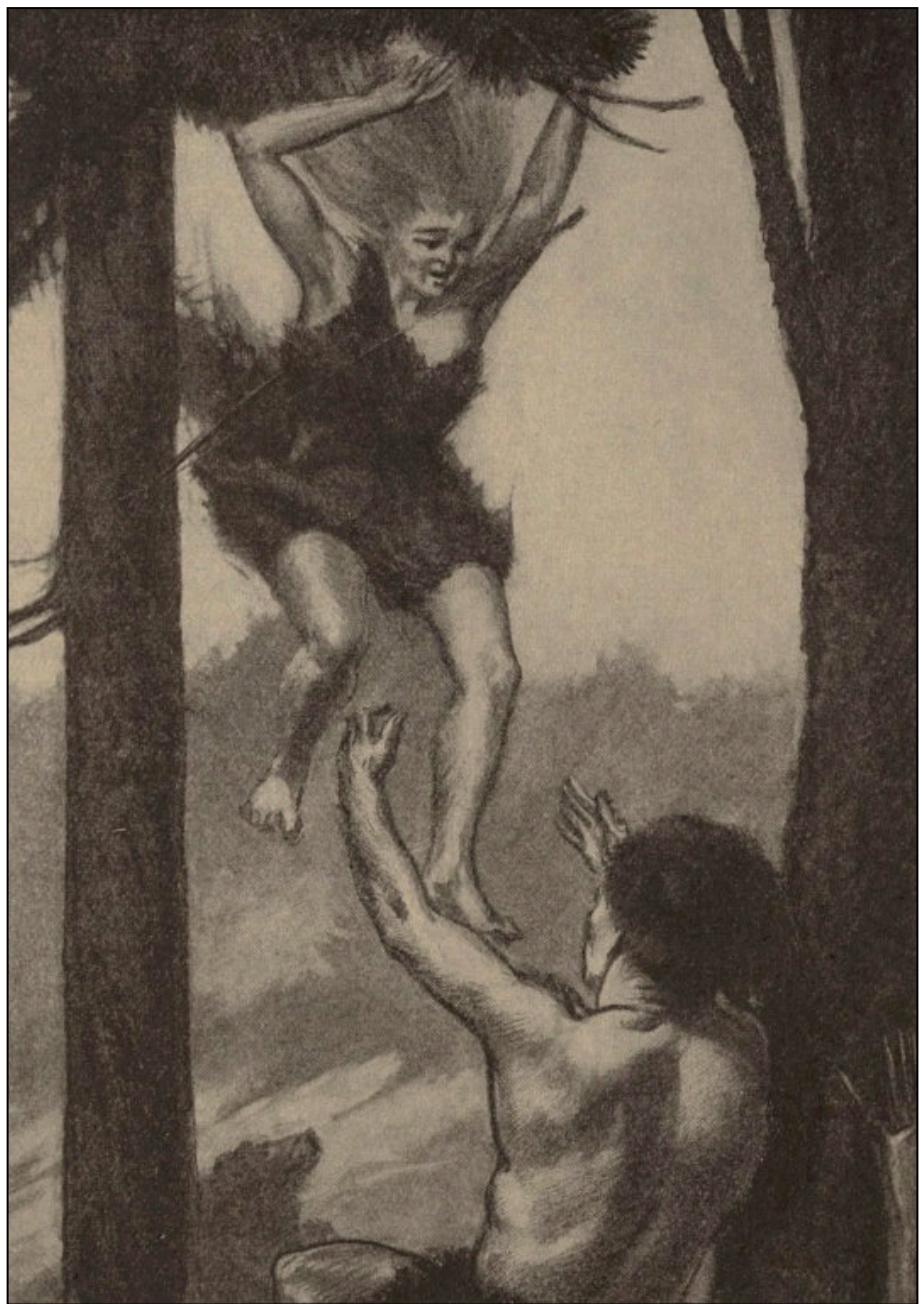
При всей своей вере в мужчину, женщина колебалась. Подобное дело требовало большой отваги и даже для той

эпохи и такого исключительного случая казалось рискованным. Но ее мучил холод; она была голодна и очень отважна. Спустившись по стволу, она достигла далеко протягивавшейся ветви и отсюда увидела Аба, сильными ногами обвившего поднимавшуюся вверх ветвь, к которой он прислонился телом, уверенно протянувшего к ней темные могущия руки и настойчиво устремившего на нее глаза, полные любви, ободрения и доли боязни. Крепко держась одной рукой за висевшую над ней ветвь, она сползла вдоль ветви, пока одни ее голые ноги не висели в воздухе, качаясь в нерешительности.

Теперь пришла очередь ей испытать свои нервы и веру в себя. Внезапно она остановилась, схватилась руками за ту ветвь, на которой лежала, повисла вниз на одних руках и, перебирая ими, спустилась почти к самому концу ветви и с силой стала раскачиваться взад и вперед. Теперь она, качаясь в воздухе, была на расстоянии нескольких аршин над Абом, а внизу в это время голодные медведи сошлились и смотрели вверх красными, горевшими ожиданием глазами, а из их пасти исходило смрадное дыхание. Момент был ужасный. Решалась судьба женщины; ее ждала или смерть от свирепых животных, или новый возврат к жизни. Она взглянула на Аба и с возродившейся отвагой приготовилась к великолепному усилию, которым должна была решиться ее судьба.

Она качалась взад и вперед при помощи гибких движений рук, все скорее и скорее и накопляя силу для полета, который приготовлялась сделать. Отчаяние и сознание своей силы придали ей отвагу, необходимую для выполнения отданной хриплым голосом команды Аба, который с вытянутыми, сильными руками, чувствуя на себе свирепые глаза голодных медведей внизу, подавался вперед и вверх по мере того, как увеличивался размах качания его подруги. С предупреждающим криком женщина отпустила ветвь и упала вниз и вперед, подобно летящей в цель стреле, представляя очень привлекательную картину при полете в воздухе, но значительную тяжесть для ловившего.

Аб был силен, но, когда девушка упала на его смуглые руки, что она сделала очень удачно, то он получил такой

толчок, что, сломись только поддерживавшая его ветвь, они оба упали бы на землю. Он ловко схватил ее, но от полученного сильного удара его откачнуло; могучим усилием мужчина удалось сохранить равновесие; весь потрясенный, он прижался спиной к ветви, от которой был почти оторван, и положил около себя только что схваченную женщину.

Несколько времени царило глубокое молчание между этими возлюбленными, только что избежавшими тяжелого положения; они глубоко дышали и искали опоры, сидя рядом на толстой ветви и чувствуя себя так же спокойно, как у себя в пещере. Они были измучены, но в то же время полны радости. На их привычные, крепкие нервы грозивший гибелью эпизод мог произвести лишь слабое и быстро проходившее впечатление. Так сидели они несколько минут, обвившись руками, еще с трудом переводя дыхание, и немногого спустя начали отрывисто смеяться, насколько этому позволяло затрудненное дыхание. Постепенно их торжествующий вид стал исчезать. Оба вернулись к обычному состоянию духа: лицо Аба вытянулось, его черты сделались определенее и приняли всегдашнее выражение. Он вполне овладел собой, но его настроение далеко не было радостным. Испустив грозный крик, гулко пронесшийся по лесу, он дико погрозил кулаком хищникам внизу и протянул руку к Быстрой Ножке за висевшим на ее плече луком.

Глава XXIII

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

(продолжение)

Смуглая, покрытая волосами (пушком) женщина сразу отгадала настроение мужа и его намерения, когда он таким образом закричал и снял тугой, висевший на ее плечах лук. Она видела, что ее господин был полон мести и горел желанием вступить в битву. Она знала, что теперь отношения

врагов, двух громадных внизу и двух слабейших на деревьях, благодаря случаю, изменились и притом не в пользу первых.

Немедленно лук висел на плечах Аба, и, повернувшись к женщине, этот молодой джентльмен засмеялся, обхватил ее одной рукой, несколько ближе прижал к себе и на момент приложил свою щеку к ее щеке, потом отклонил ее и снова засмеялся. В пещерную эпоху поцелуй, можно сказать, еще не создался, но уже существовали другие способы выражения ласки. Освободив ее, он весело, гортанным голосом сказал: «Следуй за мной», — и оба спустились по стволу дерева, пока не достигли самой нижней громадной ветви. Теперь они были от земли на расстоянии приблизительно трех саженей. Видя так близко свою добычу, голодные медведи, до тех пор терпеливо ждавшие, теперь дошли до крайнего возбуждения и бегали вокруг с открытыми пастьюми, полными слюны и пены, и с красными, горевшими глазами; стремясь добраться до своей добычи, которой так долго ждали и которая, по их соображениям, готова была упасть в их челюсти, они становились по временам на задние лапы так высоко, что грозили действительной опасностью. Им уже и раньше приходилось осаждать загнанных на деревья людей и потом их пожирать, когда те падали от истощения. Судя по их поступкам, можно было заключить, что медведи обладали логикой. Они не подозревали, что в распоряжении этих странных существ, мясо которых им случайно приходилось пробовать, были маленькие предметы, сделанные из дерева, сухожилий и кремневого наконечника, и благодаря которым изменились отношения двуногих и четвероногих охотников. Как могли они знать, что нечто маленькое и острое полетит сверху и ранит их так глубоко, что разрежет артерии и даже проникнет до самого сердца, ранит их насмерть? Много раньше хищников приводило в неописанное удивление ловко брошенное копье, но теперь им предстояло познакомиться с новым оружием.

Достигнув громадной, низко спускавшейся ветви, Аб и Быстрая Ножка на мгновение испугались и подобрали свои ноги, — но у мужчины это продолжалось лишь одно мгно-

вение: животные не могли до них достать, и при нем было смертоносное оружие. Выбрав лучшую стрелу, он заботливо приложил ее к тетиве и, подобно тому, как делала его мать много лет тому назад, спасши его от гиены, вытянул, насколько мог, одну ногу вниз и, дразня, стал махать ею как раз над крупнейшим из двух голодных зверей внизу. Разъяренное от голода и близости добычи чудовище громко ревело, поднималось на задние лапы и терзало кору своими сильными когтями, закинув назад громадную голову и глядя вверх на добычу, которая была так близко и которой, однако, оно не могло достать. Для человека было очень выгодно это положение, и Аб им немедленно воспользовался: он потянул назад стрелу, пока кремневый наконечник не остановился как раз у его вытянутой левой руки, причем тугое дерево лука трещало, сгинаясь под усилиями мускулистой руки, помедлил одно мгновение и отпустил стрелу. Враги были на таком близком расстоянии, что, не умея даже совсем стрелять, невозможно было промахнуться. Стрела вонзилась с такой силой, что насеквозд пробила громадную шею хищника, и кремневый наконечник показался на другой стороне ее. Внезапно медведь упал навзничь, снова поднялся и, ослепленный болью, схватился за стрелу громадными передними лапами; а в это время кровь струйками вырывалась из того места, откуда вышла стрела. Но вдруг медведь прекратил страшный, ужасающий рев и бросился к пещере. В нем заговорил тот инстинкт, повинуясь которому большие животные, чувствуя приближение смерти, ищут одиночества. Он кинулся к узкому входу пещеры, но его бегство не обратило внимания человеческой четы. Другой медведь — самка — стремилась достать их, обуреваемая дикой яростью, подобно ее пораженному самцу.

Когда пещерный человек только что начал учиться употреблению лука, редко ему удавались удары более счастливые, чем только что нанесенный Абом. Снова выбрал он лучшую стрелу, снова прицелился и выстрелил, но на этот раз стрела только углубилась в плечо и, легко ранив бесновавшееся животное, довела его до совершенного исступления. Лес был наполнен ревом метавшегося хищника; бросив-

шился на дерево, он яростно терзал его, отдирая громадные щепы. Невольно порадовалась наша чета, что дерево было достаточно толсто и представляло природную цитадель. Еще и еще посыпал Аб свои стрелы, и все-таки ему не удавалось задеть какой-нибудь важный орган ужасного животного, шкура которого была усеяна стрелами. Ему грозила неизбежная смерть, но, когда была выпущена последняя стрела, оно было так же разъярено и, по-видимому, так же сильно, как и раньше. Стрелок поглядел вниз, на медведя, с некоторым унынием, но без тени отчаяния; приходилось ждать, и он сообщил это Быстрой Ножке, причем эта благоразумная молодая подруга, с благовейным восхищением смотревшая вниз на происходившую сцену, не выказала ни малейшего неудовольствия при этом известии. Подвиг ее мужа, счастливого Бенедикта, произвел на нее величайшее впечатление; она чувствовала себя подобной королеве. Подобно Руфи, жившей несколько десятков тысячелетий позже, она могла бы сказать ему, что его народ стал ее народом, и его боги стали ее богами.

Наконец медведица несколько ослабла и уже не с прежней яростью терзала дерево; немного утих ее рев, разогнавший всех бывших поблизости зверей, избегавших, за исключением тигра, близкого соседства с пещерным медведем. Ее рев изменился в глухое рычание, и она шаталась на ходу. Наконец, собрав остаток сил, она бросилась в лес и, как только вошла под его покров, остановилась, зашаталась на месте и, мертвая, тяжело повалилась.

Ни одно движение хищника не миновало глаз Аба, хорошо изучившего образ действия раненых животных. Когда медведица повалилась на землю, Аб испустил крик радости и легко спустился на землю, обменявшись одним словом со следовавшей за ним подругой. Так приятно было снова почувствовать себя на земле. Аб топал ногами и вытягивал руки, а женщина танцевала по траве и радостно смеялась. Но это счастливое настроение продолжалось недолго. Аб бросился к пещере и, достигнув ее входа, испустил громкий крик ярости и отчаяния. Быстрая Ножка подбежала к нему и даже ей на этот раз изменил ее веселый смех, когда она

увидела причину замешательства и беспокойства, выражавшихся на физиономии мужа: из пещеры виднелась задняя часть туловища медведя. Животное, инстинктивно ища темного места, чтобы там умереть, заползло в проход пещеры, сдвинуло в нем несколько камней, положенных Абом, было крепко зажато и околело раньше, чем успело протащить свое громадное тело. Теперь человеческие существа были без крова и притом, истратив все стрелы, безоружны в такой местности, где малейшая прогулка по земле грозила немедленной смертью. Уже много часов прошло с тех пор, как они ели, и голод напоминал о себе. Ничего не было удивительного в том, что даже этот мужчина с закаленным сердцем впал в отчаяние.

Обстоятельства немедленно показали, что Аб имел основательные причины для беспокойства. На опушке леса, в том месте, где лежала мертвая медведица, слышалось жадное рычание, говорившее, что гиены уже нашли свою добычу, а издали доносилось завывание собиравшихся в стаю волков. На мгновение даже Аб, охваченный страхом, потерялся; женщина же потеряла всякую сообразительность. Но, привычный ко всякого рода опасностям, мужчина быстро оправился, прыгнул вперед, взамен оружия схватил крепкий сук и, повернувшись к женщине, произнес только одно слово: «Огня».

Быстрая Ножка сразу поняла, и жизнь снова вернулась к ней. Никто во всей окрестности не мог быстрее ее извлечь огонь. Ее опытный глаз быстро открыл необходимые куски дерева, причем более твердый и острый сук служил для трения по более мягкому, лежавшему на земле.

Верчение происходило с такой быстротой и ловкостью, что едва можно было заметить движения палки; пещерные люди были необыкновенно ловки во всех ручных работах, а мускулистая и выносливая Быстрая Ножка выделялась среди всех своим искусством. Держа наготове свою дубину, Аб осторожно приблизился к опушке леса, где лежало тело медведя, и остановился, когда мог видеть все происходившее. Четыре громадные гиены жадно рвали тело мертвого хищника, а сзади них, в глубине леса, собиралась

стая волков, что Аб узнал по светившимся глазам. После медведя, несомненно, та же участь грозила и безоружным людям. Их положение было отчаянное, но, даже лишенные оружия, они имели надежное средство защиты — огонь. Снова взбираться на вершины деревьев теперь было бы опасно: там их ждала голодная смерть. Бесшумно, без всяких резких движений, чтобы не привлечь внимания искрившихся вдали глаз, Аб двинулся обратно и, лишь приблизившись к Быстрой Ножке, оставил всякую осторожность и бешено принял ломать ветви громадного упавшего дерева и строить полукруглую ограду перед входом в пещеру; отчаяние и безвыходность положения удесятеряли его силы.

Все это время смутная женщина, сидя на земле, продолжала безостановочно вертеть в своих руках сук, и наконец поднялась тоненькая струйка дыма: продолжительное трение достигло своей цели. Опытный и сам в этом искусстве Аб подбежал к своей жене с гнилушками от лежавшего дерева, растер их в порошок между жесткими ладонями и осторожно насыпал сверху на ту точку, где увеличившийся жар произвел искорку, теперь почти сразу превратившуюся в маленький огонь. Остальное было просто, легко и понятно. Из маленького пламени, благодаря сухим веткам, образовалось большое, и тогда в нескольких местах была зажжена выстроенная Абом стена. Они были спасены, по крайней мере на время. Сзади возвышалась скала, в которой была вырыта пещера, а перед ними, почти совсем окружая, было кольцо огня, которое не смело перешагнуть ни одно животное. В одном конце около скал был оставлен промежуток, через который они могли пользоваться обширным запасом топлива, лежавшего готовым под руками и на безопасном расстоянии. Едва пламя распространилось вдоль легкого, сложенного из дров барьера, как весь лес огласился ужасным воем. Стая волков настолько увеличилась, что завязала битву с гиенами за остатки медвежьей туши.

Чувство страха покинуло новобрачную чету, а вместе с тем Аб вспомнил о своем голоде. «Здесь есть мясо, — сказал он, указывая на задние ноги заползшего медведя, — и здесь огонь. Теперь мы в безопасности; изжарим мясо и будем есть».

Свою маленькую речь этот новобрачный произнес с некоторой торжественностью. Но несколько мгновений спустя его настроение так изменилось, что он сразу оставил торжественное красноречие. Ощупывая у себя за поясом, он не нашел там своего кремневого ножа: очевидно, он его потерял, влезая на дерево; положил руку в карман и нашел только острый кремневый скребок, с помощью которого обделявал стрелы, хотя тот сперва не предназначался для такого употребления. Это было все, что ему оставалось от его оружия и инструментов. Но он готов был не жалеть усилий, готов был рвать или резать, и, засмеявшись, чтобы успокоить женщину, набросился на темную тушу животного. Даже при всей его силе, Абу было трудно проткнуть толстую кожу медведя инструментом, служившим скребком, а не ножом, и лишь после того, как он прорезал или, скорее, прорыл настолько, что мог запустить под кожу пальцы и отодрать часть шкуры, он смог добраться до мяса. Добившись этого, он, вооруженный скребком, принялся резать поперек волокон мяса, захватывая его в горсть сильными, впивавшимися пальцами и отдирая куски прочь. Женщина с длинной жердью в руках стояла, нетерпеливо дожидалась и, схватив на лету кусок мяса, как кусок мамонта в их первую встречу, насадила на жердь и сунула в огонь. Могло быть бояться, что обратно кусок был вытащен несколько недожаренным, но он исчез, а за ним последовали и другие куски прекрасного медвежьего мяса. Что сказал бы страдающий несварением желудка современный человек, глядя на количество мяса, поглощенного нашей прекрасной дамой при этих несколько исключительных обстоятельствах?

Кусок за куском отрывал Аб и бросал их жене, пока ее лицо не приняло более мирного выражения, и тогда он вспомнил, что еще сам не ел: желудок его сильно напоминал о себе. Оставив медведя и передав скребок Быстрой Ножке, он приказал ей приготовлять для него пищу так же, как он только что делал для нее. Женщина согласилась и с таким же успехом принялась за резание мяса, которое теперь ел мужчина. Частью насытившись и успокоившись, он разрешил ей вернуться к огню и возобновить еду. Он показал об-

разчик того, что можно было считать галантным, великодушным и рыцарским поведением для того времени: он немного позабылся о женщине.

Тоненькая струйка холодной воды стекала по скале у входа в пещеру; ею они утоляли свою жажду и снова принимались за еду. Тени удлинялись, и Аб несколько раз усиливал огонь. Из леса, почти кольцом окружавшего пещеру, доносились звуки звериных шагов, шелестевших опавшими листьями. Но человеческая чета внутри огненной ограды, утолившая голод, была довольна. Аб говорил своей жене: «Огонь будет удерживать хищников вдали. Я еще недавно бежал, преследуемый стаей волков, и был бы съеден, если бы не встретилось кольцо огня, подобное сделанному нами. Я его перескочил, и хищникам не удалось поймать меня. Но тот огонь происходит не от дерева; он исходит из расщелины в земле. Как-нибудь мы пойдем туда, и я тебе покажу этот необыкновенный огонь».

Женщина слушала, обрадованная, но наконец склонила голову и задремала; она лежала на спине, погруженная в глубокий сон. Аб смотрел на нее и задумался. Где была безопасность? Теперь один из них должен был бодрствовать, чтобы поддерживать огонь; пока ему не удастся войти в пещеру, до тех пор он безоружен, и только один огонь служил им защитой. В данный момент они в полной безопасности, имеют тепло и пищу, но им предстояло съесть громадного зверя, чтобы иметь надежное убежище.

Аб поддерживал огонь, светивший на далекое расстояние, а потом, наложив высоко топлива вокруг всей линии защиты, разбудил спавшую женщину и велел ей поддерживать яркий огонь, пока он будет спать в свою очередь. На такую женщину можно было положиться в затруднительном положении; она безропотно поднялась, чтобы сторожить. Из ближайшего леса доходило грозное рычание, и в темноте под деревьями блестали глаза. Там были голодные твари, и только огонь удерживал их нападения на людей. Женщина не чувствовала страха.

По прошествии нескольких часов мужчина проснулся и сменил женщину, немедленно погрузившуюся в сон. Наста-

ло утро, и лесные звуки частью замерли; но люди знали, что хищники еще бродили вблизи их пещеры. Единственное, что им было необходимо сделать как можно скорее, это проложить дорогу в пещеру.

Осколком кремня Аб разрезал громадное тело животного и складывал куски в маленькую красную кучку около огня; но животное было громадных размеров; пищи было в изобилии, и работа двигалась медленно вперед. Медовый месяц проходил в работе, потому что все время, когда один спал, другой был занят или поддерживанием спасительного огня, или разрезанием туши медведя. На второй день они ели еще охотно, но на шестой, можно смело допустить, что эта счастливая пара почувствовала некоторое охлаждение к медвежьему мясу.

Для них было безразлично, съесть тридцать перепелов в тридцать дней или, в случае необходимости, в два дня, но мясо того медведя, в котором им приходилось прорывать туннель, наконец стало терять привлекательный запах. Все эти надоедливые обстоятельства набросили тень на медовый месяц, но пришел день и час, когда большая часть медведя была или съедена, или отрезана и брошена прочь, и вот внезапно его голова и передняя часть повалились вперед, в пещеру, освободив проход. Аб и Быстрая Ножка вошли в свое жилище, один крича, а другая смеясь; мужчина снова вступил в обладание крепостью и оружием, а женщина — своим очагом и обязанностями.

Глава XXIV

НОВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ОГНЕННОЙ ДОЛИНЫ

Солнце ярко светило на следующее утро, когда Аб, вооруженный и осторожный, откатил от входа большой камень, прошел мимо курившегося костра и вышел на открытую поляну. За ночь исчезли все остатки громадного медведя; даже кости были утащены в лес кровожадными животны-

ми, кормившимися на этом месте в продолжение: истекшей ночи. Слышалось только пение птиц, и исчезли всякие следы врагов. Аб позвал Быструю Ножку, и оба углубились в лес, любящие и мужественные, но уже более осторожные в этой слишком оживленной местности.

Так началась семейная жизнь этой человеческой пары; она была, конечно, по-своему так же нежна, приятна и сладостна, как начало семейной жизни у любящих ее и умеющих ценить ее прелести людей нашего времени. Они были очень тесно связаны, как того требовали условия их существования. Они были единственными человеческими существами на пространстве нескольких квадратных миль. Семьи пещерного человека были совершенно независимы; каждая обладала собственной территорией и полагалась лишь на себя в добывании пищи. Наша чета не имела причины беспокоиться. Кто лучше них умел добывать свою ежедневную пищу?

Аб учил Быструю Ножку искусству обкалывать кремни и деликатной работе — отделке посредством обивки и трения, что давало более совершенные наконечники копий и стрел; и никогда не имел более понятливой ученицы. В то же время он продолжал ее учить употреблению нового оружия, и, как оказалось впоследствии, это был один из самых благоразумных поступков его жизни; вскоре же ученица была искуснее Аба в управлении луком, насколько то позволяла ее сила, которая была не из штучных; ее поющие стрелы были очень метки, хотя и не имели еще того оперения, которое появилось много столетий позже и благодаря которому они с еще большей меткостью стали долетать в цель. Быстрая Ножка, возвращаясь с охоты, приносила и куропаток, и тетеревов, и других птиц, служивших прекрасной пищей, и Аб был восхищен успехами своей подруги; даже в их общих охотах, когда появлялось некоторое соперничество, ее удача доставляла ему искреннее удовольствие. Как бы то ни было, стрела, вылетавшая из лука Быстрой Ножки, пела гораздо веселее, чем у ее мужа.

Также гораздо лучше Аба молодая женщина умела влезать на тонкие, гибкие ветви, где находились гнезда с вкус-

ными яйцами; она изучила весь окрестный лес, хотя всегда боялась быть в нем одной, и нашла богатые орехами деревья, а из тины на берегу реки длинными привычными пальцами своей ноги доставала раковины, служившие прекрасной пищей.

Оставляя свою пещеру, охотник всегда чувствовал страх. Среди дня в ближайшем лесу слышался шорох листьев; когда день проходил, звуки кравшихся шагов слышались на лугу, у загороженного входа в пещеру, а ночью, через узкое отверстие между наваленными стоймя камнями, сидевшие внутри люди могли видеть горящие, жадные глаза и слышать рычание и вой при встрече бродивших вокруг зверей. Но наша чета была хорошо защищена и мало беспокоилась о таившейся в темноте опасности. Утром бесследно исчезали все бродившие хищники; однако, они выжидали где-нибудь поблизости, и Аб и Быстрая Ножка были принуждены соблюдать величайшую осторожность.

Быть может, присутствие постоянной опасности и было причиной тесного сближения этой пары; иначе и не могло быть у этих человеческих существ, таким образом связанных, изолированных и господствовавших над остальными животными, часть которых стремилась завладеть их жизнью; иначе и не могло быть, если они хотели добиться мирной семейной жизни. Они сделались необыкновенно любящей четой, насколько то грубое время позволяло развиться чувству любви. Несмотря на утомительную необходимость быть постоянно настороже вследствие окружавшей опасности, они чувствовали себя очень счастливыми. Но наступил день, когда и их отношения изменились, и в них замешались взаимные оскорблении и обиды.

Ок, наружно забытый обоими, однако, вспоминался Абом, хотя последний никогда об этом не говорил. Иногда ночью он приподнимался на постели и бормотал во сне, и чаще всего в этих беспокойных сновидениях слышалось одно слово: имя Ока. В начале ее замужней жизни Быстрая Ножка, которую почти не затрагивало это воспоминание о малоизвестном ей человеке, внезапно прервала молчание вопросом: «Где теперь Ок?» Ответа не было, но взгляд мужчины

был так красноречив, что она была рада удалиться без всякого вреда для себя. Но несколько месяцев спустя она забылась и стала смеяться над Абом, хваставшимся каким-то подвигом силы и отваги, как доказательствами своего полного бесстрашения. Чтобы подразнить мужчину, она вскочила, исказив страдальчески лицо и уставившись глазами в одну точку, всплеснула руками и закричала: «Ок, Ок», что делал, как она видела, по ночам Аб. Ее поддельный ужас мгновенно перешел в настоящий. Содрогаясь всем телом, с метавшими искры глазами, мужчина бросился к ней и, выхватив из-за пояса большой топор, размахивал им над головой. Женщина вскрикнула и присела к земле. Мужчина продолжал вертеть оружие в воздухе, но вот его лицо передернулось, и рука остановилась. Быть может, у него в это время мелькнула мысль о том, что последовало бы за смертью так тесно связанного с ним существа. Смертельный удар не был нанесен, но с тех пор Быстрая Ножка никогда не производила вслух имени Ока; с тех пор она стала сдержаннее и серьезнее.

Этот эпизод в их жизни хотя и прошел бесследно, но не был ими забыт. Месяц за месяцем время бежало, и дни заканчивались спокойными вечерами, когда при огне они занимались изготовлением оружия и Быстрая Ножка хвасталась своим искусством изготавливать наконечники стрел. Иногда сильный Барк, превратившийся в прекрасного юношу, мечтавшего лишь о том, чтобы заслужить уважение старшего брата, поднимался на веслах вверх по реке и привозил старого Мока. Между Быстрой Ножкой и стариком, к великому удовольствию Аба, зародилась и постепенно крепла самая искренняя дружба. Старик учил молодую женщину многим тонкостям изготовления стрел и всему, что знал о жизни среди леса, и скоро хозяину пещеры приходилось выслушивать мнения его жены, высказывавшиеся с необыкновенно важным видом знания и авторитета. Все, что он слышал от нее или старого Мока, ему нравилось и, когда женщина пускалась в объяснения какой-нибудь тонкости в изделии стрел, то он раскидывал свои дюжие руки и от души смеялся.

Но наступил день, когда на лицо мужчины легла тень. Последний случай с именем Ока снова оживил и обострил воспоминание об Огненной долине, где он нашел и безопасность и все удобства.

Почему бы ему и Быстрой Ножке не перенести туда свое жилище? Это был чудный, теплый уголок земли, и лес был совсем близко, под рукой. Эта серьезная мысль настолько поглотила все его внимание, что даже жена не могла понять этого настроения, и наконец он высказал задуманное им намерение:

— Я отправляюсь в Огненную долину.

Вооруженный на этот раз копьем, топором и луком и с обильным запасом пищи в кармане своей меховой одежды, Аб оставил пещеру, в которой Быстрая Ножка теперь должна была проводить большую часть времени; теперь пещера была хорошо забаррикадирована, и Быстрая Ножка не могла и думать отходить далеко от нее на охоту. Легко угадать, какие мысли посетили мужчину, когда он снова проходил по тем дорожкам, где раньше бежал, обремененный мучительными думами. С тех пор он еще ничего не узнал об Оке.

Оставшись одна в пещере, Быстрая Ножка сразу сделалась самым скромным и заботливым созданием, насколько это позволял ее шаловливый и смелый темперамент. Она часто рисковала со времени своего замужества, но всегда была уверена, что ее сильный муж, Аб, находится на расстоянии голоса и в случае серьезной опасности поспешит на ее зов. Теперь же она оставалась вблизи пещеры и, когда наступали сумерки, складывала на свое место каменный барьера и в проходе разжигала ночной костер. По обыкновению, злобно фыркая, у входа появлялись голодные и кровожадные звери и, когда женщина осмеливалась выглянуть наружу, то видела злые, мигавшие глаза. Одна и немного встревоженная, она была мстительнее, чем обычно, когда видела около себя громадного беспечного Аба, и усердно занималась стрельбой из лука. Выгода этого оружия заключалась в том, что для пускания стрел не нужно того пространства, которое необходимо для размаха копьем, —

достаточно отверстия бойницы для ее полета. Быстрая Ножка приносила свой новый лук, уже несравненно лучший сравнительно с тем грубым оружием, которое первоначально было для нее сделано Абом, брала пук стрел, которые она теперь выучилась хорошо делать и пускать в цель, и, таким образом вооруженная, подходила ко входу пещеры и через промежуток между загораживавшими его камнями посыпала стрелы в светившиеся глаза волка или пещерной гиены, которые были еще непривычны к этому опасному оружию. Вообще, действовать луком было очень удобно, хотя и не изменяло нисколько ее положения; самое большее, ей удавалось отогнать светившиеся глаза.

Снова Аб был в Огненной долине; он нашел ее такой же удобной и свободной от хищников, как в тот раз, когда перескочил через кольцо огня, спасая свою жизнь. Взобравшись вверх по ручью, он прошел по его берегам, покрытым, вследствие окружавшей теплоты, зеленою травой, и изучил все свойства этой защищенной самой природой долины. «Я поселюсь здесь, — сказал он себе, — и Быстрая Ножка придет сюда со мной».

Он вернулся домой к своей одинокой подруге и рассказал ей об Огненной долине. Сказал ей, что там они будут безопаснее и счастливее; сказал ей, что нашел впадину над скалой, которую можно было расширить в пещеру, чтобы там скрываться в случае опасности. В этой долине они могли обойтись и без пещеры, но могли ее иметь, если хотели. И Быстрая Ножка была рада переселению.

Они собрали свое достояние и снова отправились в далекий путь, только что перед тем исполненный Абом; но это второе путешествие сильно отличалось от первого. Он был в полном вооружении; с ним была его жена, и начиналась новая жизнь, которая, как он надеялся, будет счастливой. Быстрая Ножка мужественно несла свою ношу и не теряла обычной веселости. Несмотря на то, что она чувствовала себя счастливой и в пещере среди леса, но всегда настаивала на существовании некоторых неудобств этого жилища, с чем наконец согласился и ее не знавший страха муж. Вообще неприятно жить в такой местности, где, как скоро вы

оставляете ваш очаг, вас ожидает какой-нибудь неприятный и возбуждающий нервы эпизод, а тем более, если может грозить опасность попасть в желудок какого-нибудь крупного хищника. Быстрая Ножка с большой охотой согласилась переселиться в Огненную долину, о которой ей так часто говорил муж; она была отважная женщина, но жизнь в пещере среди леса была слишком опасна.

Путешествие было совершено без всяких особенных событий. Они достигли Огненной долины при наступлении: ночи и, утомленные, с трудом поднялись по тропинке около речки, которая выходила из долины на западном конце. Когда они вышли на верхнюю площадку, то сбросили с плеч свой груз, и женщина, окинув глазами прекрасную картину, радостно вздохнула и вскрикнула: «И это наш дом!» Они поели и улеглись спать в светлом и теплом кольце окружавших огней, а когда пришел день, занялись расширением будущей пещеры. Хотя они работали с прежней ревностью, но теперь уже меньше заботились об убежище. Пещера давала безопасность и защиту от холода, но и то и другое они имели вне пещеры, под чистым небом. Началась новая и прекрасная жизнь. Иногда счастливая женщина чувствовала некоторое утомление во время работы, и вскоре после поселения в новом жилище у них родилось дитя, сын, плотный и сильный, который потом был назван маленьким Моком.

Глава XXV

БОЛЬШОЙ ШАГ ВПЕРЕД

Теперь для Аба и Быстрой Ножки настало то спокойствие, которое сопутствует плодотворному труду человека; опасности так уменьшились, и борьба за существование так облегчилась, что жизнь в этой прекрасной долине приобрела для них большую привлекательность. Уже в скором времени они не были одинокими. Места для поселения было

много, и первым переселился старый Мок, чувствуя себя спокойнее около Аба, который заменял ему сына. Для него была вырыта отдельная пещера, где, занятый вырезыванием фигур и приготовлением стрел и копий, он чувствовал себя счастливым на склоне лет. Скоро образовалась цеплая община. Вся семья Одного Уха, Красное Пятно, Барк, Буковый Листочек и другие, более младшие члены семьи, пришли и поселились в другой пещере; тогда Хильтоп поддался убеждениям последовать этому примеру и пришел с Лунным Ликом, Бранчем и Каменной Рукой, своими могучими сыновьями, и основавшаяся таким образом община, защищенная самой природой, не боялась никаких случайностей. Вскоре уже ясно почувствовалась выгода ежедневных общих совещаний, и, под влиянием новых условий, жизнь стала складываться иначе. В расстоянии одной версты от долины, речка делала закругление и вливалась в большую реку, на которой во множестве водились дикие птицы, а воды которой были богаты рыбой; лес изобиловал дичью, орехами и плодами; дикие пчелы летали над цветами на открытых полянах, а в дуплах сухих деревьев или расщелинах скал находились склады дикого меда. В числе других достоинств, Быстрая Ножка обладала необыкновенным уменьем собирать мед благодаря ловкости в лазании и поощряемая к тому склонностью к лакомству. Обыкновенно в этих случаях ее сопровождали Барк или Лунный Лик, и они приносили из подобных экспедиций большие запасы этой приятной для вкуса добычи. Годы проходили; община численно разрасталась, а члены ее делались разумнее, благодаря накоплявшемуся опыту. Хотя старый Мок по-прежнему знал все планы Аба, но главным товарищем последнего из всех мужчин сделался стойкий Хильтоп, достойный спутник на охоте. Представляя собой в совокупности значительную силу и имея двух таких руководителей, община отваживалась на борьбу с самыми опасными животными, число которых постепенно так уменьшилось, что даже дети осмеливались выходить за каменные барьеры, сложенные в тех местах, где прерывался огненный круг. С северной стороны была возведена высокая каменная стена, а

вдоль речки долина защищалась не менее действительно, хотя иным способом. В долине наступило счастливое время.

Вначале все поселились в пещерах, вырытых в мягкой каменной породе береговых скал; никто из пришедших в новое убежище не мог спать в ярком свете никогда не угасавших огней. Но раз случилось, среди лета, что Аб, утомленный жарой внутри пещеры, построил себе с женой убежище снаружи из длинных ветвей, прислоненных наклонно к скале и покрытых пластами коры. Так был построен первый дом. Жилище было признано настолько удобным, что другие жители долины немедленно воспользовались этим примером, и вскоре в долине показался целый ряд шалашей вдоль подошвы нависшей скалы. Когда пришла короткая, но холодная зима, никто не вернулся в пещеры, но сделали теплее свои шалаши, обложив их снаружи корой и шкурами; пещеры же были окончательно заброшены, за одним лишь исключением: старый Мок не хотел оставить своего теплого жилища и во весь остаток жизни не покидал своей норы.

Иногда в долине появлялись друзья молодого поколения, и таким образом община то увеличивалась, то уменьшалась, но ничто не могло изменить независимости скитальческих привычек пещерного человека. Вскоре появились дети; особенно ими была богата дородная Лунный Лик, и ребятишки красивой группой весело играли, лазили по берегу реки и отважно дрались между собой, как это было в обыкновении у пещерных детей. Главы семей находились в дружеских, но независимых отношениях. Обыкновенно все жили, не обращая внимания на соседей, но, когда принималась большая охота или угрожала какая-нибудь общая опасность, члены общины собирались и бились вместе, иногда под молчаливо признанным предводительством Аба. Население увеличивалось и тем, что молодые люди приводили с собой жен из окружающих местностей.

Область усовершенствований и улучшений расширилась. Местность вокруг Огненной долины сделалась безопасной. Рев пещерного тигра слышался гораздо реже, на расстоянии нескольких верст от пылающих огней густозасе-

ленной долины. Между дикарями завязались такие отношения, которые почти создали торговую систему; из разных отдаленных и дотоле неизвестных частей страны приходили в Огненную долину другие пещерные жители и приносили с собой меха, кремни и бивни для резьбы, страстно желая получить новое оружие или познакомиться с его употреблением. Аб первым вступил в обмен, и остальные последовали за ним. Таким путем пещерные жители получали первые уроки повиновения, хотя слабого и наполовину бессознательного, что составляет первую необходимость в общине, еще лишенной юридических законов и даже неписанных законов обычая.

Постоянно вертаясь в ожидании костей между детьми и зачастую получая от них потасовки, бегали в числе двух-трех десятков серые четвероногие животные, которым было суждено сыграть роль в человеческом движении вперед. Это были еще волки и, однако, уже не прежние волки. Они уже выучились следовать за человеком, но еще не были достаточно понятливы или обучены, чтобы помогать ему на охоте. Эти четвероногие создания были будущие собаки, преданнейшие друзья человека позднейшего времени, потомки тех четырех волчат, что были похищены Абом и Оком из логовищ много лет тому назад.

Жизнь в большой компании действовала смягчающим образом на детей, хотя они были так же дики, как и их сверстники, выросшие в отдельных пещерах. Среди них, живших теперь одной тесной кучкой, развивались и понятливость и смышленость, хотя родители оказывали им так же мало внимания, как и их предшественникам. У Аба после маленького Мока появились еще два сильных сына, Олень и Меткий Глаз, очень похожие на него в юности; но он их мало видел, пока они не сделались полезными в домашнем хозяйстве и на охоте. Быстрая Ножка смотрела за ними очень внимательно, и, несмотря на многочисленные домашние заботы, у нее всегда находились для них и ласка и заботливость. Такова же была и Лунный Лик, напоминая собой и своим многочисленным потомством заботливую наследку с цыплятами. Так же заботились о своих детях все ма-

тери Огненной долины, руководимые в этом живым инстинктом, хотя им в то же время, почти наравне с мужчинами, приходилось и охотиться, и ловить рыбу, и наталкиваться на другие, иногда опасные приключения, вносявшие разнообразие в их замкнутую семейную жизнь.

В этой, так необыкновенно основавшейся общине появились новые приемы в изготовлении некоторых предметов, что сильно повлияло на склад человеческой жизни, создало переворот, уступавший разве только перевороту, произведенному появлением лука, и которого, однако, не признают даже ученые исследователи, хотя перед их глазами совершились общественные перевороты, быстро последовавшие за появлением пара и, позднее, электричества. Они выражают удивление по поводу пробела, существующего между так наз. палеолитическим каменным веком, когда оружие было из грубо оббитого кремня, и так наз. неолитическим каменным веком, когда оружие делалось из полированных, с ровными краями камней. На самом деле никакого пробела не существовало. Палеолитический век перешел в неолитический с такой же быстротой, как век пользования лошадиной силой изменился в век пара и электричества, конечно, принимая во внимание, что распространение знания в те времена, когда люди жили так разбросанно, совершалось гораздо медленнее, во сто раз медленнее по сравнению с нашей эпохой.

Случилось, что Аб с ворчанием вошел в пещеру старого Мока. Он сказал: «Я пустил стрелу в большого оленя; я был близко и стрелял изо всех сил, но животное убежало, и найти его доставило немало хлопот. Когда я вытащил стрелу, то по следам крови увидел, что она вошла меньше, чем наполовину. Я оглядел наконечник стрелы и на одной стороне его нашел выступ. Разве может быть охота удачной с такими плохими стрелами? Разве ты устарел и не можешь сделать хорошее оружие, старый Мок?» — добавил несколько разговарившийся Аб.

Старый Мок ничего не ответил, но по уходе Аба долго и глубоко думал. Конечно, Аб должен иметь хорошие стрелы. Но каким путем их улучшить? На следующее утро хромой

старик бродил по берегу речки, в том месте, где она выбегала из долины, и весь берег был усеян множеством гладко обточенных камней. Много раз старый Мок нагибался над водой и во что-то задумчиво всматривался. Он заметил небольшой песчаниковый камень, о который терлись другие камни, более твердых пород, вытащил его из воды и отнес к себе в пещеру. Потом, налив немного воды в углубление на верхней его плоскости, выбрал лучший наконечник стрелы и стал им тереть по мокрому песчанику. Кремень и песчаник — камни разной породы и разной твердости, и потому работа хотя была не из легких, но все же постепенно стали показываться и результаты. Оббитый неровно наконечник стрелы делался все гладже и гладже, и после двухдневной утомительной работы, прерывавшейся только сном, старый Мок изготовил Абу наконечник стрелы, совершенно гладкий и с необыкновенно острыми краями, исполненный с невиданным дотоле совершенством. И спустя немногого лет, конечно, относительно немногого, полированное оружие сделалось общим достоянием пещерных людей. Кончился палеолитический век оббитого камня и начался неолитический — полированного камня. Никакого промежутка между ними не существовало, и один быстро перешел в другой. Быстрое и всеобщее усвоение нового открытия было необходимым проявлением предприимчивости и здравого смысла пещерного человека.

Но улучшения в добывании средств не ограничились только изобретениями лука и полировки камня, хотя, без сомнения, это были величайшие открытия своего времени. Рыбаки, отправлявшиеся на реку, были недовольны своими неуклюжими лодками в виде плотов, и со временем узнали, что выдолбленное бревно может держаться на поверхности воды; при помощи же огня и каменного топора выдолбить толстое бревно не представляло особых затруднений. И ни финикийские строители кораблей, ни Фултон, ни современные строители громадных кораблей не стояли так высоко в мнении своих почитателей, как первый мастер этих грубых судов, по неуклюжести напоминавших гиппопотамов; теперь человек имел возможность выплы-

вать в глубокие воды и там ловить рыбу удочкой или багрить.

И племя рыбаков обзавелось лучшим оружием: обтацивали каменными ножами костяные крючки, с которых уже не так часто срывалась рыба. Со временем научились плетению грубых сетей из крепкой болотной травы, которые, несмотря на простоту устройства, годились для назначеннной цели и до некоторой степени уменьшали суровость великого вопроса добывания пищи.

Глава XXVI

БОРЬБА С ТИГРОМ

Однажды утром в Огненной долине через широкое отверстие в стене показался задыхавшийся от быстрого бега человек. Его меховая одежда была разорвана и сидела на нем в беспорядке; еще издали, когда он колеблющимся шагом спускался вниз по тропинке, можно было видеть, что у него лицо и руки были ранены, а на одной ноге, сбоку, виднелась запекшаяся струйка крови. Прибежавший был так истощен от ран и от бега, что сперва невозможно было понять его речь. На все вопросы тех из жителей долины, которые видели его появление и поспешили к нему навстречу, он требовал Аба, который не замедлил прийти. С трудом переводя дыхание, раненый мог только произнести: «Большой тигр...», покачнулся вперед и, потеряв сознание, упал. Но достаточно было и этих слов, чтобы все немедленно бросились к входу в долину; и вскоре на этом месте поднималась стена, сложенная из заранее заготовленных камней и настолько высокая, что животное не могло бы ее перескочить. Несколько позже, пришедший в сознание и подкрепившийся вестник рассказал подробнее и связнее принесенное им известие. Он потерял много крови и ослаб, но уже был в состоянии рассказать о появлении ужасного хищника в селении рыбаков.

Предыдущий день был счастлив для рыбаков; они наловили много рыбы, набрали съедобных раковин и морских черепах и убили гиппопотама; вечером, когда спустилась темнота, они решили отпраздновать свою удачу, и к полночи собралось громадное и необыкновенно шумное общество. Племя рыбаков отличалось дружелюбием, было счастливо и наслаждалось благополучием, и хотя их жизнь была также не свободна от опасности на воде и на суше, но это не мешало селению рыбаков, расположившемуся по берегу речки, все разрастаться, а вместе с ним постоянно увеличивались и къеккен-мединги (кухонные отбросы), тянувшиеся далеко вверх и вниз по течению маленькой речки, притока большой реки, и далеко в ширину к лесу, который оканчивался у холмов. Они и не думали об опасностях, угрожавших им со стороны леса; но теперь оттуда появился хищник, повергший в ужас все селение.

Рыбаки были на лугу против линии своих неглубоких пещер, и один из них, певец и рассказчик историй, громко пел о богатой добыче истекшего дня, как вдруг послышался голодный рев, а в ответ ему пронзительный крик всего собрания, мужчин и женщин, еще не потерявших от страха голоса, и в их толпу прыгнул пещерный тигр. Быть может, тому были причиной звуки пения или поза певца, но тигр обратил внимание на него первым, схватил его, легко прыгнул обратно на поляну за пещерами и оттуда большими скачками быстро скрылся в темноте ближайшего леса.

После момента благоговейного ужаса к бравым рыбакам вернулся дух мужества; они немедленно бросились за оружием и пустились преследовать хищника; животное, обремененное добычей, не могло делать больших прыжков, и его следы, хотя и с трудом, все же можно было найти. Им пришлось пройти не больше двух верст, но на это потребовались целые часы, и уже на рассвете они нашли остатки тела певца.

В это время в лесу послышалось рычание, грозившее смертельной опасностью. Вся толпа обратилась в неудержимое бегство; после совещания было решено просить помощи, и один из рыбаков, случайно раненый тигром при его пер-

вом прыжке, был отправлен в Огненную долину. Прибывший гонец был так измучен, что Аб, отложив всякие объяснения, велел позаботиться о нем, а также и залечить его глубокие рубцы. Всю ночь великий предводитель пещерных людей был погружен в глубокую думу. Как бы то ни было, чудовище необходимо было уничтожить!

Но мало было задумать, нужно было еще осуществить задуманное, а пока тигр был жив! Вся жизнь той местности изменилась; по всему лесу слышалось предостерегающее «Ш-ш...» Внимание всех животных было сосредоточено на одном; присутствие тигра довело их нервы до крайнего напряжения.

Даже большой пещерный медведь торопился отойти в сторону, когда до него доходил запах страшного животного. Зубры и буйволы, громадный лось, северный олень и другие более мелкие рогатые животные дико бежали, когда зараженный воздух доносил весть об угрожающем хищнике. Только большой носорог и мамонт не покидали своих пастищ, но и они были в страхе за своих детенышей, когда чувствовали приближение тигра. Носорог был настороже, свирепый и грозный, закрывая детеныша своим туловищем, а мамонты кольцом окружали свое молодое поколение и выставляли наружу свои бивни навстречу бродившему поблизости хищнику. Кругом царил ужас. Лес, по-видимому, сделался совсем безжизненным; почти замолкли и вой и рычание; прекратились игры диких созданий; листва перестали шуршать, и не слышно было звука шагов на лесных тропинках. С появлением тигра все было объято страхом и молчанием.

Подкрепившийся пищей и сном гонец, появиввшись на другое утро перед Абом, подробно рассказал о произошедшем; он получил короткий ответ: «Мы пойдем с тобой на помошь твоему народу. Необходимо убить тигра!»

До этого случая человек редко выступал на охоту против огромного пещерного тигра! Иногда, вынужденный защищаться, он вступал в страшную борьбу, но никогда не отваживался на нее добровольно: так много при этом было шансов против него. Теперь роли менялись, и преследуемый

превращался в преследователя. Необходимо было запастись мужеством. Полный мстительного чувства, раненый гонец посмотрел на Аба мрачным, полным восхищения взглядом. «И вы не боитесь?» — произнес он. В долине поднялись хлопоты, и вскоре около дюжины сильных мужчин, вооруженных луками и копьями, пустились в путь по направлению к селению рыбаков. Оно было достигнуто к полудню, и когда маленький отряд показался из леса, то до него донесся печальный вопль. «Тигр приходил опять!» — воскликнул гонец.

Действительно, он снова посетил селение! С оглушительным ревом он еще раз ворвался туда и похитил другую жертву, на этот раз женщину, жену одного из предводителей. Пораженные ужасом, рыбаки на этот раз не осмелились преследовать громадного хищника в темноте. Но утром они уже набрались смелости, пошли по следам и увидели, что остатки тела женщины лежали почти там же, где на кануне были остатки от первого пира: все это было почти повторением первой трагедии.

Маленький отряд обитателей Огненной долины вошел в селение и был встречен приветствиями со стороны мужчин, тогда как из группы женщин раздавались горестные вопли отчаяния. Теперь около хижин собралось столько народа, как никогда еще прежде, и с одного взгляда Аб различил в толпе пришедших с востока пещерных жителей, — сильный народ, принадлежавший к его племени. В то время, как раненый гонец направился к западу, другой был послан на восток звать на помощь других соседей, и восточные пещерные люди под предводительством могучего смуглого мужа по прозвищу Борфес (кабан) появились узнать положение дел и, если необходимо, оказать помощь. Между восточным и западным племенами пещерных людей хотя и не было открытой неприязни, но были еще свежи воспоминания о прошлых битвах отдельных семей. Но Аб и Борфес встретились очень радушно и без всякого следа враждебности. Борфес охотно согласился принять участие в собранном совещании и дал слово разделить со всеми опасности страшной охоты, и, конечно, никто не отказался

бы от помощи этих мужественных людей.

Собравшиеся охотники отправились к тому месту, где поперек лесной тропинки лежали остатки тела женщины. Достигнув его, отряд собрался и выставил наружу копья подобно тому, как мамонты выставляли бивни, охраняя детенышь от нападения хищника, за которым теперь охотились люди. Но кругом царила полная тишина: тигр, должно быть, спал. Под одним из больших деревьев, окаймлявших тропинку, лежали остатки женского тела. Вверху, на высоте девяти саженей, почти прямо над этими печальными останками, протягивалась толстая, в толщину человеческого тела ветвь. Между охотниками составилось совещание, руководство которым принял на себя Аб, на что и Борфес, и рыбаки охотно согласились. Не было нужды рисковать, вступая в открытую борьбу с этим громадным хищником. Необходимо было действовать хитростью, и Аб стал отдавать быстрые приказания. Предводитель обитателей Огненной долины еще раньше позаботился, чтобы его люди захватили с собой все необходимое для обдуманной Абом охоты на тигра. Это были: две больших толстых шкуры буйвола, ремни из кожи молодого носорога такой ширины, что могли выдержать тяжесть десяти дюжих мужчин, копье, древко которого, из очень твердого дерева, было до двух саженей длиной и в человеческую руку толщиной, а наконечник был из куска очень твердого кремня. Но это копье было слишком тяжело для сил человека; оно было приготовлено для другого употребления.

Обдумав раньше взятую на себя задачу, Аб ни минуты не колебался. Коротко изложив весь план, он влез сам на вершину дерева, а оттуда на намеченную ветвь, неся с собой ремни из кожи носорога. Достигнув до того места, где ветвь протягивалась над дорожкой, он вынул из кармана своей меховой одежды запасенный камешек и уронил его вниз. Камешек упал на землю на расстоянии одного или двух аршин от остатков человеческого тела, и тогда Аб крикнул тем, кто был внизу, подтащить тело к тому месту, где камешек ударился о землю. Только что они приступили к этому, как из леса с одной стороны тропинки послышался

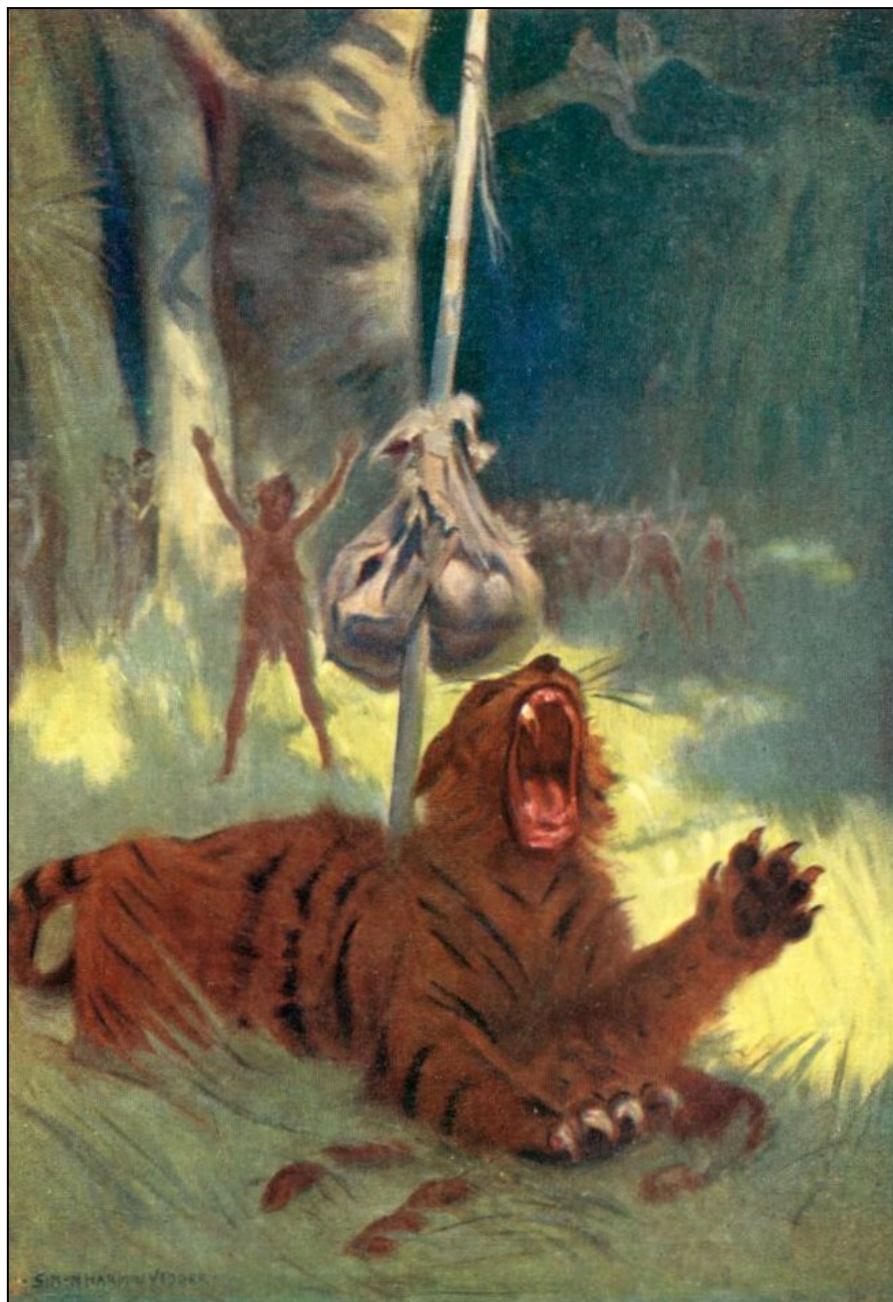
такой ужасный рев, что большинство, не задумываясь, бросились бежать. Тигр был в лесу и так близко, что до него донесся запах людей. От бегства удержались лишь старый Хильтоп, суровый Борфес и десятка два сильных охотников, почти поровну из числа восточных и западных пещерных жителей. Поднялась быстрая, усиленная работа.

Тигр мог появиться каждую минуту, и это угрожало смертью по меньшей мере одному из охотников. Но оставшиеся были бравые люди и пришли издалека с тем, чтобы покончить с тигром. Они подтащили остатки добычи тигра к тому месту, где камешек ударился о землю. Влезший на ветвь Аб крикнул Хильтопу принести ему копье и шкуры буйволов, и скоро могучий старик был около него. В две глубоких зарубки на толстом древке были завязаны накрепко ремни, и посредством них несколько ниже середины древка были привязаны, в виде мешков, шкуры буйволов. Посредством ремней из кожи молодого носорога копье за один конец было привязано к ветви и висело в воздухе, а близко к нижнему концу висели у него по бокам два пустых кожаных мешка. Были отданы короткие приказания, и направляемые Борфесом охотники, один за другим, взбирались на дерево с грузом камней в своих карманах; каждый передавал свой груз Хильтопу, который, лежа на ветви, передавал камни Абу, а тот, в свою очередь, клал их в кожаные мешки на обеих сторонах подвешенного копья. Большие кожаные мешки быстро наполнялись, когда из ближнего леса послышался вторично рев, ближе и ужаснее, чем прежде, и некоторые из работавших внизу, объятые ужасом, бежали. Аб кричал и бранился с пеной у рта, когда увидел бегство людей. Старый Хильтоп бросился вниз с дерева с топором в руках, и с помощью Борфеса два или три человека были захвачены и продолжали начатую работу. Скоро все задуманные Абом приготовления были исполнены. Над тропинкой, как раз над недоеденными остатками тела, висело тяжело нагруженное камнями и хорошо намеченное копье. Ветвь была достаточно толста и надежна; ремни из кожи носорога прочны, а кремневый нож Аба имел острые края. Необходимо было только сохранить смелость и

хладнокровие в присутствии чудовища. Ни смуглый Борфес, ни худощавый Хильтоп не хотели оставить Аба, но последний заставил их удалиться.

Ожидать пришлось недолго. Тени уже удлинялись, но весь лес был пронизан лучами заходившего солнца. Человек, лежавший вдоль ветви с ножом в руке, ничего не слышал, кроме шелеста листьев от легкого ветерка, поднимавшегося к концу дня, да беспокойных криков птиц, видевших на земле под ними громадное создание, с легким шумом пробирающееся на своих страшных, когтистых, но мягких и беззвучных лапах к припасенной им пище. Громадный хищник приближался. Великий человек был в ожидании.

Вдали на тропинке показался тигр, и Аб, обхватив плотнее ветвь, смотрел на него в первый раз в жизни при дневном свете и так близко. Без сомнения, Аб был отважен, умен, хладнокровен и достаточно благоразумен для своего времени; но когда он ясно увидел это животное, пробирающееся с такой легкостью и без шума через лес, то, несмотря на безопасность своего положения, почувствовал нечто больше простого испуга. Зверь был так огромен и такого ужасного вида! Голова громадного тигра тихо покачивалась из стороны в сторону; мрачные глаза посматривали вдоль тропинки, а темно-бурая морда была поднята, наготове поймать в воздухе какую-нибудь добычу. Животное ясно вырисовалось на ярком солнечном свете и казалось удовлетворенным. Обладая грациозной худощавостью тигровой породы нашего времени, он при этом был таких размеров, что крупнейший тигр из индийских тростников в сравнении с ним был не больше котенка. Животное, за которым теперь следил Аб, было в своем роде прекрасно. Оно было красиво, как павлин или гремучая змея. Полосы на его шерсти отличались необыкновенным богатством цветов, и когда оно, подползая, приближалось к оставленной добыче, то было настолько же великолепно, насколько ужасно. С напряженными нервами, но уже отделавшись от чувства страха, Аб следил за хищником, а в то же время острый кремневый нож, зажатый крепко в руке, потихоньку врезался в ремень из толстой кожи носорога. Тигр начал свой ужасный обед,

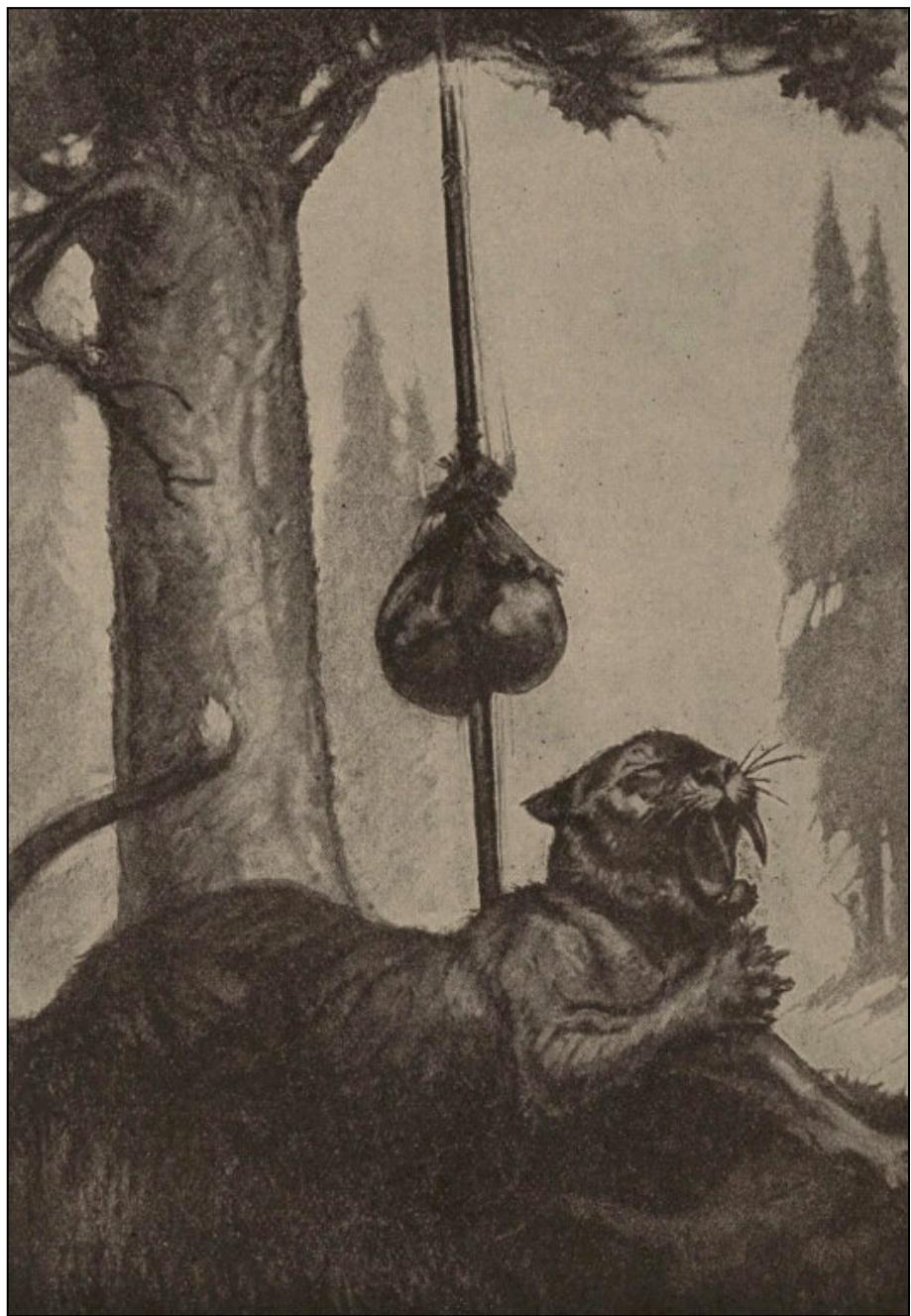
SINHADHAR VEDORE

но был несколько в стороне от подвешенного копья. Постыпался отдаленный звук в лесу. Животное подняло свою голову и переменило место; теперь оно было как раз под копьем. Крепко нажатый нож без шума двигался взад и вперед. Внезапно последняя связь разъединилась, и страшно нагруженное копье упало подобно молнии. Широкий кремневый наконечник воинился тигру как раз между плеч и под тяжестью нагрузки прошел все тело, как будто не встретил ни малейшего препятствия; зверь был пронзен крепким древком копья. Через весь лес пронесся и повторился несколько раз рев, такой ужасный, что даже охотники, бывшие далеко от места драмы, бросились на деревья искать безопасности. Судороги пронзенного животного не поддались бы по своей ярости никакому описанию, но теперь уже ничто не могло его спасти; оно получило смертельную рану и скоро лежало без движения, такое же безвредное, как белка, которая, напугавшись, спряталась в свое гнездо. С диким торжеством Аб спрыгнул на землю, и протяжный крик, призывающий его товарищей, пронесся эхом по лесу. Когда прибежали другие охотники, он уже вытащил копье и с кремневым ножом в руке был занят сниманием с громадного тела прекрасной шкуры. Наступило всеобщее ликование, радость и возбуждение. Хищник был убит! Рыбаки были в бешеном восторге. В это время Аб позвал своих товарищей на помощь, и чудная шкура тигра была вскоре растянута на земле, как славный трофей для пещерного человека.

— Я хочу иметь половину ее, — объявил Борфес, и он и Аб угрожающе посмотрели друг на друга.

— Я ее не разрежу, — был суровый ответ. — Она моя: я убил тигра.

Сильные руки схватились за каменные топоры, и грозила завязаться смертельная борьба, но вмешались рыбаки; они превосходили числом и были настроены миролюбиво. Аб понес великолепный трофей, а Борфес и его люди отправились домой с бледными лицами и угрозами на устах.

Глава XXVII

КРОШКА МОК

Маленький калека Мок, первенец в семье Аба, был особенно любим, что для той эпохи представляло необычайное явление. Ему было не больше двух лет, когда он, здоровенький и веселый, играя, прыгнул с обрыва и сломал себе обе ножки. Необыкновенным представлялось, как он мог пережить это несчастье и остаться среди живых. Закон выживания наилучше приспособленных к жизни действовал тогда со всей свирепостью. Его спасла от смерти материнская любовь Быстрой Ножки, но беспомощный калека был навсегда лишен употребления ног. Естественно было, что после его несчастья ему дали имя маленького Мока, и вскоре он приобрел не только имя, но и сердце старого хромого мастера оружия. Теперь нам известно, что среди пещерных обитателей существовала тесная семейная привязанность. Отношения мужчин и женщин отличались верностью, а дети воспитывались со всей нежностью, на которую только были способны суровые сердца дикарей. Безусловная зависимость от родителей продолжалась очень короткое время, лишь до тех пор, пока дети не были в состоянии себя защищать и находить для себя пищу, к чему они были вынуждены с самого раннего детства. Но маленький Мок, неспособный нести бремя самостоятельного существования, не был убит и не был по небрежности покинут на произвол судьбы, как бы то случилось в ту эпоху со всяkim искалеченным ребенком. Раз спасенный, он постепенно завоевывал любовь в сердцах дикарей и был оберегаем в суповой семье Аба и Быстрой Ножки; он пользовался от старших неизменной любовью и даже в таком возрасте, когда здоровые дети теряли свои семьи, не чувствуя при этом никакого сожаления. То было незаурядное явление для описываемой эпохи.

Слабость и беспомощность привлекали к нему сердца окружавших его людей, но не одна только полная зависи-

мость от них делала его центром маленького кружка суро-
вых дикарей, населявших Огненную долину. Быть может,
то был первый ребенок, заботы о котором вытекали из совер-
шенно новых побуждений.

От матери он наследовал веселый характер, проявле-
ния которого ничто не могло сдержать. Часто, возвращаясь
домой из какой-нибудь маленькой экспедиции, во время
которой он обыкновенно сидел на плечах Быстрой Ножки
или на руках более сильного старого Одного Уха, своего
молчаливого, сосредоточенного деда, маленький смуглый
мальчик оживлял весь лес, то передразнивая резкие звуки
птиц, то подражая крикам зверей, то оглашая его своим
смехом.

Дети стекались вокруг веселого мальчугана, стараясь под-
ражать его голосу, а старшие усмехались на веселый шум,
поднятый вокруг маленького виновника суматохи. С ран-
него детства главнейшим удовольствием маленького Мока
были прогулки к реке. Дух приключения, гнездившийся в
этом изуродованном тельце, заставлял его принимать са-
мое оживленное участие в приготовлениях, и компания бы-
ла неполна, если среди нее отсутствовал маленький Мок,
источник радости и веселья, которого обыкновенно несли
впереди всех.

То был для всех незабвенный день, когда маленький Мок,
шеести лет от роду, поймал свою первую рыбу. Его радость
и гордость заразили всех, когда он, хвастаясь, показывал
пойманную добычу, но его надменность перешла всякие
границы, когда, по возвращении домой, старый Мок при-
ветствовал его, как «великого рыболова». Его маленькая
грудь высоко поднималась, его глаза горели, и, соскольз-
нув с рук Быстрой Ножки на колени старого Мока, он при-
жался к нему и спрятал свое лицо в складки меховой одеж-
ды старика; они поняли друг друга. Вскоре после этого со-
бытия, первой пойманной рыбки, умерла мать Аба, Крас-
ное Пятно. Она никогда не могла привыкнуть к новой жиз-
ни в Огненной долине и вскоре совершенно одряхлела. На-
конец, на нее напала лихорадка и окончила ее терпеливую,
трудовую жизнь. После ее смерти, Одно Ухо чаще посещал

пещеру старого Мока, своего старинного друга; здесь же между ними часто можно было найти и маленького калеку. Только не всегда-то он был весел и игрив. Иногда он лежал целыми днями на своей постели из листьев в отцовской пещере, слабый, страдающий, молчаливый и не похожий на самого себя. Когда, благодаря заботам Быстрой Ножки, к нему возвращалось немного сил, он просил отнести себя в пещеру старого Мока, чтобы избавиться от резкого света и надоедливой сутолоки повседневной жизни. По его просьбе ему устроили теплое гнездышко в темном уголке этой пещеры, где он спал каждую ночь и значительную часть дня, когда им овладевали страдания и слабость. Здесь, в течение долгих часов, открыв большие глаза и насторожив уши, смотрел и слушал он, как Аб, Мок и Одно Ухо, склонившись, работали наконечники стрел и копий и рассуждали о возможных улучшениях оружия, от которого так много зависело в их жизни. Здесь, когда они были вдвоем, скучными темными ночами или при полусвете пасмурных дней, когда нельзя было работать, старый Мок коротал время рассказами и даже пробовал хриплым голосом спеть своему маленькому слушателю отрывки из диких песен, в которых нараспев рассказывалось нечто вроде истории племени рыбаков.

Раз как-то Быстрая Ножка сидела у очага старого Мока и рассказывала о том времени, когда она и Аб, безоружные, находились перед своей пещерой и должны были, чтобы войти в нее, съесть целого медведя; маленький Мок разразился смехом, чем удивил свою мать и старого Мока. Он имел искорку юмора и видел смешную сторону происшествия, чего были лишены Аб и Быстрая Ножка. Мальчик был всегда среди взрослых и, однако, не участвовал в их жизни, — смутно видел странности и контрасты, свет и тени человеческого существования, и иногда это заставляло его смеяться. Смех пещерного человека был незаурядным явлением; то был сдержанный сардонический смех, если он только не был простым проявлением мощного здоровья тела и духа. Юмор представляет позднейший и драгоценнейший дар природы, частичкой которого владел маленький

Мок задолго до того времени, когда люди могли воспринять его, но вскоре вместе с маленьким Моком он снова исчез на многие столетия.

Случилось, что маленький Мок, принесенный с рыбной ловли, рассказывал старому Моку, как он, слишком слабый для рыбной ловли, сидел на берегу реки и наблюдал и лес, и поток, и быстрых рыб, и птиц, и приходивших на водопой животных. Описывая стадо северных оленей, которое прошло близ него, маленький Мок схватил кусок красного мягкого камня и на стене пещеры нарисовал изображение животного. Старик вскочил в удивлении. Изображение поражало своей жизненностью и в общем и в деталях. Ребенок обладал зрительной памятью и рукой артиста. Ободренный успехом, маленький художник рисовал, радуя старого Мока правдивостью и жизненностью изображений. Старый Мок был восхищен; он добывал лучшие куски мамонтовых бивней и зубы гиппопотамов маленькому Моку для гравирования и вырезывания. И в скором времени молодой артист превзошел старика и сделался предметом гордости и хвастовства для своего друга и учителя. Иногда мальчик работал далеко за полночь, так как он не любил прерывать начатой работы, пока она не была окончена, и потом, проспав до следующего полудня в своем теплом гнездышке, выползал и, глядя по удобству, приготовлял себе кусочки мяса на ближайшем очаге или разделял трапезу старого Мока.

Все в Огненной долине росло, развивалось и процветало, росло и хилое тело маленького Мока, но на двенадцатом году своей жизни он изменился. Он все более и более слабел и с каждым днем делался бесполезнее. Он должен был оставить свои любимые экскурсии к реке и даже маленькие прогулки на сильных руках старого Одного Уха на вершину обрыва, откуда мог одним взглядом окинуть страну на далекое расстояние. Когда в воздухе начали кружиться снежинки, маленький Мок тихо лежал в своей постели; его большие задумчивые глаза смотрели на Быструю Ножку, которая напрасно прилагала все свое ограниченное умение, чтобы заставить его поесть и тем подкрепиться. Подобно

птице, которая вьется над упавшим из гнезда птенцом, она заботилась о маленьком Моке, но, несмотря на все усилия, не могла ему вернуть даже прежних слабых сил и здоровья. Иногда приходил Аб и, печально посмотрев на них обоих, уходил с тяжестью на сердце. Старый Мок был всегда за работой и, однако, всегда был наготове то подать воды маленькому Моку, то перевернуть его истощенное маленькое тельце на грубой постели, то покрыть его шкурами. Так и Быстрая Ножка ухаживала за страдальцем, надеялась и боялась.

Наконец маленький Мок умер и был погребен под камнями; снег падал на одиноко стоявший надгробный камень под хвойными деревьями на склоне Огненной долины.

Быстрая Ножка была молчалива и печальна и не могла более ни улыбаться, ни смеяться. Она тосковала о маленьком Моке и долго не могла ни есть, ни спать. Однажды ночью Аб, стараясь успокоить ее, сказал: «Ты увидишь его снова».

— Почему ты так думаешь? — воскликнула Быстрая Ножка. Аб только ответил: «Ты увидишь его, он придет ночью; иди спать и ты увидишь его». Но Быстрая Ножка еще долго не могла спать и в течение многих ночей только крайняя усталость принуждала ее к утру закрыть глаза. И наконец, по прошествии многих дней и ночей, она во сне увидела маленького Мока. Как живой он был перед ее глазами, только ненадолго, и утешал ее своей улыбкой. Ее печальное сердце, сжимавшееся от тяжелой тоски по дорогом первенцу, лежавшем одиноко под снегом и камнями, лишенном забот любящей матери, теперь было согрето этой улыбкой, и она сказала Абу, что видела маленького Мока, но сказала это тихо-тихо, шепотом, потому что знала, как нехорошо об этом говорить вслух; ей было грустно, что маленький Мок приходит только ночью и никогда при дневном свете, но она не жаловалась. Она только сказала: «Мне хотелось бы видеть его и днем», и Аб не находил, что сказать, но это заставляло его все более и более думать. Он чувствовал себя все более привязанным к Быстрой Ножке, его жене, не как к красивой женщине, но как к матери умершего Мока и всех его детей.

В его уме смутно, но настойчиво поднималась мысль, что грубая сила и энергия, зоркие глаза, острый слух и беззаветная храбрость не были единственными качествами, которые имели значение среди людей. Старый Мок,увечный и неспособный к охоте, однако, представлял силу, которой нельзя было пренебрегать, и крошка Мок, беспомощный ребенок, сумел приобрести и удержать любовь всех храбрых и суровых жителей долины. Аб тосковал за Быструю Ножку. Когда весной осиротевшая мать держала на своих руках новорожденную девочку, легкий свет появился в ее глазах, и Аб, видя это, был за нее рад, но никогда ни он, ни Быстрая Ножка не забывали своего первенца, своего любимейшего сына — маленького Мока.

Глава XXVIII

НАПАДЕНИЕ НА ОГНЕННУЮ ДОЛИНУ

В то время, как Аб был занят домашними делами, на него и его народ замышлялось нападение. И ранее охоты на тигра Аб и Борфес знали друг друга; им случалось охотиться вместе, и однажды Борфес с полудюжиной сотоварищей посетил Огненную долину и заметил ее многие привлекательные и выгодные стороны. Теперь Борфес возвращался домой, сердитый и ворча про себя угрозы, — он не был из числа тех людей, у которых легко рассеивались мрачные мысли. Его гнев при воспоминании о трофее Аба не уменьшался и по возвращении в свою страну. Почему этот пещерный человек запада один владеет долиной, которая тепла и зелена в течение всей зимы и куда не могут проникнуть дикие звери? Почему Абу позволили удалиться и унести с собой всю шкуру тигра? Постепенно его замысел окреп и Борфес собрал вместе своих родных и приверженцев. «Пойдем и отнимем Огненную долину у Аба», — сказал он им, и, хотя делались возражения против опасного предприятия, однако, большинство поддались его убеждениям. «Ни-

же по течению реки есть другие огни, — сказал один старик. — Пойдем лучше туда, если нам нужнее всего огонь, и таким образом мы не побеспокоим и не рассердим Аба и его народ».

Но Борфес громко рассмеялся: «Есть много огней, выходящих из земли, — сказал он. — Я знаю их хорошо, но нигде огонь не образовал горящей стены вокруг долины, лежащей у подножия скал, снабженной внутри водой и огороженной от зверей. Мы будем сражаться и завладеем долиной Аба». Таким образом они были вовлечены в это рискованное предприятие, причем искали подкрепления у племени рыбаков, но без всякого успеха. Племя рыбаков было в мирных отношениях с жителями Огненной долины и, сверх того, не забыло еще о подвиге Аба. Да и неразумно было бы им вмешиваться в распри жителей холмов, у которых была хорошая память и тяжелые топоры. Лишь немногие из племени рыбаков, более молодые и предприимчивые, присоединились к отряду Борфеса, но это было ими сделано без одобрения и совета старших. Тем не менее, смуглый вождь пещерных людей востока собрал ненужные силы. Когда его гонцы разошлись по всей стране востока, то у него собирались до двухсот храбрых охотников, умевших владеть копьем и топором и не боявшихся за свою жизнь. Во главе с Борфесом отряд двинулся в Огненную долину, на мереваясь захватить ее жителей врасплох. Но их далеко опередил быстроногий гонец из племени рыбаков, посланный старшинами за день предупредить Аба о готовившемся на него нападении, и таким образом тот узнал о замышлявшемся набеге. Немедленно из Огненной долины отправился гонец; глаза Быстрой Ножки, при мысли о грозившей Абу опасности, загорелись огнем; старый Хильтоп взвешивал в руке огромный каменный топор; Лунный Лик загоняла домой своих детей и собирала бывшее под руками оружие, а старый Мок сидел одиноко в пещере и был занят какой-то работой.

Пещерные люди запада сходились изо всех окрестностей, так как в долине никому не отказывали в гостеприимстве, восточных же пещерных людей не любили. Много распрай

из-за добычи происходило раньше между разъяренными охотниками этих племен, и много кровавых встреч совершилось в глубине леса. Отряд западных людей был гораздо малочисленнее отряда Борфеса, но его вид не обещал ничего хорошего последнему.

Силы, собравшиеся внутри Огненной долины, были немного больше половины отряда Борфеса, но они были под прикрытием стен, были хорошо вооружены, и среди них были такие воины, встреча с которыми в бою была небезопасна. Но самоуверенный Борфес не испугался, когда люди его отряда, пробравшись на поляну, нашли обыкновенный вход в долину прегражденным, со всеми приготовлениями для самой жаркой встречи. Но одно место долины в западном конце, где вытекал из нее ручей, нельзя было укрепить в такое короткое время.

Нападение должно было направиться на этот пункт, потому что с северной стороны прямая отвесная стена, преграждавшая проход между огнями, была сравнительно не-проступна; в этой узкой и высокой стене было много отверстий, откуда очень удобно было посыпать стрелы, которыми так хорошо умели пользоваться жители долины. Сражение должно было происходить вдоль берега маленькой реки. В это время воды были настолько низки, что человек мог свободно перейти ее вброд, а заграждения были очень незначительны, достаточны лишь для удержания диких зверей, так как Аб никогда не думал о вторжении человеческих существ. Речка катилась между прямыми, грубо сложенными по обеим берегам каменными грудами с промежутками для пропуска человека, но не для крупного животного. Везде человек мог легко взойти на стену, а главное — не было удобного места для обороны.

Так как больше не было надобности скрываться, то наступающие вытянулись по берегу речки к западу от долины и приготовились к нападению. На их стороне были некоторые преимущества. Это были крепкие люди, умевшие хорошо владеть оружием и численностью почти вдвое превосходившие противников.

Между тем, внутри долины, где было замечено приб-

лижение неприятеля, шли приготовления к битве, руководимые суровым Абом. Большим преимуществом обороняющихся было то, что они, стоя на твердом месте, встречались с противниками, карабкавшимися по каменистому руслу; кроме того, немного в сторону от берегового вала, вверх по реке возвышалась скала, на верхней площадке которой, в случае нужды, могли собраться все защитники, — здесь-то и должна была решиться участь всего дела. Теперь все были заняты приготовлениями для отражения штурма. Влево от устья долины, где должны были проходить нападавшие, возвышалась отвесная скала, делавшая выступ, на который было легко взобраться со стороны долины.

Аб и гневная, обеспокоенная и почти в слезах Быстрая Ножка совещались между собой. Эта прекрасная женщина, считавшаяся одним из лучших стрелков племени, теперь сразу превратилась в воина и просила указать себе место. Было решено, что она с луком и большим запасом стрел займет этот выступ, где могла пользоваться сравнительной безопасностью.

Старый Хильтоп мало говорил. Понималось и без слов, что он будет на береговой стене и вместе с Абом встретит самый сильный натиск. Старик имел внушительный вид, когда он молча ходил и приправлял необходимое оружие. Стоило полюбоваться на его сухую, мускулистую и решительную фигуру. Лунный Лиц, если только не была занята вразумлением кого-либо из своих смуглых ребятишек, все время следила за своим мужем глазами, потому что давно уже привыкла смотреть на него с любовью и уважением. Конечно, и все остальные жители долины, и мужчины, и женщины, готовились сделать при защите все, на что только были способны, но эти описанные выше были наиболее выдавшимися лицами. Между тем, Борфес и его сильный отряд выработали план нападения и теперь собирались броситься через мелководный ручей с храбростью людей, не боящихся смерти и привыкших силой приобретать все необходимое.

Карабкаясь вверх по течению реки, нападавшие с угрожающими и вызывающими криками бросились вперед, и

теперь о примирении не могло быть и речи. У них было слишком мало луков, да на бегу стрелы и не могли быть меткими; почти единственным их вооружением были копья и топоры. Но когда они с шумом пошли вверх по реке, скользя по камням на дне, и стали проникать один за другим за каменный барьер, на них посыпался град стрел, и много воинов, пронзенных кремневыми наконечниками, упали в воду и уже более не поднимались. Но теперь враги были на близком расстоянии, и лук необходимо было оставить.

Нападение было энергично, но и защитники не уступали в стойкости; в рядах обоих были прекрасные бойцы. Прославленный во времена изнеженности, короткий меч римлян едва ли требовал большей личной отваги, чем каменный нож или топор. Теперь вдоль берегового ограждения загорелась рукопашная борьба.

Потеряв многих воинов из своего отряда, так как стрелы продолжали летать, а промахнуться в эту густую толпу было невозможно, нападавшие неслись на береговое ограждение, и наступила рукопашная смертельная схватка. К югу и вблизи от выступа, на котором находилась вооруженная луком и стрелами Быстрая Ножка, находился Аб, а вправо от него и ближе к каменной ограде стоял старый Хильтоп, бросая копья и убивая надвигавшихся врагов. Бой сделался смертельной борьбой, причем на одной стороне было превосходство в численности, а на другой — выгода положения. Аб и Бор фес искали друг друга.

Такой бой продолжался с полчаса, и по окончании его на земле, у берегового ограждения, остались убитые и умирающие люди, и воды реки покраснели от крови убитых врагов. Нападение несколько ослабело. Ни Аб, ни Хильтоп не были ранены в бою. Когда нападавшие были вблизи, то Аб иногда замечал летавшие мимо него стрелы, и одна из них ударила в грозившего ему опасностью и слишком приблизившегося противника; а старый Хильтоп слышал дикие крики женщины, которая была сзади, над его головой, и кидала камни в упор тем, которые старались достать до него. Теперь наступило затишье.

Борфес признал всю тщетность при таких условиях штурмовать хорошо обороняемый обрыв и придумал лучший путь победить Аба и его племя. Он слышал рассказ о первом посещении долины Абом, когда тот, преследуемый волками, прыгнул через огонь, — и у Борфеса блеснула мысль: что сделал один человек, то доступно и другим, — и с отборными воинами своего отряда он совершил быстрый обход, а в то же время главный отряд снова отчаянно бросился на береговую стену. Битва приняла еще более ожесточенный характер. Скоро все стрелы и копья были израсходованы, и тогда послышался глухой стук каменных топоров. Аб яростно встречал врага, то наступая, то отходя назад и поражая его с могучей силой и безграничной отвагой. Не раз случалось, что враги на него нападали вдвоем и даже втроем, и его жизнь висела на волоске, но всегда в такую минуту над его головой со свистом пролетала стрела и, пораженный в грудь или глотку, падал один из наступавших, мешая своим сотоварищам, которым уже грозил топор Аба. Ближе к северу, яростно сражался старый Хильтоп, следя за всем ясным взором. Уже много погибших валялись в лужах от разлива реки между береговой стеной и устьем долины. А около Аба постоянно свистели стрелы, летевшие с выступа на скале.

Стоял страшный шум, стук оружия и крики раненых в сражении людей, но все это не могло заглушить раздавшийся пронзительный вопль. Аб узнал голос Быстрой Ножки и, подняв глаза, увидел, что она, не заботясь о собственной безопасности, стояла во весь рост и указывала рукой на долину. Аб понял, что случилось что-нибудь очень важное. Он бросился назад, а его место было занято рослым воином его племени.

Пронзительный крик как раз вовремя достиг до слуха сражавшегося Аба. Сразу поняв хитрость Борфеса, он побежал назад, захватив с собой десятка два воинов. Когда Аб бросился к востоку, к Огненной долине, он увидел, как темная фигура перепрыгнула через ее вершину. Аб знал, что за ней последуют и другие. Его собственный подвиг повторялся теперь Борфесом с кучкой избранных воинов! Первым

прыгнул не Борфес, и участь, постигшая этого отважного юношу, с такой решительностью бросившегося во главе атакующих, была жестока: едва он коснулся земли, как в его голову вонзился каменный топор,пущенный могучей рукой, и юноши не стало более в живых. Аб бежал к огненной стене изо всех сил, и следом за ним неслись разгоряченные воины.

Теперь сражающиеся могли довольно ясно видеть друг друга, и снова нападавшие вдвое превышали числом защитников. Но перепрыгнувшие через огненную стену, становясь после прыжка на ноги, еще не были готовы управлять оружием, а между тем, их ожидали ловкие и полные мести воины. Наступило минутное затишье перед нападением, и теперь Аб заметил свою непредусмотрительность. Его отборные люди были вооружены луками, но стрелы были уже истрачены еще в начале битвы, а потом былипущены в ход копья и топоры. Теперь же представлялся необыкновенно удобный случай для пускания стрел в грозный отряд, готовившийся к нападению, до которого не могли досстать копья и топоры, но легко долетали бы стрелы. Ах, если бы у него теперь были звонкие стрелы, которыми он так ловко умел управлять! И в то время, как Аб сердился на свою оплошность, до него донесся из глубины долины слабый голос и, обернувшись, он увидел тяжело ковылявшего старого Мока; сгорбленный старик с трудом двигался, обхватив длинными руками такой груз, который был под силу разве только Абу; худые руки крепко держали чудовищную вязанку стрел. Сгорбленный ветеран не терял времени и усердно работал в своей пещере, а теперь он показался с результатами своего труда. Старик бросил свою ношу на землю и опустился, немного пошатываясь, около нее. И без команды все поняли, что нужно было сделать. Последовал общий крик воодушевления; все бросились к вязанке стрел и быстро наполнили маленькие колчаны, на что потребовалось не более минуты. Затем последовал дружный залп, и так близко были враги, что промах был почти невозможен, а натягивавшие тетивы руки были сильнее, чем у сражавшихся в Средние века. При первом же залпе много

врагов за огненной стеной упали на землю и бились в агонии. Стрельба продолжалась, а в это время Борфес, полный гнева, собрал своих разбежавшихся перед стрелами воинов. Убитых было так много, что теперь численность сражавшихся на обеих сторонах была почти одинакова. Но воины Борфеса были храбрые люди. Они собирались на безопасном расстоянии и затем бросились вперед для того, чтобы перепрыгнуть всем одновременно через огненную стену.

Последовал еще раз дождь стрел, когда нападающие приблизились, и снова упали воины в их толпе, но уже это не могло остановить их движения. Через невысокую огненную стену перескочили много людей навстречу ожидающим защитникам. Бой был короткий, но убийственный; силы сражающихся теперь почти сравнялись, а на стороне оборонявшихся были некоторые преимущества. Борфес и Аб встретились лицом к лицу в суматохе боя и с криком бросились друг к другу. Бой был великолепен, когда встретились могучие предводители, и для многих он был последним.

Глава XXIX

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ СТАРОГО ХИЛЬТОПА

Еще прыгая через огненную стену, отважный Борфес бросил огромным камнем в Аба и, конечно, теперь, встретясь так близко с врагом, он был вполне наготове. Быть может, Аб был и подвижнее, и сильнее, и уж, наверное, сильнее и смышленее из двух противников, но зато Борфес привык с ранней юности к битвам и умел пользоваться всяким удобным случаем; при столкновениях в те свирепые времена единственной целью было убить врага каким бы то ни было путем. Еще до прыжка через пламя один юноша получил приказание от Борфеса обойти с тыла сражающихся и напасть на Аба, когда внимание последнего было бы отвлечено самим Борфесом. Молодой воин был вооружен тя-

желой палицей, страшным оружием в таких, как у него, руках. Между вождями завязался яростный бой; от их тяжелых топоров сыпались искры, и Борфес был уже несколько оттеснен назад, когда на плечо Аба обрушился удар, заставивший его пригнуться; другой на его месте от такого удара свалился бы с ног. В тот же момент Борфес сделал свирепый удар сбоку, и Аб отскочил в сторону, не отражая удара и не нападая в свою очередь, так как у него онемела одна рука. Другой такой же удар от нового противника, и его жизнь была бы потеряна, а обернуться он не решался: это ему грозило верной гибелью. Теперь Борфес бросился вновь и, когда их топоры встретились, крикнул своему сообщнику бить вернее.

И как раз в то время, когда смерть, казалось, была так близко от Аба, с другого конца долины послышался резкий звук отпущененной тетивы, и около Аба с ревом, корчась в предсмертных судорогах, упал на траву человек, пронзенный неожиданно сзади стрелой между лопаток. Аб сразу понял, что рука, выпустившая эту стрелу, принадлежала его жене. Быстрая Ножка, пришедшая в ярость от боязни за жизнь своего мужа, стреляла около старого Мока, когда тот свалил свою связку стрел, и, увидев опасность, грозившую ее мужу, она быстро прыгнула вперед с натянутым луком и мгновенно убила его врага. Теперь, со стрелой наготове, сгоряя желанием подать помощь, она бежала с намерением пустить вторую стрелу в грудь Борфеса.

Но теперь в этом уже не было нужды. Аб бросился на противника и осыпал того такими ударами, на какие способен был только гигант. Борфес сражался отважно, но уже один на один, и, конечно, не мог устоять против обезумевшего от ярости врага. От удара по кисти руки у него выпал топор, и в следующий момент он упал и лежал без движения: каменный топор так глубоко врезался в череп, что его ручка спряталась в длинных волосах убитого.

Теперь маленькая битва скоро закончилась. Когда Аб повернулся с криком торжества, то победа была уже решена. Еще были отдельные стычки, но нападавшие потеряли предводителя и, несмотря на свою отвагу, не имели никакой

надежды на победу. Только трое из них спаслись, перепрыгнув обратно через огненную стену, и их никто не преследовал. Теперь было не время осажденным искать удовлетворения чувству мести. С нижнего конца долины, где происходил главный бой, неслись дикие крики. Собрав свой победоносный отряд, Аб бросился с ним к береговой стене, чтобы, располагая теперь большими силами, покончить продолжавшуюся там битву. Но его помочь пришла слишком поздно, и ему не удалось спасти старого героя, смерть которого долго вызывала в нем глубокое сожаление.

Борфес, отправляясь в обход, взял с собой лишь малую часть отряда, — главные же силы были оставлены, чтобы пробиться через береговую стену. За отсутствием Аба предводительство принял старый Хильтоп; он был достоин этой роли и умел смотреть прямо в глаза опасности.

Аб не мог убедить старого отца своей жены испытать новое оружие — лук и стрелы: тот не любил нововведений. Он обладал ясным зрением, имел крепкие руки и находил, что ему совершенно достаточно копья и топора. Он призывал большие достоинства Аба, но в некоторых вещах даже и пользовавшийся расположением зять не мог повлиять на старика. Так и новое оружие, лук с легкими стрелами, казалось ему более детской забавой, чем серьезным оружием для мужчины. Что же касается до него, то он довольствовался копьем или тяжелым каменным топором, которыми почти никогда не давал промаха. И теперь, в доказательство основательности своих старозаветных взглядов, он без колебания подвергал случайностям свою жизнь. Копий осталось мало у обеих сражающихся сторон, были только топоры. Хильтоп стоял на береговой стене, а рядом с ним вдоль всей стены стояли другие столь же храбрые, хотя и не столь знаменитые воины.

Сзади вытянувшихся в линию воинов находились и женщины, то впадая в ярость, то плача, немногим уступая мужчинам в ловкости и иногда превосходя их в безжалостном отношении к врагу. И среди них особенно выделялась отсутствием осторожности Лунный Лик, полная тревоги за мужа. Она бросалась к группе защитников, окружавших Хильто-

па, и кидала в наступавших врагов камнями. Они летели как из катапульты, и много было убитых и раненых, павших от ударов этой могучей женщины. Но нападавшие значительно превосходили числом, и под влиянием самых разнородных чувств, и жажды победы, и смертельной злобы за убитых, и желания овладеть прекрасной долиной, становились все настойчивее и настойчивее. Они возлагали все надежды на своего предводителя и каждую минуту ожидали, что он с тыла нападет на защитников долины и тем окажет им помощь.

Так подвигались они вперед по скату берега, теснясь один за другим с такой кровожадностью и стойкостью, что их могло удержать лишь твердое сопротивление столь же сильных и хорошо вооруженных людей. Бой был отчаянный.

Хильтоп стоял лицом к врагу, между двумя скалами, через которые перекатывалась вода; между ними поднималась дорожка, представлявшая главный вход в долину. Он стоял на скале с правильно выровненной верхней площадкой, а кругом нее бурлила мелкая речка. Скала немного выдавалась в реку и, лишь вскарабкавшись по скату берега, можно было взойти на нее к престарелому защитнику. С обеих сторон скалы были небольшие, полные камней водопады, которые затрудняли нападение, но зато осаждавшие устремлялись толпой в промежуток между описанными выше большими камнями, как раз перед Хильтопом, по обеим сторонам которого за скалой собрались остальные защитники долины. Рядом с Хильтопом находились два воина, на которых он мог смело положиться; то были его могучие сыновья Каменная Рука и Бранч; здесь же был и Барк, отважный и сильный, подобно своему старшему брату. Они были все наготове, но первый сильный натиск врагов принял на себя один человек, стоявший на плоской скале, куда были направлены все усилия. Он стоял на ней, волосатый и нагой, за исключением шкуры вокруг пояса, с одним топором в руках, что представляло для него достаточное вооружение. Осаджавшие тоже имели одни топоры, а зоркий и увертливый пещерный человек умел ловко уклоняться от летевшего топора, иначе он не мог бы и существовать

в то время. Кругом раздавался стук каменного оружия, и один за другим валились крепкие люди в ручей, окрашивая кровью его воду. Прыгая с одной стороны скалы на другую, старый Хильтоп встречал толпу врагов, а тех, кто его миновал, ожидали удары его сыновей и других защитников. Но силы были неравны; подъем на берег был не очень крутой и вода не так глубока, чтобы помешать дружному натиску. Со страшной регулярностью старый Хильтоп поднимал и опускал топор, иногда отражая чужие удары. С обеих сторон его люди схватывались в отчаянной борьбе. Когда под напором задних рядов нападающие стали теснить защитников долины вплотную, то находившиеся по сторонам Хильтопа его сыновья проявили всю силу своей родственной привязанности, — а Барк напоминал собой молодого тигра.

Но нападение было слишком ожесточено: осаждавшие значительно превышали числом. Раздались громкие крики, сделан был внезапный натиск, и хотя защита велась даже упорнее прежнего, и много воинов упали назад в воду, но осажденные были оттеснены от скалы, и на ней остался лишь один старик, сыновья которого отступили назад под напором толпы. Борьба теперь велась выше по берегу, но нигде не было такого кровопролития, как возле Хильтопа, продолжавшего громить топором густую толпу окружавших его врагов. Уже четверо пали жертвами его ярости, когда один из нападающих гигантского роста зашел с тыла, и сраженный страшным ударом топора старый Хильтоп мертвым упал в холодные воды потока.

Между нападающими, карабкавшимися вверх, раздался торжествующий крик, когда они увидели падение своего главного врага; но еще не успело на него ответить эхо, как он потерялся в другом, послышавшемся сверху, крике, полном угрозы и не похожем на их собственный. Вниз по долине неслись недавние победители в бою на восточной стороне долины. Слыша дикие крики Лунного Лика, видевшей гибель своего мужа, Аб и его спутники превратились в диких зверей. Последовавшая битва была коротка и ужасна. Но исход ни на минуту не подлежал сомнению, и скоро

сражение перешло в беспощадную бойню. Потеряв всякую надежду, небольшой отряд нападавших, человек в двадцать, искал спасения в пустой обширной пещере, загородился в ней камнями и по крайней мере на время смог сдержать своих преследователей. Они не подверглись немедленному нападению, потому что были в надежном пленау. У входа в пещеру поместился отряд отдыхавших и подкреплявшихся пищей воинов, вдвое превышавший численностью попавших в плен врагов.

Сражение кончилось и было выиграно, но это не принесло большого счастья в Огненной долине. Лунный Лик видела смерть мужа и его падение в воду. Когда, по возвращении отряда Аба, ход битвы изменился, она с воплем бросилась к роковой скале, где погиб славной смертью ее муж. Спустившись по течению реки, по ее неровному руслу, она вошла в маленький водоем ниже скалы, наклонилась и достала из воды тело старого воина. Обхватив его руками, женщина начала карабкаться обратно, безмолвно покачивая головой; видом ее горя были тронуты даже суровые воины, несмотря на грубые нравы эпохи, и подошли к пей помочь нести ее печальную ношу. Поднявшись на равнину, она осторожно положила тело на траву, без слез, не произнося ни слова, и лишь, когда собрались ее дети, и Быстрая Ножка вся в слезах подошла к ней и обняла ее, тогда лишь брызнули из глаз некрасивого существа потоки слез, глубокий вздох дал исход тяготевшему чувству, и по долине пронесся плач об умершем. Воины, погибшие у восточной стены, были перенесены и небрежно брошены в лужи на дне долины, где лежало множество мертвых тел. На небе собиралась гроза, и люди готовились воспользоваться ожидавшимся приливом. Облака разрешились дождем, маленький поток переполнился водой и унес все трупы в большую реку, а оттуда в море. От всего отряда нападавших остались только трое, перепрыгнувшие через пламя, и те, что успели скрыться в пещере.

Ночью происходило совещание между Абом и его друзьями, и было предложено, как легчайший способ завладеть пленниками, завалить камнями вход и предоставить

жалким побежденным погибнуть от голода. Но старый Мок отвел Аба в сторону и сказал:

— Почему бы не оставить их в живых? Они могут на нас работать все, что им прикажут. Они хотели завладеть нашей долиной? Пусть останутся здесь и увеличат наши силы.

Аб сразу оценил всю основательность этих доводов, и пленным было предложено на выбор: или погибнуть, или послушно работать вместе с жителями долины. Они недолго раздумывали и колебались: так заманчиво им рисовалась жизнь в прекрасной долине.

Они признали власть Аба, вышли, поели и остались на всегда в Огненной долине с женами и детьми, которые пришли к своим мужьям и отцам.

Эта долина, дававшая безопасность и защищенная, как крепость, стала приобретать все большее и большее значения.

Глава XXX

НАШ ДРЕВНИЙ ПРАПРАДЕД*

Прошли целые годы. В один тихий осенний вечер обросший седыми волосами человек, уже приближавшийся к преклонному возрасту, но с крепкими руками и гибкими ногами, сидел на возвышенности, посматривая сверху на селение. Он глядел с чувством спокойствия и удовлетворенности то на маленькую долину, то на видневшийся вдали лес, за вершины которого опускалось солнце. Он вышел из селения по свойственному охотникам желанию быть подальше от жилья, но захватил с собой работу: когда его взоры не были обращены в даль, он занимался доделыванием лука, по временам испытывая его упругость. Каждое его движение указывало на сохранившуюся еще силу и на умение пользоваться ею. Могучей силой обладал Аб, великий охот-

* Заглавие в исходном русском пер. опущено.

ник и глава народа Огненной долины.

В нескольких шагах от Аба, прислонясь к стволу букового дерева, стояла Быстрая Ножка, а взгляд ее с обычной зоркостью живо перебегал с одного предмета на другой. Они всегда испытывали чувство спокойствия и довольства, находясь вместе, и жизнь одинаково отразилась на этой чете. Женщина, быть может, изменилась даже меньше мужчины. Ее волосы были по-прежнему темны, без малейшей седины, и походка еще не отяжелела. Изменилось только выражение ее лица; около глаз и рта появились неуловимые, трогательные черточки и складки, следы от перенесенных забот, печали, страдания и покойной радости, — одним словом, того, что приносит с собой материнство.

Когда сумерки окутали долину, из леса раздался шум и крики толпы молодежи, возвращавшейся с лесной экскурсии. Аб посмотрел на огненную ограду долины, на лесистые холмы, в густой тени которых лежали и маленький Мок, и старый Хильтоп, и мать его, Аба; посмотрел на веселую молодежь, которая бегала, прыгала, боролась и бросала, вступая в состязание, копья, топоры и камни, и почувствовал странное, угнетающее настроение: ему вспомнился Ок, лежавший одиноко в земле, за много верст от долины. Аб даже теперь еще чувствовал, как сильная рука друга обхватила его вечером при возвращении с пира после охоты на мамонта и спасла его от верной смерти. У этого человека, пережившего много битв и много испытаний, сжалось горло от спазма. Он встряхнулся, как бы желая сбросить с себя угнетавшие воспоминания. Ок теперь редко и то лишь по ночам нарушал спокойствие Аба; наутро призрак исчезал из Огненной долины.

Теперь мимо проходила толпа молодых охотников, таких же шумных, как и молодежь в долине. Аб задумчиво посмотрел им вслед. Он почувствовал смутное желание заговорить с ними, сказать им про все то зло, которого они могли бы избежать и которое так мучительно гнетет в иные минуты; но пещерный человек плохо отдавал себе отчет в охвативших его чувствах. Аб так же не мог бы высказать свое наполовину сознанное чувство, как дерево не может за-

кричать при ударах топора.

Женщина отошла от дерева, приблизилась к мужу и коснулась его руки. Его глаза с лаской обернулись к ней. Она села рядом, и между ними завязался веселый, прерывавшийся смехом разговор: чувствуя сильный голод, она просила его остановить работу и вернуться с ней в долину. Критически осмотрев лук, она высказала свое мнение, на что имела право, как один из лучших стрелков среди жителей долины. Когда солнце спустилось на самый горизонт, они сошли в объятую темнотой долину. Эта чета чувствовала удовлетворение при мысли о протекшей жизни.

И дети, оставшиеся после них, были храбры, сильны, обладали властным характером и удержали за собой предводительство над возраставшим населением. Последовавшим поколениям этого народа суждено было пережить большие и тяжелые испытания, но им не пришлось бежать, подобно диким зверям, перед первым, еще слабым натиском стремившегося на запад арийского племени. Первая волна этого нашествия была отражена; мужчины попали в рабство, а женщины сделались женами победителей. Но перед новым, усиленным нашествием арийцев пещерные люди, населявшие другие части страны, отступили и бежали к северу, где превратились в подавленных холодом лапландцев и эскимосов. Этой участи избегли лишь жители долины и их могучие вассалы, населявшие страну на сотни верст кругом долины. Задача была не по силам для грубых завоевателей овладеть укрепленной долиной, и после ожесточенной борьбы совершилось не покорение, а слияние народов, по крайней мере, в этой местности, что составляло благо для обеих сторон.

И при изменениях, пережитых природой во время последних движений ледников, то вытеснявших людей и животных, то вновь освобождавших страну, образовавшийся от слияния народ не терял своей целости, сохраняя ее от эпохи геологических переворотов вплоть до исторических времен; он долго пользовался полированным каменным оружием, затем, позднее, бронзовым и разветвился на много племен, упорных защитников своей земли и отважных за-

воевателей чужих стран, на иберийцев, галлов, кельтов и саксов, сражавшихся друг с другом и снова слившимися в позднейшие времена.

Рассказанное в этой книге не роман и не фантазия, — это истинная история.

ОБ АВТОРЕ

Американский писатель и журналист Стенли Ватерлоо родился в 1846 г. в Мичигане. Изучал право в Мичиганском университете. Был принят в Вест-Пойнт, однако учебе в военной академии помешала случайно полученная травма.

С 1870 г. жил в Чикаго, где обратился к журналистике, позднее работал в ряде газет в Миссouri, издавал в Сент-Поле (Миннесота) газету «The Day». По возвращении в Чикаго около шести лет проработал редактором в «Чикаго трибюн», дважды избирался президентом Чикагского пресс-клуба.

С 1890-х гг. целиком посвятил себя литературе, став довольно успешным прозаиком; первый же его роман «Мужчина и женщина» разошелся за полгода в количестве 100 тыс. экземпляров. Среди прочего, написал ряд научно-фантастических рассказов и НФ-роман «Армагеддон» (1898) о будущей войне между англо-американским альянсом и государствами Европы. Последний, изданный посмертно роман Ватерлоо «Сын веков» — также фантастический: это серия исторических виньеток, начинающихся с допотопных времен и объединенных реинкарнациями главного героя («связующего звена»). Однако наибольший успех выпал на долю неоднократно переиздававшегося романа «The Story of Ab: A Tale of the Time of the Cave Man» («История Аба: Повествование из времен пещерных людей», 1897). Роман этот оказал настолько заметное влияние на Джека Лондона, что с появлением повести Лондона «До Адама» (1906-07) Ватерлоо обвинил писателя в плагиате. В ответном открытом письме Д. Лондон заявил, что тексты его и Ватерлоо «далеки друг от друга, как два полюса, в их подходе, точке зрения, фокусе и так далее. Я написал свой как ответ на ваш, поскольку ваш был ненаучным. Вы втиснули эволюцию тысяч поколений в одно — что возмутило меня еще при первом прочтении вашего романа».

С. Ватерлоо скончался от пневмонии в Чикаго в 1913 г.

Русский перевод романа «История Аба» публикуется по изд.: Ватерлоо С. Жизнь пещерного человека. М.: С. Курнин и К°, 1914. В тексте исправлены наиболее очевидные опечатки и

некоторые устаревшие обороты; орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

В нашем издании приведены два комплекта иллюстраций. Цветные принадлежат С. Веддеру и взяты из издания «Истории Аба» 1905 г.; черно-белые иллюстрации Ф. Стирнса (Stearns) взяты из книги «Ab, the Cave Man» — детской адаптации романа в изложении Ф. Ниды (Чикаго, 1918).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.